

Выпуск 4

Лажечников и Тверской край

Лажечников и Тверской край

Выпуск 4

Лажечников
и Тверской край

Выпуск 4

Тверь
2012

УДК 821.161.1.09+929Лажечников
ББК Ш5(2=411.2)51–4Лажечников И.И.28
Л 16

Лажечников и Тверской край. Вып. 4: Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2012. – 188 с.

В издании собраны статьи и материалы, посвященные вопросам, связанным с жизнью и творчеством известного писателя И. И. Лажечникова. В архивных публикациях представлены новые сведения о культурной жизни Тверской губернии середины XIX века, о народной словесности Старицкой земли, хорошо известной Лажечникову-помещику. Представлены студенческие работы, прозвучавшие в виде докладов на Лажечниковских чтениях в 2010 году. Также публикуются материалы к библиографии «Лажечников и Тверской край».

ISBN 978-5-903728-50-3

© А. Ю. Сорочан, редактор, 2012

© Авторский коллектив, 2012

© Издательство М. Батасовой, 2012

Содержание

От редактора5

А. Ю. Сорочан

«Тверские» сюжеты в поздних сочинениях Лажечникова:
несколько замечаний о свойствах локальных текстов7

Лажечников и культурная жизнь Тверской губернии

Ф.Н. Глинка. Басни

Подготовка текста С.А. Васильевой, О.С. Карандашовой.....25

А.П. Глинка: страницы биографии

Публикация С.А. Васильевой, О.С. Карандашовой.....29

Е.В. Петренко

И.И. Лажечников в дневнике

А.В. Маркова-Виноградского.....40

В.Г. Щекотилов

Тверская губерния в работах по исправлению

губернских атласов в середине XIX века45

Священник Владимир (Шувалов)

Достойный подражания. Жизнеописание настоятеля

Ржевского Успенского собора протоиерея Матвея

Александровича Александра (Константиновского)

Фрагмент из книги.....56

Фольклор Старицкой земли

А.А. Петров

К истории собирания и изучения фольклора

Старицкой земли.....70

Приложение

Из материалов фольклорных экспедиций79

Из архива А.М. Смирнова-Кутаческого. Сочинение

на тему «Народное творчество Старицкого района»

Вступительная статья и публикация А.А. Петрова.....889

М.Ю. Батасова

Исчезнувшие источники. Память места96

Из портфеля редактора: заметки и комментарии

А.Ю. Сорочан

Язык прошлого и язык настоящего:
древние языки в прозе Лажечникова.....103

А.Ю. Сорочан

И.И. Лажечников и А.В. Старчевский:
о принципах комментирования
писательского эпистолярия 117

Молодежная трибуна

Е.В. Титова

Лифляндия и лифляндцы в романе
И.И. Лажечникова «Последний Новик»..... 126

Д.Н. Конюкова

«Гримаса моего доктора» И.И. Лажечникова:
биографический материал и готический текст 136

К.Е. Иванов, А.Ю. Сорочан

Новобранцы 1812 года: Воспоминания
прошлого в пьесе и очерке И. И. Лажечникова 142

Библиография

Е.В. Петренко

И.И. Лажечников и Тверской край.
Материалы к библиографии..... 155

От редактора

Настоящий, четвертый сборник выходит в свет после трехлетнего перерыва в издании серии¹. Этим объясняется некоторая разнородность представленных Вашему вниманию материалов. Однако магистральной остается тема связи Лажечникова с Тверской землей, с ее культурой, с конкретными людьми и местами... Открывающая книгу статья ставит ряд вопросов, связанных с функционированием термина «локальный текст» применительно к «тверским» сюжетам в произведениях Лажечникова. А далее рассматриваются эпизоды культурной жизни Тверской губернии середины XIX столетия, представлены материалы о ряде лиц, входивших в круг общения писателя. Как обычно, значительную часть сборника составляют архивные публикации; к литературным источникам добавились на сей раз фольклорные. Материалы, посвященные народной словесности Старицкого уезда, позволяют представить, откуда черпал Лажечников фольклорные материалы, отчасти отразившиеся и в его романах. Эта тема, как и многие другие, затронутые в статьях настоящего издания, требует дальнейшего, весьма основательного исследования.

Изучение творчества Лажечникова в Твери продолжается. 27 и 28 сентября 2010 года в Тверском государственном университете прошли мероприятия, посвященные 220-летию со дня рождения писателя. Во вступительном слове проректор ТвГУ по научной работе Г.А. Толстихина отметила, насколько важно включить лажечниковедение в контекст регионального образования. А привлечение к исследовательской работе студентов является частью политики университета как инновационного научного учреждения. Это подтвердили и чтения, на которых

¹ Предшествующие выпуски: Лажечников и Тверской край. Тверь: Марина, 2005; Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции. Тверь: Марина, 2006; Лажечников и Тверской край. Вып. 3: Лажечников и усадебная культура. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2009. Далее ссылки на эти издания даются как *Лажечников* с указанием номера.

наравне с научными докладами дипломированных специалистов прозвучали и студенческие сообщения, посвященные жанровым особенностям мемуарной прозы Лажечникова и своеобразию национальных характеров в его текстах. Лучшие из этих сообщений печатаются в настоящем сборнике в разделе «Молодежная трибуна», который в дальнейшем, надеюсь, станет постоянным.

Кроме того, состоялась и экскурсионная поездка по лажечниковским местам, которую провели А.В. Шитков и А.Ю. Сорочан. Посетив имения Лажечникова – Коноплино и Никольское, побывав в Старице, участники мероприятий не могли не заметить, сколь многое связывает имя писателя с Тверской землей. Мы можем пройти по улицам, где ходил Лажечников, понять, в каких условиях он творил и какие сюжеты из местной хроники использовал. Собственные воспоминания о громких судебных делах писатель отразил в романах, уединенное жительство в Конопляне натолкнуло его на мысль о создании водевиля «Окопировался», а обстоятельства расхищения казенных средств в Твери отразились много лет спустя в книге «Внучка панцирного боярина». Лажечников не только литературой занимался в Твери – он находил время для самых разных благотворительных проектов: от открытия Старицкого училища до написания гимна Осташковской пожарной команды. Отрадно, что исследования его творчества в Твери продолжают. Жаль только, что память о писателе никак не увековечена – нет ни улицы его имени, ни даже памятной доски на доме, где он жил и работал. Впрочем, в печатном слове эта память увековечена, как показывает информативная библиография, подготовленная для настоящего сборника Е. В. Петренко. В статьях – научных и популярных, «случайных» и «монографических» – отражено многообразие восприятия творчества писателя на Тверской земле. Думается, пока не время еще подводить итоги развитию того направления, которое мы называем «лажечниковедением». Потому в заключение этой вступительной заметки могу лишь поблагодарить авторов настоящего сборника, всех, кто поддержал проект в трудные времена. Думается, исследование заявленных проблем выходит за рамки литературного краеведения, и нас ожидает еще немало открытий...

**«Тверские» сюжеты
в поздних сочинениях Лажечникова:
несколько замечаний о свойствах локальных
текстов**

Изучение текстов, порожденных определенным пространством, уже давно выделилось в особое направление. Текстуализация пространства – только один из теоретически осмысленных приемов подобного анализа. В целом же локализация художественных текстов связана с возрастающей ролью литературного краеведения в системе гуманитарных дисциплин. Конечно, есть попытки создать жесткое разграничение: «Краеведение является комплексной гуманитарной наукой, ориентированной на системное изучение пространства как носителя культурных смыслов в его специфичности, но при этом не предполагающей текстуализации данного пространства»¹. Однако едва ли подобные деления носят окончательный характер. Локальный текст в культуре приобретает весьма специфические особенности; и пределы трансформации местного материала еще предстоит обозначить. Если «петербургский»² и «московский»³ тексты достаточно легко охарактеризовать, вычленив базовые свойства, то с иными локальными текстами проблемы остаются. И сюжеты и явления местной жизни, получая художественное воплощение, формируют в литературе совершенно новые единства. Мне уже неоднократно случалось писать о сюжетах тверской истории в текстах Лажечникова, о влиянии служебных занятий на тематику и своеобразие его позднего творчества⁴.

¹ *Строганов М.В.* Литературное краеведение. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 16.

² *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

³ Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. М.: РГГУ, 1998.

⁴ *Лажечников 2.* С. 5-17; Тверская история в прозе Лажечникова // *Сорочан А.Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь: Изд-во М. Ю. Батасовой, 2010. С. 87-97.

Однако, думается, возможно расширить круг интересующих нас произведений и показать, как тверской материал входит в тексты, которые вроде бы нельзя относить к локально ориентированным; более того, в тексты, созданные вне Твери в 1860-х годах. И тогда мы сможем представить многообразие вариантов трансформации образа места в художественном тексте и увидеть, как формируется локальная составляющая литературы. Тем самым и «краеведческий» комментарий, и опыты гуманитарной генерализации обеспечат выход к некому синтетическому осмыслению, казалось бы, пространственно ограниченных представлений.

Итак, самый простой и наглядный пример – упоминания тверских сюжетов и событий. Весьма значительное место они занимают в романе «Басурман». Но рассмотрим позднейшую пьесу «Матери-соперницы», основанную на сюжете романа. Это произведение, напечатанное в 1868 году, было последним прижизненным сочинением Лажечникова и успеха не имело. Только в последнее время к нему обратились исследователи, анализирувавшие мифопоэтическую составляющую¹; впрочем, реабилитация поздней драматургии Лажечникова вряд ли возможна – попытки реанимировать структуру «Опричника» много лет спустя были безжизненными и обреченными на неудачу. Нас, впрочем, интересует не эстетическая оценка произведения, а только изменение роли тверского материала. Разумеется, оно связано с трансформацией сюжета – в пьесе на первый план выходит борьба Елены и Софии за наследование престола Иоанна III; судьба Дмитрия Иоанновича и его матери становится основной трагической коллизией, а неизбежную любовную линию обеспечивает увлечение великой княгини «суконником» Золотым. Страсть возникает – как настоятельно подчеркивает автор – в разгар борьбы за цельность государства, и одной из предпосылок ее становится «выдвижение» ратника в боевых

¹ Прокофьева Е.А. Своеобразие мифопоэтики исторической драматургии И.И. Лажечникова // Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди. Наукові записки. Сер. Літературознавство. – Х.: ХДПУ, 2011. Вип.1(65). – С.53-75.

походах, а именно – в походах на Тверь. Вот как впервые вводится упоминание о городе:

С х а р и а

Как звание его и имя знать?

Великая княгиня Елена

Суконник он, а имя _Золотой_.

С х а р и а

Суконник?.. Малый статный, и красавец,

И удалой. Недавно позвал в поле

Боярского сынка и тяжко ранил.

В е л и к а я к н я г и н я Е л е н а

Когда под Тверь ходила наша рать,

Полка большого воевода Холмский

Сам обнимал его во время битвы¹.

С х а р и а

Но все-таки суконник. Имя это

Язык сковало мне.

В е л и к а я к н я г и н я Е л е н а

Ты сам учил,

Что люди перед Богом все равны².

Идея равенства возникает тогда, когда размыкаются тесные границы московской жизни, когда государство, увеличиваясь в размерах, трансформируется, меняет структуру. И в мир «московский», моноцентричный, вторгаются упоминания об иных центрах, в которых возможна иная жизнь... Возможно сопротивление Москве, возможно и существование иных систем ценностей.

¹ Ср.: «Это были головы и сотники, избранные от нескольких десятень сурожан и суконников, которые охотились искать ратной чести под Тверью. Они, с дозволения великого князя, приехали бить челом Хабарову-Симскому, чтобы он взял их под свое воеводство» (*Лажечников И.И.* Басурман; колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М.: Советская Россия, 1989. С. 225).

² *Лажечников И. И.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Изд. тов-ва Вольф, 1900. Т. 12. С. 191. Далее это издание цитируется с указанием тома и страницы в тексте.

С х а р и а
В смущеньи ты, худые верно вести?
К у р и ц ы н
Недобрые принес тебе я ныне.
Работает великая княгиня
Фоминишна всей силою ума
И хитрости против тебя, Зосима,
Меня и всех учеников твоих.
Василий выпущен уж из тюрьмы,
Великий князь скучает и сердит,
Торжественно из Твери воротятся,
Алена Волошанка из ума
Как будто выжила и свекра
Совсем забросила, и сына
На волю глупых мамок отдала.
Лишь песенки у ней да хороводы.
Все это нам недоброе сулит.

С х а р и а
О ве! о ве! Когда б ты знал еще,
Что вздумала в суконника влюбиться
И наяву, и в грезах полуночных
Его лишь видит одного (12, 194).

Роль Схариа в этом тексте аналогична роли его в «Басурмане»¹ – то, что именуют «ересью», оказывается «мудрой наукой», призванной открыть Русь миру. По словам великой княгини Елены,

И не отступник он от Бога – ложь!..
А дел Его великий толкователь;
Светил небесных по путям нас водит,
По ним судьбу и царств и человека
Пророчит, по созданиям Творца
Любить и почитать нас научает (12, 214).

Теперь в фигуре Афанасия Никитина, игравшей столь важную роль в романе², более нет нужды: духовное движение передается иными средствами; покорение Твери, пусть и непра-

¹ См.: *Лажечников I*. С. 40.

² Там же. С. 38-41.

ведное, становится частью этого движения. А сочувствие к заточенному отроку выражает иной персонаж, невольный тюремщик Дмитрия Иоанновича Небогатый. В связи с этим и оценка тверских событий становится монологической. На первый взгляд, идея противостояния двух систем сохраняется; приведенные выше цитаты, почти дословно повторяющие текст романа, в этом убеждают. Однако декларативные монологи свидетельствуют о другом. В романе Иоанн выступал против «изменников», но его действия критикуют и положительные герои, и (очень осторожно) сам автор. А в пьесе о Твери рассуждает только сам государь, и никакие уточнения его мнений невозможны; противостояние правды «государственной» и «нравственной» не изображается. Судьба Твери предречена, решение принято, и «неправедные» поступки находят единственно возможное объяснение:

Раскинул широко? Га; полно, так ли?
Что захватил и правдой и неправдой,
Держу-то крепко и не выпущу.
А тут на сердце налегли свои
И вяжут крепко руки мне. Кругом меня
Тыны поставили: Ростов, Рязань,
И Ярославль и Углич; некрепка
На шаткой Верее моя калитка;
Поеду в Новгород, всегда о Тверь
Я запинаясь. Выгляни в окно -
Увидишь из него чужую треть,
Чужое княжество. Нет, прежде свалим
Везде тыны, везде заставы срубим,
А там, продлит Бог, если живота
И милости Его не оскудеют,
Царем тогда я буду настоящим. (12, 151)¹

Позволим привести себе еще несколько обширных цитат – текст «Басурмана» хорошо известен читателям; о «Матерях-

¹ Ср.: «Тогда буду царем вся Руси не одним прозвищем; тогда скажу: видно, бог избрал на то своего раба Ивана! Да, буду царем!» (*Лажечников И.И.* Басурман. С. 51).

соперницах» этого не скажешь. А ведь здесь, в монологах Иоанна, выражается позиция не только «московская»; новый взгляд на отношения Москвы и Твери соответствует новому видению отношений центра и периферии в культуре. Для Лажечникова это в принципе достаточно важно, но на историческом материале он в позднем творчестве этот взгляд практически не выражает. Итак, вроде бы тот же самый текст:

К у р и ц ы н

(великому князю)

Послы тверского...

И о а н н

Князя, скажешь ты?

Не признаю тверского князя боле.

Спрошу тебя, что обещал он нам

Своею грамотою договорной?

К у р и ц ы н

Что с польским королем он разрывает

Союз, без ведома он твоего

Иметь не будет боле с ним сношений,

Что он клянется за себя и за детей

Вовек Литве не поддаваться.

И о а н н

Так.

Лист у тебя ль хранится к Казимиру

От нашего доброжелателя,

Которого тверским ты князем назвал?

К у р и ц ы н

Имею, государь.

И о а н н

Что говорится там?

К у р и ц ы н

Тверской князь возбуждает Казимира

Против тебя.

И о а н н

Теперь суди нас Бог!

Ступай и объяви тверским послам,

Что я не принимаю их в Москве.

Им было слово милости мое,

Над ним они смеяся надругались...

Что я им?.. Ветошь! – ныне в прахе топчат,
А завтра ставят вместо чучела
В своих садах, чтобы пугать ворон.
Или болван, которому сегодня
Поклоны до земли, а завтра бросят
В поганое болото с причитаньем:
«Князь, батюшка наш, выдыбай!»
Не на того напали! Пусть ведут
Изменническую с Польшей речь
И короля чествят своим владыкой;
А я своим лицом приду сказать
Твери, кто господин их настоящий.

(Ударяет в гнев посохом в пол, отчего он переломляется в куски.)

Вот, кстати, наша с Тверью грамота
Разметная. Трость покажи послам –
Кабы погнулась, так была б цела!

К у р и ц ы н

(подобрав обломки трости, про себя)

Так рушится соперница Москвы! (12, 154-155)¹

Вывод Курицына теперь, поскольку никаких иных комментариев в тексте нет, идентичен авторскому: жертва неизбежна для развития Руси, изменение границ государства ведет к новой оценке положения «иных земель». Локальный текст интерполируется в текст «столичный», слияние болезненно, но в драматическом, централизованном мире Лажечникова неотвратимо.

Любопытно, как в том же тексте осуществляется синтез «тверского» и «новгородского» сюжетов. В «Матерях-соперницах», как и в «Басурмане», изображается визит Ивана III в келью Марфы Борецкой. Приведу еще одну обширную цитату, чтобы продемонстрировать, насколько изменилось соотношение «столичного» и «нестоличного» взглядов:

Великий князь Иоанн Васильевич

(ласково)

Послушай-ка, Борецкая, я дам

¹ В целом этот эпизод практически копирует роман (Ср.: *Лажечников И. И. Басурман. С. 79*).

Тебе совсем свободу. Хочешь ли
В другую сторону, в иное место?

Марфа

(махнув рукою)

В другую сторону, в иное место?

Бог позаботится и без тебя.

Великий князь Иоанн Васильевич

А я хотел в Верх Бежецкий отправить.

Марфа

(выпрямляясь)

В Верх Бежий?.. Наша там была земля;

Хоть умереть бы на родной земле!

Великий князь Иоанн Васильевич

Так с Богом в путь. Молись там на всей воле,

Строй церкви, нищих братьев оделяй;

Казну твою с тобою отпущу.

Прощай, уж не увидимся мы боле.

Марфа

Мы свидимся на Божием суде.

Великий князь Иоанн Васильевич

(отойдя несколько шагов по переходу, скидает тафью)

О, Господи, суди раба Ивана,

А не правителя всяя Руси!

И если я подчас грешил неправдой,

Не о своей корысти я радел,

А об корысти моего народа (12,184-185)¹.

Исторической точности в этом рассказе, разумеется, нет. Действие происходит в 1502 году, однако в это время Марфа Борецкая находилась уже в заточении в Нижнем Новгороде, где

¹ Ср.: «Задумчиво отошел великий князь от тюрьмы ее, задумчиво, не оглядываясь, прошел мимо отделений других пленников, и когда пахнул на него свежий воздух, он перекрестился на ближнюю церковь и примолвил: - Будешь разве судить раба твоего Ивана, а не князя московского» (*Лажечников И. И.* Басурман. С. 147). Как легко заметить, религиозно-моралистический тон романа в пьесе исчезает; финальное суждение – самооправдание государя, которому и принадлежит в пьесе последнее слово.

и умерла через год. Земли ее, отписанные в казну, разумеется, не были возвращены посаднице. Да и состав этих земель является предметом исторических дискуссий¹. Нас же интересует другое: провинциальные, «немосковские» земли, хоть и ставшие частью Московского государства, все одно остаются «иным местом» – здесь действуют иные закономерности, здесь своя история и своя система ценностей. Она может ассимилироваться, но исчезнуть – вряд ли. Лажечников не изображает Тверскую землю, он описывает события, происшедшие в Твери, устами «московских» героев, но сохраняет указание на инаковость этих событий. Локальный сюжет, соприсутствующий основному, и в поздних произведениях сохраняет свое значение, пусть завуалированное и трансформированное в иных жанровых формах.

Иной путь переосмысления «местного текста» – включение эпизодов, связанных с конкретным местом, в художественный текст без прямых указаний на исторические обстоятельства. Здесь предоставляется большой простор размышлениям комментатора и в то же время очевидно, что изменение «локального кода» не следует абсолютизировать. Вот, к примеру, сюжет «Внучки панцирного боярина» (1868). В исповеди Михаила Аполлоновича Ранеева присутствуют отчетливо автобиографические эпизоды – от литературного дебюта в «Аглае» до смерти любимой жены. Остановимся на одном из таких эпизодов: «В те годы, о которых говорю, в России была какая-то эпидемия на расхищение общественных и казенных сумм <...> открылась утайка или, лучше сказать, похищение тысячной суммы в губернском общественном банке города Приречья. Деньги, полученные из одного судебного места, не были записаны на приход более полутора лет и переползли в карман управляющего банком. Виновный был коллежский советник Киноваров, служивший прежде чиновником особых поручений при предместнике Анонима и считавшийся доселе честным и деятельным чиновником; Аноним особенно благоволил к нему. Но честность его

¹ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке: С прил. карты СПб.: Типография императорской АН, 1853. (Записки Императорского рус. геогр. о-ва ; кн. 8).

была только маска, которую он на себя надевал, пока не имел еще возможности распорядиться важными суммами. Страсть его к карточной игре обнаружила, на какие черные дела он был способен, и погубила его» (4, 202-203). Определить прототипов в данном случае несложно. Приречье в данном случае – Тверь; Аноним – скорее всего, губернатор А. П. Бакунин¹, отношения с которым, при внешней корректности, у Лажечникова были довольно напряженными. А «главным злодеем» в деле о пропаже казенных сумм был неременный член Тверского приказа общественного призрения Никифоров (ум. 1850). Созвучие фамилий, кажется, должно стать дополнительным подтверждением этого. Дальнейшая история изложена в романе весьма подробно: «Преступник не мог воровать без сообщников. Вся канцелярия губернского банка была подобрана им в одну шайку из людей, готовых на всякие черные дела. Тут были, как оказалось впоследствии, составители фальшивых кассовых билетов, гениальный каллиграф, подписывающий под чужие руки так искусно, что тот, под руку которого он подписывался, должен был признать ее за свою. Были тут и другие художники подобного рода из канцелярских чиновников, закупленных Киноваровым, в том числе и секретарь, главный товарищ атамана шайки. А кабы видели, какие это были святоши по наружности, как они усердно ставили свечи перед образами, и клали земные поклоны! <...> члены, присутствовавшие в губернском общественном банке и ближайшие блюстители банковых сумм, ничего из этих подвигов не видели. Члены эти были: один от дворянства, хворый умом и телом, упивавшийся, в чайнии движения воды, покуда хлебным опиумом, подписывавший журнал у себя на дому, другой – от купечества, едва умевший выводить каракульками свое звание и фамилию, и третий от крестьян, мещанин, лакейски исполнявший то, что прикажет ему секретарь, не только что Киноваров. Он подавал в отсутствие сторожа теплую одежду и калоши приходившим в банк чиновным посетителям. Мало-помалу стали открываться, одна за другой, разные утайки значительных сумм, продолжавшиеся, как я сказал, не-

¹ См. о нем: *Сысоев В.И.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ “ПРЕСТО”, 2004.

сколько лет. Их нельзя уже было скрыть. Аноним, обязанный ревизовать ежемесячно суммы банка, был в ужасной тревоге, но старался всячески спастись от крушения, которому он сам, испытанный кормчий, подвергнул общественный корабль, и потому напряг все силы своего ума и душонки, чтобы выпутаться из беды <...>. Не подозревая ничего неблагоприятного для себя и не имея ничего, чем упрекнуть себя по служебным делам, я наслаждался в моем сельском убежище прекрасными летними днями, счастливый любовью моей Агнессы и рассветом жизни моих детей.

Срок моего отпуска кончился, я возвратился в Приречье и явился к Анониму. Лицо его было печально и сурово, глаза из-под надвинутых на них бровей метали от себя какой-то злоеющий огонь. Недалеко от него стоял почтмейстер с озабоченным видом.

– А вы в объятиях природы прогуляли важную сумму (такую-то) общественного банка, – сказал он мне.

<...> С тревожным чувством поехал я на почту. Там по страховой денежной книге видно было, что за два года назад, во время моего управления, по случаю отсутствия Анонима, Киноваров действительно получил с почты важную сумму и в получении ее расписался. Еду в банк – по денежной книге эта сумма не записана на приход.

– Что, справились? – спросил меня иронически Аноним, когда я возвратился к нему с почтмейстером.

Пораженный своим несчастьем, будто громовым ударом, я ничего не отвечал и закрыл рукою глаза, из которых хлынули слезы.

Я был уверен в своей невинности, но знал, что казенные деньги, тут же и общественные, не горят и не тонут (надо прибавить, а только тают в горячих руках), и взыскание их должно пасть на меня с членами банка.

<...> Меня несколько лет ни в продолжение следствий, ни в продолжение суда не спросили ни единым словом, что мне известно по этому делу, между тем губернский суд приговорил меня, наравне с членами банка, к уплате похищенных денег, отстранив по ним от всякой ответственности своего главного начальника и главного виновника всех беспорядков в банке –

Анонима. Мудрено ли! он мог во всякое время найти беспорядки в *подведомственном ему судебном месте* или пригреть членов его лучом благоволения. Оговорки суда в пользу его были условные, гадательные, как: *"могло бы, если бы, можно полагать, могло статься"* и тому подобные.

<...> Знаю одного собрата моего по такой же должности, какую я занимал, попавшего совершенно так же, как и я, в приготовленную западню, которого через 20 лет по открытии преступления, не им совершенного, но так же, как и я, присужденного губернским судом к уплате важной суммы, спросили, что может он сказать в оправдание свое. Представьте себе, какую нечеловеческую память должен был иметь мой брат, чтобы вспомнить и сообразить обстоятельства дела, случившегося за 20 лет. Таковы были в то время наши суды под гнетом административного влияния и под покровом глубокой тайны» (4, 204-207). Дальнейшее развитие событий – уже отчетливо романтическое (с исчезновением «умершего» Киноварова и его позднейшим драматическим «воскрешением из мертвых»), однако основная канва этого сюжета соответствует «тверским» эпизодам из жизни Лажечникова. Даже сделанное в романе указание на то, что Аноним «умер недавно, оставив хорошее состояние своему семейству» (4, 216), в целом согласуется с нашим истолкованием: А. П. Бакунин скончался в 1862 году, роман, напечатанный в 1868-м, повествует о событиях 1863-го. Но посмотрим, как те же тверские события освещал тверской наблюдатель, сослуживец Лажечникова А. К. Жизневский: «По возвращении же моем в Тверь в 1863 г. на должность Председателя Казенной Палаты, опять возобновилась дружеская переписка. Впоследствии, с 1866 по 1869 год, она вторично приостановилась по случаю неудовольствия Ивана Ивановича на меня из-за дела о растрате сумм Тверского Приказа общественного призрения, производившегося в Тверской Уголовной Палате, в которой я был товарищем председателя. К этому делу был прикосновен Иван Иванович¹. Это дело настолько интересно и так

¹ Приказ, кроме заведывания больницами, богодельнями и другими делами общественного призрения, исполнял обязанности Губернского кредитного учреждения. – *Прим. А.Жизневского.*

много влияло на душевное спокойствие Ивана Ивановича, что я решаюсь сказать насколько слов о нем.

В доброе старое время растраты сумм в казенных учреждениях были почти обычным явлением; не дались нам также тогдашние кредитные операции в приказах общественного призрения. В приказах председательствовали губернаторы, которые, вследствие условий своих обязанностей, не могли постоянно следить за денежным ящиком, который, по необходимости, оставался на попечении членов приказа: непременно члена его и заседателей по выбору от дворян, купечества и от крестьян – часто неграмотных. Случалось, что сельские заседатели нередко исполняли в приказе обязанности истопников. Одним словом, в приказе все лежало на доверенном правительственном лице – непременно члене приказа. От его добросовестности зависела целостность сумм.

К счастью, с введением в 1865 году единства кассы, упраздненного денежные сундуки для хранения сумм каждого учреждения, и с преобразованием Государственного Контроля¹, значительно сократились расхищения сумм.

По Тверскому Приказу общественного призрения расхищение сумм производилось всевозможными способами. Начал это расхищение непременный член Никифоров, утаивая получаемые суммы приказа, и затем, подложным способом вытребовал из Государственного Заемного Банка по 40 билетам, на сумму 170000 р., проценты, в количестве более 19 тысяч рублей, также утаил их.

В то же время и другие чиновники канцелярии приказа стали похищать суммы его разными способами: то посредством предъявления фальшивых билетов приказа, то посредством вторичной выписки сумм в расход. Такое расхищение сумм приказа, выразившееся 32 следственными делами и простиравшееся с процентами на похищенную сумму до 63 тысяч рублей,

¹ Государственный контроль – учреждение для ревизии государственных счетов – был существенно реформирован в 1860-х; в 1863 г. было признано право документальной ревизии сумм вместо ревизии отчетов, в 1866 г. учреждены местные контрольные органы – контрольные палаты (вместо контрольных отделений казенных палат).

продолжалось с 1839 г. по 1850 г., частью и после смерти главного виновника Никифорова, и даже во время производимого следствия о растрате. Это расхищение происходило при тверских губернаторах: Бологовском¹ и Бакунине, а также при исправлявших должность губернатора: вице-губернаторах Глушкове², И.И. Лажечникове и председателе гражданской палаты Мистрове. По должности товарища председателя Тверской уголовной палаты, мне пришлось участвовать в решении этого громадного дела, в котором было более 90 подсудимых лиц. Решение это утверждено Правительствующим Сенатом. Кроме того, по указу Правит.<тельствующего> Сената пришлось также участвовать в распределении обеспечения растратенных сумм между прикосновенными к этому делу губернаторами и лицами, исправлявшими должность губернатора, по количеству похищенных сумм во время их управления губернией. Таким образом, в числе других, на губернатора Бакунина из 15897 р., расхищенных при нем, упало 11400, на губернатора Бологовского из 10568 – 5340, на вице-губернатора Ив. Ив. Лажечникова из 38786 р. – 17298 и т.д. Сделанный Палатой расчет признан правильным Министром Внутренних Дел (1855 г.). Но так как от губернаторов и лиц, исправлявших их должность, а также председателя казенной палаты и губернских прокуроров не было истребовано объяснений, то наложение на их имущество запрещения оттянулось до 1865 г., и тогда только сделалась известною Ивану Ивановичу эта печальная действительность. Впрочем, еще в 1853 г. им продано имение его, находившееся в Тверской губернии, каковую продажу губернатор Бакунин старался предупредить, но безуспешно, почему для Ивана Ивано-

¹ Бологовский Я.Д. (1797-?) – действительный статский советник, тверской губернатор с декабря 1837 г. по декабрь 1842 г.

² Глушков И.Ф. (1774-1848) – уроженец Твери, предшественник Лажечникова на посту вице-губернатора (1838-1843), автор книги «Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия историческая, географическая и политическая с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест» (СПб., 1801, неоднокр. переизд.)

вича запрещение на имущество не имело особого значения; тем не менее он вознегодовал на меня за сделанный Уголовной Палатой означенный расчет для обеспечения растраты, считая его неправильным и сделанным будто в угоду губернатору Бакунину, тогда как этот расчет признан, как выше сказано, правильным Министром Внутренних Дел. Действительно, И.И. Лажечников не сознавал своей вины, как временно управлявший губернией¹ и председательствовавший в приказе, попав, можно сказать, в руки шайки грабителей, которая расхищала суммы приказа, прикрываясь крайним беспорядком, допущенным губернаторами: сначала Бологовским, а потом Бакуниным. Тем не менее, Уголовная Палата, которой поручено было сделать расчет: при ком из губернаторов и исправлявших эту должность и сколько было растрчено сумм, не могла не видеть, что, кроме других дел, Иван Иванович подвергался обвинению в том, что ревизуя суммы приказа в августе месяце 1844 г., не усмотрел недостачу 40 банковских билетов на сумму 170 тысяч рублей, которые тайным образом вынуты были непременно членом Никифоровым из казенного сундука и отосланы им в Государственный Заемный Банк для получения по ним процентов. Затем И.И. Лажечников дал Никифорову уполномочие на получение с почты этих процентов в количестве 19912 р., и не наблюдал за запискою их на приход, чем допустил похищение их Никифоровым. Быть может, Никифоров, зная непрактичность Ив.Ив., решился на такое крупное хищение во время управления им губернией»².

Сходство ситуаций, как видим, разительное. Однако писатель видит в происходящем свидетельство «злого рока» и «человеческой несправедности», а провинциальный чиновник – элементарное невнимание к своим обязанностям. Различается и трактовка эпизода с подделкой подписей в романе и мемуарах. Герой Лажечникова излагает ситуацию как «житейскую», упо-

¹ Особенно часто Лажечников исполнял обязанности губернатора в середине 1840-х гг. (об этом регулярно сообщали «Тверские губернские ведомости»).

² *Жизневский А. К.* Мои воспоминания об Иване Ивановиче Лажечникове // *Лажечников. I*. С. 199-203.

мянутый «гениальный каллиграф» – не единственная причина подлога: «Члены спят по-прежнему и подписывают журналы, не читая их; я занят приготовлениями к приему одной высокой особы¹ и вследствие того размещением малочисленного войска в городе. Накануне приезда ее Кино-варов, пользуясь этим обстоятельством, получает из почтовой конторы деньги и билеты, деньги кладет себе в карман, а билеты, с помощью своих сообщников, в денежный сундук. При первом ежемесячном свидетельстве деньги по приходно-расходной книге и журналам оказываются налицо (помните, что те, которые получены с почты из высшего банка, не записаны на приход), билеты искусно предъявлены мне, членам и прокурору. Никто из нас, не подозревая преступления, не посмотрел на оборотном листе надписи, что проценты по ним выданы. Вот моя единственная вина, если судить меня как провидца» (4, 209). У мемуариста подобные случаи выглядят скорее забавными и нелепыми: «Нельзя не привести здесь следующий анекдот, характеризующий самоуверенность Ивана Ивановича, который, когда обнаружилась выдача сумм по подложным билетам, сказал: “Я уверен, что мою подпись никто не подделает”. Но вскоре показали ему один билет; Иван Иванович признал на нем свою подпись за настоящую. Каково же было его удивление, когда ему доказали, что эта подпись фальшивая!»². Идеализированное представление о провинциальной жизни разрушается столкновением с реальностью, это касается не только героя романа, но и автора, строящего текст как самооправдание задним числом. Попытки Лажечникова разделить вину с другими чиновниками имели место – однако заметим, что его сетования были весьма обоснованными (достаточно взглянуть на перечисленные Жизневским суммы, которые должны были уплатить должностные лица). Роман содержит авторское видение реальной ситуации; подобное, по мысли сочинителя, происходит в провинции повсюду, но его-то занимает один конкретный случай! И случай этот

¹ Лажечников встречал в Твери вместе с супругой и руководством губернии императрицу Александру Федоровну (1849 г.), великих князей Николая и Михаила Николаевича (1850 г.).

² *Лажечников. 1. С. 203.*

сохранял для него значение до самой смерти¹. События начала пятидесятых годов восстанавливаются полтора десятилетия спустя, но «тверские» ли это события?

Сюжет романа не равен реальной жизни; связано это неравенство и с изменением оптики. Образ региона в художественных текстах может трансформироваться; применительно к Лажечникову закономерности этой трансформации могут быть установлены. Имагологический анализ позволяет определить всю неоднозначность локального текста. На финальном этапе изучения «образа другого» (чем, собственно, и занимается имагология) наука обращается к «поиску причинно-следственной обусловленности в специфике реконструированного образа»². от проблем национального имиджа легко перейти к проблемам имиджа локального. Тогда образ региона в литературе получит более адекватное освещение. Имагология позволит интерпретировать неизбежную сложность концепции «своего» и «чужого» в локальной культуре: «Желание найти в иностранных государствах совершенно «иное», экзотическое, противостоящее повседневности и обыденности, может трансформироваться в позитивный образ, противостоящий ординарности и скуке»³. «Иное» обнаруживается и в провинции, к которой можно применить многие имагологические построения, до сих пор ограниченные сферой этнических характеристик.

Но неоднозначность литературных интерпретаций провинции ведет и к вариативности «локального текста». В 1830-50-х годах Лажечниковы был тверским жителем, в последнее десятилетие жизни он возвращается к тверским событиям, уже пребывая в ином качестве. От «сравнительно стабильной концепции собственной группы (автостереотипа)» он переходит к «писаний “других”, с которыми контактирует эта группа (гетеростереотипа)». И тверские сюжеты из «своих» становятся «чу-

¹ См. об этом в статье М.В. Строганова: *Лажечников*. 3. С. 8-19.

² Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж. Симферополь: Антиква, 2006. С. 54-55.

³ *Zacharasiewicz W. Images of Germany in American Literature. University of Iowa press, 2007. P. 4.* См. также *Сорочан А. Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. С. 164-171.

жими». Дело даже не в изменении оценок конкретных событий. Покорение Твери перестает быть ужасной трагедией, а события судебного следствия, наоборот, из местного анекдота становятся частью преследующего писателя «злого рока».

Образ провинциального региона становится и «автостереотипом» (для жителей региона) и «гетеростереотипом» (для представителей иных регионов). Конструируют этот стереотип и сами авторы, и читатели, вступающие с авторами в диалог. Разрушение одних стереотипов ведет к созданию новых: переоценка ценностных категорий тоже весьма важна. Идеи культурной (и политической) автономии местности получают в разных текстах весьма интересные интерпретации – где-то авторы дают практические рекомендации, где-то ограничиваются нравственными установками (как в «Басурмане»). Но развитие этих установок приводит к формированию новых статичных категорий, полностью исчерпывающих жизнь региона (как в «Матерях-соперницах»). «Гетеростереотип» в случае с русской провинцией образован чаще всего с использованием антитезы; образ региона противопоставлен образу другого региона (Москва, Петербурга). Этот образ еще и внутренне противоречив. Напротив, «автостереотип» однороден. Лажечников в текстах 1860-х годов перестраивает исходный образ, сложившийся в «тверские» годы. Границы «тверского текста» при этом сдвигаются. Первоначальная идеализированная структура отступает на второй план, но не происходит изменения знака – положительная оценка не сменяется отрицательной. Набор черт тверской провинции дополняется: сохраняются нравственные идеалы, вносятся новые драматические черты. «Свое», «тверское» сближается с «чужим». Конструируемый литератором образ провинциального города удаляется от реальности, однако сохраняет тесную связь с традицией построения «локальных текстов». Увы, сам этот термин утрачивает исходную определенность. Мы не можем назвать поздние сочинения Лажечникова «тверскими» – хотя местные сюжеты играют в них огромную роль; но мы не можем оторгнуть их от «тверского текста». Как видим, комментирование тверских реалий не может исчерпать всего комплекса проблем, связанных с художественным образом региона. Значит, обращение к новым сферам исследования неизбежно...

Лажечников и культурная жизнь Тверской губернии

Ф.Н. Глинка

Басни¹

**Подготовка текста С.А. Васильевой,
О.С. Карандашовой**

Творчество участника войны 1812 г., декабриста Ф.Н. Глинки до сих пор изучено недостаточно. В наибольшей степени известны «Письма русского офицера», включающие описания путешествия Глинки по центральным губерниям России и военных событий 1805—1806 и 1812—1815 гг.² Значительно меньше внимания уделяется поэзии Глинки³, его религиозно-философским произведениям⁴. Ситуация осложняется тем, что при жизни Глинки вышло лишь одно собрание его сочинений⁵, которое не могло в полном объеме раскрыть своеобразие этого писателя и поэта. В Государственном архиве Тверской области хранится много рукописей Ф.Н. Глинки, до сих пор не изданных. Отдельные произведения публиковались в 1830—1850-х гг. в московских и петербургских журналах,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Религиозные тексты Ф.Н. Глинки в культурной жизни России XIX в.», проект № 11-14-69001а/Ц.

² См.: *Глинка Ф.Н. Письма к другу* / Сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Зверева. М.: Современник, 1990.

³ См.: *Глинка Ф.Н. Стихотворения. 1810—1880* / Сост., автор послесловия и комм. В.И. Карпец. М.: Сов. Россия, 1986; *Глинка Ф.Н. Стихотворения* / Сопроводительный текст и составление М.В. Строганова. Тверь: Лилия Принт, 2006.

⁴ См.: *Глинка Ф.Н. Опыты аллегорий, или иносказательных описаний в стихах и в прозе* / Составитель, автор статьи и примечаний Ю.Б. Орлицкий. М.: РГГУ, 2009; *Глинка Ф.Н. Религиозная проза, сны и видения* / Сост., подготовка, текста, вступ. статья, примеч. С.А. Васильевой. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011.

⁵ Глинка Ф.Н. Сочинения в 3 т. М.: Типогр. газеты «Русский», 1869.

однако полной библиографии до сих пор не существует¹, поэтому сложно говорить о том, какая сторона его творчества была в большей известна читателю XIX в. Ниже публикуются басни Ф.Н. Глинки. Произведения этого жанра занимают незначительное место в творческом наследии писателя², в собрание сочинений 1869 г. он их не включил, однако они представляют интерес для исследователей, показывая многогранность творчества автора.

Басня

Из *старого* улья пустили пчел на волю,
А *нового* не припасли улья́.
И шумная крылатая семья,
Из *душного* старинного жилья,
Пустилась по лесам и полю;
А там по деревьям
и городам...
Все призадумались: *Как* пчел полет умалить;
А те, не думая, всех стали жалить... жалить!...
Тут *здравый толк* сказал: «Хозяин наш – *пчельник*
и благодушен и велик:
Ведь что ни говори, *хоть и дубовый*,
А *старый* улей был и гнил и хил! —
Да то пчельник из виду упустил,
Что заготовить надо было *новый*:
Тогда бы пчел опасная семья
Пошла б на *перевал* лишь в улей из улья́.
И просто, — путь был прост и гладок, —
Вошла б в устроенный *заранее* порядок...

¹ Отдельные публикации выявлены в работе: *Каширнова С.Г.* Творческое наследие Ф.Н. Глинки по материалам периодики первой половины XIX в. // Книги. Библиотеки. История. Вып. 8. Тверь: ТвГУ, 2007.

² Басни «Фиалка и дубы», «Дитя и птичка», «Подрыватель», «Канарейка», «Листок и человек» были опубликованы в книге: *Глинка Ф.Н.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. Сер. «Биб-ка поэта».

А то наделали таких хлопот,
Что без толку пчела шальная рыщет:
От *старого* улья отстал пчельной народ,
А *нового* нигде еще не сыщет!»

(ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 1)

Спор с львом

Басня

Со львом вступили белки в спор, —
Возник же спор от обстоятельств разных, —
И собрали дельцов, ученых и приказных,
Пошел о деле разговор.
И говорилось громко: «Белки
Бывали, в оны дни, ведь небезделки!»
И много сыпалось и крупных слов и мелких.
Но, притишив затем и говор и молву,
Составили *прошение* ко льву.
Да в том прошении чего-ль не дописали,
Аль лишнее переписали,
Прошенье вышло *невпопад*:
Знать не понравились манера, склад,
А почему? — еще не распознали...
Но между тем, все дело рассмотрев,
«Ну, что мне с ними?» — молвил лев:
«Ведь не хотели же взбудить мой львиный гнев,
А так — вскручинились за свой кусок насущный;
И не напрасно же пословица гласит:
Что у кого болит,
Тот ведь о том и говорит!» —
Так кротко рассуждал сам Лев Великодушный
И молвил: «*Вот им что*, — и то издалика, — слегка,
Я дам им *львиного щелчка!*»
Сказал и сделал... Что ж? *щелчок* и впрямь уж львиный:
Как будто с гор, слетел он шумною лавиной
И беличий народ, как громом, оглушил:
Кто замертво, а кто лишился сил!...
— Тут, *дедушка седой*, сам ОПЫТ взговорил:
«Эх, вы! Зачем и так и эдак надрываться,

Тревожиться, туда-сюда метаться? —
Пора бы уж, друзья! дознаться,
Что и *щелчки у львов*
Сильнее ваших кулаков!!!»

(ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 1—2 об).

Спор

Между солнцем и землею
жаркий спор идет:
То все тянет кверху стебель,
То все корень жмет.

Нераздельно оба делят
Добычу свою:
Солнце говорит: «Я светом
цвет мой оболую;

И живой венок эмальный
Я любимцу дам,
И росой его хрустальной
Сбрызну по зарям!»

А *земля*: «Корням пушистым,
Что могу — я дам,
Пусть по темным и нечистым
Стелятся путям!»

Не такой ли спор у *неба*
И земли идет,
Как любимца-человека
Делят меж собой?

Человек — дитя земное,
Но земным не сыт
И *про счастье иное*
Часто говорит.

И, грустя во тьме надземной,
Полюбивши свет,
К цели высшей и священной,
Все летит поэт!

(Там же. Ед. хр. 986. Л. 1—1 об.)

А.П. Глинка: страницы биографии¹
Публикация С.А. Васильевой, О.С. Карандашовой

О жизни и творчестве А.П. Глинки (19(30).07.1795—26.07(7.08).1863) написано крайне мало. Будучи яркой личностью и заметной фигурой в литературной и общественной жизни 1830—1850-х гг., сегодня она больше известна лишь как жена литератора и декабриста Ф.Н. Глинки. Однако сама А.П. Глинка была автором многочисленных стихотворений, публиковавшихся в крупнейших журналах того времени («Современник», «Библиотека для чтения», «Маяк», «Москвитянин» и др.) в том числе переводов Шиллера. Большинство произведений Глинки, стихотворных и прозаических, религиозно-нравственного содержания. Надо отметить, что пользовались они огромной популярностью: достаточно сказать, что ее «Жизнь Пресвятой девы Богородицы из книг Четьи-Минеи» (М., 1840) выдержала 16 изданий (последнее — М., 1915). Глинка была знакома, в том числе и благодаря связям мужа, с Чаадаевым и Жуковским, в московском салоне Глинок в 1840-е гг. собирались славянофилы; в ближайшее литературное окружение входили М.А. Дмитриев, Ф.Б. Миллер, М.П. Погодин, П.А. Плетнев, С.Е. Раич, Е.П. Ростопчина, С.П. Шевырев. Весьма активной была и общественная деятельность А.П. Глинки: она состояла в Московском благотворительном обществе, была попечительницей женского училища в Кашине, написала проект общества Доброхотной копейки и т.д. Сведения о жизни и творчестве А.П. Глинки в биографических словарях приводятся очень краткие. Наиболее полная биография, «О жизни и кончине А.П. Глинки», была опубликована отдельной книжкой в 1864 г., в приложении помещен проект общества Доброхотной копейки, написанный в 1845 г. Сюда же вошли два стихотворения: одно из них, вероятно, принадлежит перу А.П. Глинки («Не часто ль, между тем, как, мы, в веселом шу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Творчество А.П. Глинки», проект № 12-14-69001 а/Ц.

ме...»), другое — Ф.Н. Глинке («Страшное завтра (канун погребения)»). В основу биографического очерка положен некролог, напечатанный после смерти А.П. Глинки в «Тверских губернских ведомостях», этот же материал в переработанном виде был включен в сборник «Задуманные думы» опубликованный после смерти А.П. Глинки ее мужем с пометой «не для продажи» (М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1869.)

Публикуемый ниже текст печатается по изданию: О жизни и кончине Авдотьи Павловны Глинки. СПб.: в тип. Императорской академии наук, 1864. — 36 с.

О жизни и кончине Авдотьи Павловны Глинки

Авдотья Павловна Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова, родилась в С.-Петербурге июля 19-го 1795 года и крещена в церкви Андрея Первозванного, на Васильевском Острове. Восприемниками, при святом крещении, были: дед ее, президент Адмиралтейств-коллегии, адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов, и Евдокия Ильинична, супруга Михаила Илларионовича, князя Смоленского.

Авдотья Павловна, в младенчестве, оставалась в доме деда своего, Ивана Логиновича, человека науки и дела. Дом Кутузовых, в то время, был одним из первых в столице, и отличался в особенности радушным приемом ученых, литераторов и художников. В таком-то обществе развивалось детство покойной вместе с ее способностями не по летам, что и сделало ее любимицею деда. Минул век Екатерины. В царствование Павла I Иван Логинович, обнаруживший во многих случаях энергию непоколебимого характера, устоял на своем месте, и, за шестидесятилетнюю отличную службу, пожалован был знатными вотчинами. Из этих данных можно заключить, что любимая внука одного из первых сановников, состоявшая также во внучатном родстве и с Михаилом Илларионовичем, имела все права на счастье земное. Но счастье так непостоянно! — Новые времена возвели на первый план новых людей; обстоятельства и обстановка прежних знатных домов изменились. Иван Логинович Голенищев-Кутузов скончался в первый год царствования Императора Александра I. По докладе о сем, Государь при-

казал хоронить его по рангу генерал-адмирала, что и было исполнено. — После покойного остались три сына. В числе их Павел Иванович, — отец Авдотьи Павловны, — отличался обширными познаниями: он писал на пяти языках, переводил классиков Греции и Рима, был два раза попечителем Московского Университета, и кончил жизнь в чине тайного советника, в звании сенатора. — Мать же покойной, из рода князей Долгоруковых, была в свойстве с одною из исторических личностей этой фамилии, с княжною Долгоруковою, бывшею невестою Императора Петра II. — По смерти деда, Авдотья Павловна не расставалась с своими родителями, и, под руководством отца и профессоров Московского Университета, успевала в науках, и особенно в изучении языков французского, немецкого и итальянского. Рано открылась в ней неодолимая любовь к поэзии и музыке, которую она изучила основательно. Кроме фортепиано, арфа была ее любимицею. Дядя ее, граф Остерман-Толстой (герой Кульма), подарил ей богатую арфу, которая много лет услаждала ее в печалях житейских. Смерть отца облекла печальную дочь в глубокий траур, которого она не снимала несколько лет. Этот удар был предвестником многих других. Люди прежнего века жили нараспашку, мало заботясь о будущности. Так случилось и с семейством Кутузовых. Со всех сторон предъявлены были векселя, и все значительное имение подверглось описи. — Вдова покойного и неутешная дочь должны были оставить Москву, и заключиться в сельском уединении. Но друзья московские (а их было много!) не оставляли своей любимицы, которая, в свою очередь, писала к ним часто и много. В этих письмах, если только можно назвать их письмами, проявился впервые талант покойной. Письма ее были трактаты, рассуждения, оживленные прекрасным слогом, на французском и на отечественном языках, и всегда пропитанные глубоким чувством.

В это время, в тридцатых годах, семейство Кутузовых посещало Тверь, куда переведен был на службу (бывший полковник гвардии) Федор Николаевич Глинка. Там встретились две личности: одна — в своем траурном костюме; другая — с трауром в душе. Не много надобно было времени, чтоб сердце подало весть сердцу, и взаимный обмен колец соединил их навеки. Обряд венчания совершен был во Владимирской церкви. Там на-

чалось счастье обоих, там и кончилось оно для одного: венчание невесты и отпевание тела ее происходило пред одним и тем же алтарем.

Из Твери Ф.Н. Глинка переведен был старшим советником в Орловское Губернское Правление. Там более нежели познакомилась Авдотья Павловна с симпатическим семейством бывшего губернатора, Аркадия Васильевича Кочубея, и душою прилепилась к сестре и незабвенной супруге его. Наконец Ф.Н. Глинка вышел в отставку, и оба супруга (с 1835 года) поселились в Москве. Там приобрели они маленький домик, который часто посещаем был людьми великого ума и дарований. В каждый понедельник съезжались на вечер все, того времени, писатели, мыслители, артисты. Нередко собиралось до сорока человек, и, несмотря на тесноту помещения, гости оставались до двух и трех часов за полночь. Разумеется, что Авдотья Павловна, с ее музыкальным и литературным талантом, была душою этих московских понедельников, повторявшихся впоследствии в С.-Петербурге. С сорокового года Глинка (муж и жена) проводили лето в Тверской губернии, в деревне престарелой ее родительницы. Там, у постели больной матери, Авдотья Павловна обдумывала и написала много сочинений в прозе, отличавшихся простым, доступным и, так сказать, задушевым слогом. Поэтические же произведения ее всегда полны были мысли и чувства глубокого, большею частью религиозного. Первым опытом ее, появившимся в печати, был изящный перевод Шиллеровой *Песни о Колоколе*. Жуковский, прочтя его, поздравил переводчицу письмом, а потом лично сказал ей: «Я несколько раз принимался за Колокол, но никогда не был доволен собою и оставлял; ваш же перевод так отчетист и красив, что сам Шиллер полубовался бы им!» По случаю этого перевода Ее императорское высочество Великая герцогиня веймарская, наша Мария Павловна, почтила переводчицу, от 27 июля 1844 года, из Веймара, лестным собственноручным рескриптом. Затем Авдотья Павловна издала «*Жизнь Богородицы*», которую и по сей день охотно читают уже в пятом издании. Эта книга сблизила ее со многими духовными особами. В эту же эпоху, кроме отличных переводов из Гёте и Шиллера и своих собственных стихотворений, напечатала она, в журналах и отдельно, несколько

повестей, между которыми, по доступности и завлекательности слога и пригодности для народного чтения, отличались: «Гибель от пустого чванства» и «Катя» — грациозное и трогательное произведение. Санкт-петербургский совет детских приютов тогда же одобрил и признал «Гибель от пустого чванства» книгою, достойною принятия в его заведениях. Вслед за этими, вышли в свет два замечательные романа: «Графиня Полина» и «Леонид». Все эти издания разошлись очень скоро, и теперь нельзя их найти в лавках книгопродавцев. Этим не ограничилась литературная деятельность покойной. После ее остались в рукописи несколько увлекательных повестей и один большой роман. Душевные качества и литературный талант Авдотьи Павловны были оценены и в кругу лиц, дружных с нею, и в литературном свете. В 1856 году, пред отъездом ее из Петербурга в Тверь, общество дам избранного круга, всегдашних ее посетительниц, поднесло ей драгоценный альбом, в изящной артистической отделке, с ее вензелем. Поэты и художники придали еще большую цену этому прекрасному подарку, украсив его рисунками и стихами. — Общество любителей русской словесности при Императорском московском университете избрало ее в число своих почетных членов, и прислало ей патент за подписью А.Ст. Хомякова, в котором сказано: «Общество любителей русской словесности, в заседании своем 6 мая (1859 г.), в засвидетельствование уважения своего к отличным дарованиям вашим и трудам на поприще отечественной литературы, избрало вас в свои почетные члены единогласно». Покойная, уважая достоинство литературное, чрезвычайно дорожила этим вниманием почтенного Общества. Такой деятельности, казалось, достаточно было для личности, занятой в то же время всеми мелочами хозяйства, при небольших материальных средствах; но у нее, кроме того, что она следила, шаг за шагом, за движением современности, была еще обширная и многосторонняя деятельность. Избранная в попечительницы одной из частей Москвы голосами почетнейших дам Московского благотворительного общества, под председательством княгини Щербатовой, она получила в заведывание Яузскую часть, где насчитывалось девяносто семейств бедных, стыдившихся просить милостыни. Там познакомилась она на деле с

чердаками, подвалами и темными углами бедных. И чего не делала она для пособия им?! Все дни ее наполнились перепискою за бедных и для бедных. Она писала, просила, рекомендовала, часто заступалась и отстаивала! И этого было еще недостаточно. Бедный люд прослышал, что с ее легкой руки удаются все просительные письма. И вот, часто, и очень часто, она сочиняла и (прекрасным своим почерком) переписывала для бедных письма и прошения к разным государственным лицам и на Высочайшее имя. Мысль и чувство, вложенные в эти бумаги, почти всегда, каким-то магическим влиянием, имели счастливый исход для просителей. В этот период ее неусыпной деятельности, зародилась в ней мысль о составлении *«Товарищества доброхотной копейки»*. Составленный ею проект понравился многим. П.Я. Чаадаев мастерски перевел этот проект для напечатания, на французском языке, в заграничных ведомостях. Несколько почетных дам присоединились к товариществу; но обстоятельства, предшествовавшие Севастопольской войне, остановили ход дела, которому суждено было осуществиться впоследствии в благородном обществе тверских дам и мужчин, принявших в товариществе живое и деятельное участие. Тогда же Авдотья Павловна была избрана в попечительницы женского училища, учрежденного в городе Кашине и сделала для этого заведения пожертвование деньгами и большим числом книг на разных языках.

Между тем, состояние Авдотьи Павловны, со стороны материальной, улучшилось: ей досталось по наследству имение, обремененное, правда, долгами, но все-таки не совсем бездоходное. Тогда началась ее новая деятельность. Прежде всего обратила она внимание на быт и положение крестьян. Оброк был ослаблен значительно; хлебные и прочие дани уменьшены наполовину. Далее, она так обходилась с крестьянами, что, незаметно для них и для себя, вошла в полное слияние с ними. Старики и старушки приходили без робости, садились, просто, без чинов, на ступенях крыльца у проезжей дороги, и простодушно разговаривали с барынею, которая их слушала, лечила — и очень удачно (гомеопатиею), и входила во все их нужды. Заметив, что крестьянских детей-малюток приносят в церковь с голыми головками и по сырой погоде, она принялась сама кроить

и шить детские шапочки из остатков разных цветных материй. Это составляло ее постоянное занятие по вечерам, в деревне и в Москве. Через несколько времени, в деревенской церкви, в праздничный день, запестрел целый цветник детских головок: накануне роздано было матерям несколько сот разноцветных шапочек. Такому патриархальному быту от души радовался и Л.И. Ростовцев, приезжавший нарочно из Петербурга с супругою своею на несколько дней погостить к Авдотье Павловне, которую он и она искренно любили, и для которой, перестав быть на минуту государственным человеком, Ростовцев стал поэтом, написав к ней прекрасное *послание в стихах*.

Несколько зим сряду, в последнее десятилетие, Авдотья Павловна, с мужем, проживала в С.-Петербурге. Там, в квартире ее повторялись московские понедельники с более изящною обстановкою. В восемь часов вечера съезжались дамы, поэты, писатели, артисты, иностранцы и русские. Разговор, чтение стихов и прозы и музыка задерживали гостей далеко за полночь, иногда до трех часов. Но в текущем, роковом для нее году она не могла уже быть в С.-Петербурге, куда звали ее столько голосов друзей, поэтов и людей, душою ей преданных. Оставаясь в Твери, она все еще сбиралась то в Москву, то в Петербург, не предчувствуя, что ей готовилась *иная*, невозвратная дорога!

Задержанная обстоятельствами в Твери, она задумала осуществить свою задушевную мысль — учреждение «*Товарищества доброхотной копейки*». Мысль эта пришла по сердцу благородным тверским дамам. Князь Багратион — (военный губернатор) и достойная супруга его поняли ее умом и сердцем, и дело скоро сладилось. Мужчины не захотели отстать от дам, и заявили себя участниками. В первом же заседании, голосами двадцати дам и десяти мужчин, Авдотья Павловна избрана была председательницею. Но это был уже последний предел ее земной деятельности!

С началом июня начались дни печали. За двое суток до своей болезни, покойница была еще свежа, бодра, и даже удивляла своею скорою походкою по улицам города. Вслед за тем почувствовала она как будто легкую простуду, и затем слегла в постель, с которой уже не вставала!

Чего не было сделано?! — Друзья петербургские, московские и общее сочувствие всех сословий города Твери употребляли все, что только можно было придумать.

Пять тверских врачей съезжались часто на общие совещания, и посещали больную поодиночке. Постоянным был молодой доктор Андреев, который ухаживал за своею пациенткою с какою-то родственною заботливостью. Жены чиновников, которым покойная помогала, выпросив дозволение ходить за больною, дни и ночи напролет сидели у постели ее. И это не ограничилось только *здесьними*. Три особы, без зова, по одному слуху, приехали из Петербурга, и одна из них (Е.А. Л...я), покинув блестящее общество, собиравшееся у нее в доме, поспешила в Тверь, и провела две недели, в сумерках закрытой комнаты, при бледной лампаде, не отходя от одра болезни. Она привезла с собою много писем от других особ, желавших сделать то же, но удержанных непреодолимыми обстоятельствами. Это внимание заботливой дружбы отразилось, позднее, и на муже покойной. Самое полное участие в судьбе глубоко огорченного выражалось в письмах и на самом деле. От лица многих, задержанных обстоятельствами, приезжал из Петербурга в Тверь один, с единственною целью: утешить, по возможности, глубоко опечаленного хозяина в сиротствующем его доме. Этот благородный посетитель был тайный советник В.Н.Ж., недавно еще объехавший Сирию, Египет и Палестину.

Кроме почтенных тверских врачей, сношения происходили с именитейшими врачами обеих столиц. Так, из Петербурга, пользовались советами профессора Боткина, из Москвы — вниманием, близкого по давней дружбе к покойной, Аркадия Алексеевича Альфонского. Известный профессор Рассветов и, наконец, пользующийся обширною известностью доктор Захарьин лично посетили и свидетельствовали больную. И, странно! при всех исследованиях находили, что весь организм больной цел и здоров, почему и болезнь ее сначала оставалась безымянною; впоследствии уже определили, что это был «катар на желудке». Все, что могли придумать и сделать дружба, любовь и преданность, было сделано. Болезнь слабела; но силы испарялись!! Настал день рождения усопшей — 19-е июля. На столе, подле ее постели, между множеством вынутых просфор,

принесенных бедными, лежал целый ряд писем из обеих столиц, из разных губерний, и даже из Забайкальского края, и писем заграничных: дружба и признательность везде помнили *день 19 июля*. Нельзя не подивиться той кипучей, часто почти лихорадочной деятельности, которая проявлялась в последние годы покойной. Записывая все по хозяйству, она, в то же время, писала свой роман; переводила Лобштейна (Христианские Размышления), изготовляла к изданию большое собрание своих стихотворений, и вела обширную переписку по России и за границу. За всем тем успевала она еще, большею частью пешком и скороходью, всякий день обойти часть города, навестить больных и знакомых, принять сердечное участие в чужом горе и, придя домой, хлопотать о бедных. И эта кипучая деятельность, эта переполненная жизнь угасла, без стога, без восклицания, тихо, незаметно, в половине второго часа ночи на 26-е июля. За минуту до кончины она дышала ровно, свободно, и вдруг перестала! Между жизнью и смертью была одна секунда! Плач и рыдания раздались в доме. Как во все время болезни экипажи почти не отъезжали, и добрые люди не отходили от крыльца, так и по кончине ее дом был наполнен посетителями. Люди всех сословий приносили в дом печали молитву, слезы и цветы, в которых, во все трое суток, почивала покойная без малейшего признака тления. Панихиды заказные назначены были два раза в день, но они не прекращались с утра до вечера. Священники с причтами четырех ближайших церквей (Илии Пророка, Вознесенской, Всех Скорбящих и Косьмы и Дамиана), просили позволения служить панихиды, и один после другого служили во все три дня *безвозмездно* — из дружбы и уважения к покойной. Так напутствовала св<ятая> церковь земную дочь свою, сподобившуюся святого елеосвящения и дважды удостоенную святого причастия. Но выше всякой благодарности останется в памяти сердечное и деятельное участие всеми глубокоуважаемого тверского и кашинского Архиепископа Филофея. При первом известии о кончине, он приехал в дом опечаленного мужа, почтил молитвою и благословением почившую и, сказав: «я хочу исполнить долг моего сердца!», сам вызвался совершить лично весь обряд погребения. Так и случилось! 29-го числа июля, в десять часов утра, Преосвященный, сопровож-

даемый духовенством и полным хором певчих, прибыл в дом печали, и вынос последовал по чину церковному. Улицы, от недавнего дождя, были сыры; подвезли экипаж; но Преосвященный пожелал идти пешком до церкви Пресвятой Богородицы Владимирской. Там совершилось торжественное служение литургии, а за оным отпевание. Казалось, достаточно было утруждения для архипастыря, — мужа молитвы и строгого поста, но он изъявил желание проводить покойницу, и не садился опять в экипаж. Гроб также не был поставлен на колесницу. Военный губернатор города Твери и другие высшие чиновники почтили покойную несением ее гроба. Погребальная процессия должна была идти по одной из самых длинных улиц города (Миллионной), ведущей на дорогу в Желтиков монастырь. Прояснившийся день, перезвон по церквам, шествие двенадцати священников и присутствие самого архипастыря, сопровождаемого архимандритом Отрочь-монастыря Серафимом, а равно и личное участие высших гражданских чинов, привлекло огромные толпы народа. По всей длине Миллионной, из разных, вовсе незнакомых домов, высылали букеты цветов, которыми густо устлали гроб, а кто-то, незаметно, положил на него и венки. Между тем высокопреосвященный все шел впереди до собора, за речку Тьмаку и далее. Только на убедительные просьбы согласился он сесть в экипаж, сказав: «я встречу ее в Желтикоче!» И в самом деле, когда траурная колесница приближалась, величавый архипастырь уже стоял в живописных вратах исторического монастыря, и приветствовал молитвою и осенением новую жилищу древних стен Желтиковой обители. Здесь участвовал в общем служении и хозяин Желтикова, достоимый архимандрит Платон.

Литию, последнее отпевание и все священнодействия, при которых церковь вверяет гроб могиле, совершал сам архипастырь. В эти торжественные минуты воображение, переносясь за осьмнадцать веков христианства, видело в особе его одного из двенадцати мужей палестинских, следовавших за Божественным воскресителем Лазаря. Благодушный архипастырь не мог сказать усопшей: «восстани и живи!», но из жизни призрачной проводил ее в жизнь действительную; из условной временности — в безусловную вечность. С высокою любовью и умиле-

нием прочел он сам разрешительную грамоту и, от имени церкви, силою преемственной власти от Христа, простил усопшей грехи ее!

Лишь только разнеслась весть о кончине Авдотьи Павловны, старший священник села Прудова и волостной старшина, по поручению мирского схода, от всех крестьян волости, с дозволения посредника, приехали, за пятьдесят верст, поклониться праху усопшей и отслужить соборную панихиду над ее могилою. Добрые люди, по чувству благодарности, и по сей день украшают могилу цветами, а друзья петербургские прислали для нее два огромные венка из цветов и растений неувядаемых.

Между двух надгробных камней особ, любезных почившей, явилась ее свежая могила: с одной стороны отец — Павел Голенищев-Кутузов; с другой — знаменитый вития, архиепископ Амвросий, ее второй отец по любви к ней духовной. Избрав это место, муж покойной, с невыразимою скорбью, из объятий супружеских, сдал дочь в объятия отца.

**И.И. Лажечников в дневнике
А.В. Маркова-Виноградского¹**

Свой дневник троюродный брат и второй муж, литературный секретарь А. П. Керн Александр Васильевич Марков-Виноградский (1820-1879) вел с 1840 г. до 23 января 1879 г. Его «Записки» озаглавлены: «Дневник А. В. Маркова-Виноградского с апреля 1840 до марта 1844 года». В 1904 году его внучка передала его Императорской Академии наук, где он сто лет пролежал не востребованным². Марков-Виноградский, судя по тексту дневника, рассчитывал, что когда-нибудь он будет напечатан, но при жизни опубликовал только небольшой отрывок из него о своем детстве³. Долгое время дневник был неизвестен даже специалистам, и только недавно фрагменты из дневника стали появляться в печати и обсуждаться⁴.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тверской области в рамках научно-исследовательского проекта «“Записки” А.В. Маркова-Виноградского и история тверских дворянских усадеб», проект № 09-04-57401 а/Ц.

² См.: Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публикация Л. К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 479-532.

³ *Марков-Виноградский А.В.* Из записок и журнала неизвестного человека // Семейные вечера, старший возраст. 1868. № 8. С. 120—125, 167—179.

⁴ Марков-Виноградский А.В. Из дневника 1878 г. / Подготовка текста А.К. Михайловой, Л.К. Хитрово, вступительная заметка М. В. Строганова, примечания Е.В. Петренко, М.В. Строганова // «Мысль семейная» в русской литературе: Сборник статей и материалов. Тверь: Марина, 2008. С. 139—168; *Петренко Е.В.* Н.В. Гоголь в дневнике А. В. Маркова-Виноградского // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Выпуск 2. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 182—185; *Петренко Е.В.* А.В. Марков-Виноградский – читатель (по материалам дневника 1847–1877 гг.) // Встречи в библиотеке: авторы и читатели. Сборник статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 149–158; *Петренко Е.В.*,

Записи в дневнике касаются самых разных сторон общественной и литературной жизни 1820-1870-х гг., на страницах «Записок» А. В. Маркова-Виноградского постоянно возникают имена поэтов, писателей, драматургов, названия литературных произведений, с которыми он знакомится с Анной Петровной. Текст записок подготовлен к печати, настоящее сообщение представляет собой фрагмент из комментария к дневнику. Речь пойдет о небольшой записи, сделанной Марковым-Виноградским 23 августа 1873 г¹.

«Вчера целый день дождь. Сегодня ясно, но ветрено и не особенно тепло. Я все еще хвораю². Вспоминаю с мамашей

Строганов М.В. «Записки» А. В. Маркова-Виноградского и история тверских дворянских усадеб // Проблемы развития гуманитарного научного потенциала Тверской области. II региональная научно-практическая конференция «Современные проблемы развития гуманитарной науки: по результатам регионального конкурса 2009 года «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее». Сб. научных трудов по материалам региональной научно-практической конференции. 26–27 ноября 2009г. Тверь: Тверская областная организация общества «Знание» России, 2009. С. 67–71; *Строганов М.В.* Заметки о берновской жизни (Из дневника А. В. Маркова-Виноградского) // Берновская осень: Литературный альманах. № 2. М.; Берново: издательство ООО «Принтдизайн», 2009. С. 57–64; *Строганов М.В.* Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник по истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII / Red. A. Stankevica. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgārd «Saule», 2009. С. 34–42.

¹ Текст дневника подготовлен к печати А.К. Михайловой и Л.К. Хитрово.

² Марков-Виноградский страдал хроническим заболеванием желудка, в августе 1873 г. болезнь обострилась, о чем он пишет в предшествующих записях: «19 августа. Дождей нет более месяца. В половине дня печет. Утром холодно, близко к морозу. Все засохло. Тьма опавших листьев. Не засохли только мои слизетечивые бешеные кишки! Они <...> так много стали извергать слизи с язвительными болями, что я в день своего рождения 16 августа лежал под соусом из горчицы как треска и теперь хуже трески. Старый друг опий, его лукавая сожигательница в одной склянке нуксволика (лекарственный препарат, приготовляемый из семян небольшого тропического растения чилибуки, другое название – рвотный орех. – Е. П.) и резвый парнишка валериан

прошлое, мы говорили на днях о «Ледяном доме» Лажечникова, в котором вопреки истине выставлен Артемий Петрович Во-лынский великодушным, героическим представителем русской партии при немецком дворе Анны Иоанновны, невинною жертвою злобы Бирона. Но это было не совсем так <...>».

Писатель, автор исторических романов Иван Иванович Лажечников (14.09.1790-26.06(8.07).1869) «Ледяной дом», как известно, написал в 1835 г. Сочинение имело шумный успех и упрочило литературную репутацию Лажечникова, завоеванную после выхода его первого романа «Последний Новик» (1831-1833). В «Ледяном доме» писатель воссоздает события последнего года правления императрицы Анны Иоанновны и выступление «русской партии» во главе с кабинет-министром А. П. Волинским против засилья при русском дворе иностранцев в лице Бирона.

Напомним вкратце биографию А. П. Волинского. Русский государственный деятель и дипломат Артемий Петрович Во-лынский (1689 – 27.6.1740) в 1719-1724 гг. был астраханским губернатором, сыграл важную роль в подготовке Персидского похода 1722-1723 гг. В 1725-1730 гг. (с небольшими перерывами) служил казанским губернатором, с 1738 г. он кабинет-министр и вскоре единственный докладчик у императрицы Анны Иоанновны по делам кабинета, стремившийся ограничить влияние иностранцев при русском дворе. С начала 1730-х гг. вокруг Волинского сложился кружок, состоявший главным образом из представителей знатных, но обедневших дворянских фамилий, которые обсуждали проекты государственного переустройства. Волынский – автор «рассуждений» «О гражданстве», «Каким образом суд и милость государям иметь надобно», «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел» и других; был сторонником усиления политического значения дворянства, более широкого привлечения его к государственному управлению, разрабатывал меры для развития торговли и промышленности. Волынский неодобрительно от-

приняли деятельное участие в укрощении бешенства моих кишок, и вчера я гулял, наслаждаясь чудным осенним днем».

звался об императрице и ее фаворите Э. Бироне; в 1740 г. был арестован, обвинен в измене и казнен.

А. С. Пушкин, познакомившись с «Ледяным домом», писал Лажечникову, что «историческая истина» в его романе «не соблюдена»¹, имея в виду изображение В. К. Третьяковского. Фигура Волинского у Лажечникова тоже не вполне соответствует реальному историческому лицу, что и имеет в виду Марков-Виноградский.

Роман «Ледяной дом» написан Лажечниковым в годы службы в Твери: с 5 марта 1831 по 12 мая 1837 г. писатель был директором тверской гимназии и всех тверских училищ, позднее – попечителем тверской гимназии; с 19 января 1843 по октябрь 1853 г. Лажечников состоял в должности тверского вице-губернатора. В Тверской губернии писатель владел сначала селом Конопдино в Старицком уезде, потом селом Никольское в Тверском уезде, о чем, вероятнее всего, было известно Маркову-Виноградскому. Во-первых, в 1851 г., когда Лажечников служил в Твери вице-губернатором, автор мемуаров бывал в Тверской губернии и посещал Бакуниных в их имении Прямухино, так что мог слышать о писателе сыновья А. М. Бакунина Илья, Павел, Александр и Алексей, учившиеся в Тверской губернской гимназии в то время, когда ее возглавлял Лажечников. А во-вторых, Марков-Виноградский мог познакомиться со статьей о Лажечникове Л. Нелюбова, опубликованной в журнале «Русский вестник»², входившем в постоянный круг его чтения, - в ней перечислены годы назначений Лажечникова на различные должности.

В «Ледяном доме» Марков-Виноградский не мог ни отметить упоминания о Тверской земле, с которой связана фигура одного из героев романа Феофилакта Лопатинского, ректора Московской духовной академии, одного из руководителя Синода, с 1727 г. тверского архиепископа³. А кроме того, в романе Марков-Виноградский должен был узнать описание костюма жи-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. XVI. С. 62.

² Русский вестник. 1869. № 10. С. 596.

³ См.: <Сорочан А.Ю.> Лажечников Иван Иванович // Русские писатели и Тверской край. С. 79-87.

тельницы Торжка, города с которым он и его семья были особенно тесно связаны¹.

Стоит также отметить, что в тверское окружение Лажечникова входили родственники Керн и Маркова-Виноградского, представители семей Полторацких, Вульффов, Львовых, Понафидиных, Бакуниных², а также Николай Матвеевич Повало-Швейковский, штабс-капитан, в 1839-1842 гг. земский исправник Новоторжского уезда, и Николай Тимофеевич Повало-Швейковский, статский советник, управляющий Тверской удельной конторой³. С сыном последнего, Т. Н. Повало-Швейковским, и его женой О. Н. Бакуниной⁴ Керн и Марков-Виноградский будут общаться после своего переезда в Торжок в 1878 г.⁵.

¹ О Лажечникове и его отношении к Тверскому краю см.: *Лажечников. 1-3*.

² *Сорочан А. Ю.* Тверское окружение Лажечникова: материалы к указателю имен // *Лажечников. 2*. С. 158, 164, 176.

³ Там же. С. 166.

⁴ Повало-Швейковская Ольга Николаевна (урожд. Бакунина; 30.6.1847—1917), дочь Н. А. Бакунина и его первой жены (с 9.10.1843) Анны Петровны (урожд. Ушаковой, ум. не ранее 1884). Повало-Швейковский Тимофей Николаевич (21.4.1838—1891), муж (с 22.5.1868) О. Н. Бакуниной, поручик, предводитель дворянства Новоторжского уезда, директор новоторжского общества взаимного кредита; жил в имении Щербово, приданом О. Н. Бакуниной.

⁵ См.: *Марков-Виноградский А. В.* Из дневника 1878 г. С. 139—168.

**Тверская губерния в работах по исправлению
губернских атласов в середине XIX века¹**

В настоящее время архивные карты XIX в., в том числе карты Менде, используются в исследованиях в различных областях знаний. Автором данной статьи разработаны технические и алгоритмические решения по компьютерной адаптации архивных карт² и автоматизированному использованию их в исследованиях регионального уровня³. По причине высокой исторической и информационной ценности архивных картографических произведений для исследователей в разных областях науки (географов, историков, археологов, краеведов и т.д.) представляется целесообразным систематизировать доступный исторический материал, характеризующий ход создания этих уникальных карт.

В настоящей работе проанализированы материалы, касающиеся выполнения картографических работ в Тверской губернии по материалам изданий Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) и Фонда А.И. Менде Российского государственного архива древних актов (РГАДА)⁴.

Значительным событием в истории развития крупномасштабной картографии России стали работы по исправлению межевых губернских атласов в середине XIX века с 1847 по

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Тверской области, проект 11-11-69008 а/Ц.

² *Щекотилов В.Г., Лазарев О.Е.* Метод разработки электронных атласов и серий карт-схем на основе крупномасштабных карт губерний XIX века // *Геодезия и картография*. 2010. № 1. С. 31-39.

³ *Лазарев О.Е., Щекотилов В.Г.* Формирование информационного пространства крупномасштабных и обзорных архивных карт XIX века для автоматизации исследований регионального уровня (на примере Тверской области) // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия «География и геоэкология». 2009. № 36. С. 133-154.

⁴ РГАДА. Фонд 1357. Материалы отделения начальника геодезических работ по составлению Атласа Российской империи генерала А.И. Менде.

1866 г.¹.

Особое место в этих работах занимает Тверская губерния, где были начаты эти работы и по результатам работ в ней принимались решения о продолжении их в других губерниях.

В 1847 г. император Николай I Указом 21470а «*О геодезических работах по составлению атласа Российской Империи*» от 12 августа утвердил положение Комитета Министров². Примечательно, что Указ был опубликован лишь в 1855г., когда издание топографических межевых карт губерний было в самом разгаре, а работы в Тверской губернии были уже завершены. В Указе отмечается, что Сенату были представлены предложения Управляющего Министерством юстиции на основании плана геодезических работ для составления атласа Российской Империи, подготовленного особым Комитетом Русского Географического Общества под председательством Управляющего Межевым Корпусом и одобренного Советом Общества.

План геодезических работ включал:

1) с использованием находящихся в Межевой Канцелярии атласов, генеральных карт и специальных планов дач генерального межевания на Тверскую губернию немедленно приступить к производству измерений, руководствуясь техническим наставлением, составленным в Географическом Обществе;

2) в 1847 г. окончить соединение тригонометрических пунктов с межевыми признаками дач, чтобы с наступлением зимы приступить к составлению подробной сети с означением всех дач генерального межевания, а с весны 1848 г. сделать окончательную рекогносцировку губернии для нанесения современной топографии;

3) производителю работ генерал-майору Мендту получить от межевого ведомства 12 межевых партий в числе 24 человек с нужным количеством астролябий, измерительных цепей, а так-

¹ Глушков В.В. История военной картографии в России. XVIII-начало XX в. М., 2007; Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989; Кусов В.С. К 200-летию М.П. Вронченко // Геодезия и картография. 2002. № 3. С. 41-46.

² Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ-2). №21470а. Доп. Том, ч.2. – 1855. С. 89-93.

же копии планов генеральных дач и геодезическими журналами границ Тверской губернии и уездов;

4) дополнительно для производства геодезических измерений по техническому наставлению и некоторых дорог дополнительно командировать в распоряжение г.-м. Мендта еще 6 межевых чинов с одним теодолитом, шестью мензулами, кипрегелями и мерительными цепями и сверх того 60 человек из межевой военно-рабочей роты, которые определяются в партии межевых чинов. В случае необходимости большего числа нижних чинов г.-м. Мендту разрешается требовать их от местного губернского начальства;

5) г.-м. Мендт обязан каждый месяц представлять сведения о результатах как Управляющему Межевым Корпусом, так и в Военно-топографическое Депо;

6) работы производить в соответствии с техническим наставлением, недоумения разрешать с учетом местных обстоятельств, о важных случаях сообщать в Межевой Корпус или Военно-Топографическое Депо;

7) г.-м. Мендт должен быть в непосредственном сношении с Управляющим Межевым Корпусом;

8) в специальных планах генерального межевания могут встретиться неверности, они «...подлежат изменению без разрешения Правительствующего Сената, работы в Тверской губернии имеют целью составления верного атласа, отнюдь не касаясь, не изменяя начал юридического межевания (на коем основаны владения), а потому г.-м Мендт ни в каком случае не должен касаться исправления меж, отнюдь не возбуждая в сем отношении малейшего даже опасения в обывателях...»;

9) в случае необходимости дополнительных межевых планов они истребуются через Начальника Губернии;

10) для указания в натуре границ губернии и уездов требовать содействия губернского начальства;

11) прокладку измерений на географическую сетку делать по наставлению;

12) атлас Тверской губернии должен содержать данные для последующего составления семи-топографической карты, прокладка измерений первоначально делается в масштабе 1000 саж. в англ. дюйме;

13) своевременно снабдить производителей работ особыми формами и наставлениями. Составить трем ведомствам особый Комитет «для направления сего дела»;

14) дополнительные измерения Тверской губернии «по новости своей и специальности» требует большой осмотрительности в исполнении особых методов действия, «а потому и предоставить Управляющему Межевым Корпусом обще с Генерал-Майором Мендтом, по окончании полевых и зимних работ подробную инструкцию» на будущее время, «внеся оную на предварительное обсуждение в техническом отношении в Географическое Общество».

Из текста Указа можно сделать, в частности, следующие заключения:

– работы по составлению атласа Российской Империи начаты только в Тверской губернии с последующим рассмотрением результатов и целесообразностью продолжения в других губерниях (Тверская губерния упоминается 9 раз, иные губернии не упоминаются);

– фамилия руководителя работ упоминается в Указе 10 раз и пишется единообразно (Мендт, Мендта, Мендту, Мендтом).

Карты и атласы на территорию восьми губерний России (из планируемых 11 губерний) были созданы в крупном масштабе (одно- и двухверстные), имели высокое качество исполнения, как по точности, так и по оформлению.

Работы выполнялись комплексно с участием ряда ведомств: Генерального штаба; Межевого Ведомства; Военно-Топографического Депо; Императорского Русского Географического Общества; Министерства внутренних дел.

Карты и атласы, созданные под руководством генерал-майора А.И. Мендта, часто называемые «картами Менде», существенным образом дополняются списками населенных мест, изданными несколько позднее Министерством внутренних дел (для Тверской губернии карты изданы в 1853 г., а списки населенных мест – в 1862 г.).

Следует отметить, что до завершающего этапа издания атласа Тверской губернии в 1853 г. руководитель работ именуется как А.И. Мендт. Аналогичное написание присутствует и в материалах “фонда А.И. Менде” РГАДА, а также в других источ-

никах. Начиная с 1853 г. используется фамилия Менде¹.

На рис. 1 на основе карты из «Атласа Российской Империи» А. Ильина (1871) представлены губернии Российской Империи, на которые были изданы одноверстные карты и двухверстные губернские атласы А.И. Менде.

Рис. 1. Губернии Российской Империи

Цифрами обозначены губернии (в хронологическом порядке по мере выполнения съемок): 1 – Тверская; 2 – Рязанская; 3 – Тамбовская; 4 – Владимирская; 5 – Ярославская (только одноверстные карты); 6 – Симбирская; 7 – Нижегородская (только одноверстные карты); 8 – Пензенская. Карты Воронежской - 9; Саратовской - 10 и Казанской – 11 губерний не были созданы.

Работам по исправлению атласов предшествовала так называемая Тверская тригонометрическая съемка², произведенная в ведении Генерального Штаба под начальством генерала

¹ Вестник Императорского Русского Географического Общества. Кн. III. СПб., 1853.

² Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. V. СПб., 1851. С. 176.

Ф.Ф. Шуберта с 1840 г. после съемок Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Витебской и Могилевской, Смоленской и Московской губерний.

В материале действительного члена ИРГО капитана Ф.О. Максимова, доложенном на собрании ИРГО 15.10.1848 г. приведены следующие данные о Тверской тригонометрической съемке:

1) «исчисления» выполнены под руководством генерал-лейтенанта Тучкова;

2) одновременно проводились Тверская и Новгородская съемка, имеющие 231 треугольник 1-го класса, 237 треугольников 2-го класса и 1610 – 3-го класса;

3) использованы исходные пункты: Горбовцы, г. Осташков и г. Валдай;

4) «исчисление» широт и долгот выполнено от Москвы.

Работы по исправлению губернских атласов рассматривались на нескольких заседаниях ИРГО в 1847 и 1848 гг., в частности, в отчете за 1848 г. отмечено, что по предложению РГО для исправления губернских атласов были «предприняты хронометрические экспедиции гг. М.П. Вронченко и А.Н. Дратусова и геодезические работы Генерал-Майора Мендта»¹.

На основании отчетов А.И. Мендта по результатам работ в 1848 г. можно отметить следующие факты.

Геодезические работы в Тверской губернии предполагалось провести за 6 месяцев, но «приготовительные чертежные работы, сколько по новости дела для межевых чинов, столько и по другим непредвиденным обстоятельствам заняли времени гораздо более против предполагаемого» и в основном закончены были в начале июня «отчего полевые работы открылись полутора месяцем позже»;

Запланированный на декабрь 1847 г. объем работ (35 000 кв. верст) «необыкновенными усилиями и стараниями подчиненных Генералу Мендту межевых чинов» за 4 месяца снято было 37408 кв. верст;

В 1849 году в Тверской губернии осталось снять 18500 кв.

¹ Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. IV. СПб., 1850. С. 291.

верст. Генерал Мендт полагал проводить работы по трем направлениям: завершение съемки в Тверской губернии; для подготовительных работ в следующей губернии, «некоторое же число оставить для окончательного вычерчивания на бело атласа Тверской Губернии».

Также в материалах ИРГО характеризуются работы по Тверской губернии: «в одной из главных по пространству своему и положению между обеими столицами губернии» с сентября 1847 г. в продолжении года обмежевано 1800 дач, затем в продолжении 5 месяцев 37 исполнителями сделана «инструментальная топографическая рекогносцировка с нанесением всей ситуации, на пространстве 37,408 кв. верст, т.е. более двух третей всей губернии» и оставшуюся часть топографической съемки предполагалось выполнить в первой половине лета 1849 г. Выполненным в Тверской губернии съемкам А.И. Мендта дана высокая оценка: «такой блистательный успех должно приписать сколько упрощенной методе, принятой для составления атласа Тверской Губернии по предложению Географического общества, столько же особому усердию и распорядительности производителя этих работ Генерал-Майора Мендта».

Для исправления атласа Тверской губернии А.И. Мендт подготовил соответствующее наставление ¹.

В отчете за 1849 г., который опубликован в Записках ИРГО за 1851 г., анализируется ход выполнения работ по исправлению межевых губернских атласов. Отмечается информирование ИРГО министром юстиции Императора в марте 1848 г., «что г. Военный Министр, удостоверясь в успехе работ, производимых генерал-майором Мендтом, <...> подносил Государю Императору всеподданнейший доклад о продолжении этого государственного труда совокупными силами Генерального Штаба и Межевого Ведомства»². По результатам доклада Император разрешил продолжить работы «и в других обмежеванных губерниях, лежащих на восток от Московского Меридиана, начав

¹ Мендт А.И. Наставление для поверки Атласа, снятого топографическими чинами Межевого Корпуса в 1848 году // РГАДА. Фонд № 57.

² Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VI. СПб., 1851., С. 11.

в 1849 году с Рязанской Губернии, и руководствуясь при этом принятыми для сего по Тверской Губернии способом и порядком; по окончании же работ в Рязанской Губернии, приступить к съемкам Владимирской, потом Ярославской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Казанской губернии, так, чтобы в 1859 году, т.е. в течение 10 лет, все эти десять губерний были сняты»¹. Для выполнения работ решено увеличить число межевщиков с 36 до 40, а число офицеров Корпуса Топографов с 4 до 8.

Исправленный атлас Тверской Губернии был издан в 1853 году, его материалы обсуждались на общем собрании ИРГО 09.04.1853г. «... первый выпуск издаваемого Обществом хромолитографического атласа Тверской губернии, содержащий в себе собрание карт Калязинского уезда. Важное ученое значение последнего издания и роскошная его форма обратили на себя особенное внимание собрания, единогласно положившего изъявить искреннюю признательность Действительному Члену А.И. Менду, заведывавшему хромолитографированием атласа, за вполне отчетливое исполнение возложенного на него поручения. ...»².

Содержание цитаты красноречиво характеризует качество выполнения работ. Начиная с данного упоминания и далее в материалах ИРГО используется написание фамилии руководителя работ как «А.И. Менде».

В силу ограниченности финансовых средств ИРГО пошло на завершение работ по исправлению губернских атласов, отдав предпочтение работам по созданию генеральной карты России, «Русского Географического Словаря» и другим проектам.

В V книжке Вестника за 1857 г. отмечено со ссылкой на заседание совета от 25.05.1857 г. «...Комиссия указывает на пользу, которую можно ожидать от издания губернских карт России в меньших размерах, чем атлас Тверской губернии, и так же от

¹ Там же.

² Вестник Императорского Русского Географического Общества. Кн. III. Приложение. СПб., 1853. С. 1-2.

издания Русского Географического Словаря ¹.

По тому и другому предмету не предстоит, по мнению Совета, никаких дальнейших распоряжений, так как Обществом предпринимается издание генеральной карты России, требующее значительных издержек, а к работам по Словарю уже приступлено...».

В этом же выпуске вестника ИРГО в разделе «Извлечения из иностранных сочинений» в статье Эмиля фон Сидова «Очерк современного положения географии и в особенности специально-топографических работ в Европе до конца 1856 года» отмечается: «...Если в заключение назовем ...превосходные топографические специальные карты С.–Петербургской и Московской губернии; изданную под руководством генерал-лейтенанта Менде и с содействия Императорского Географического Общества специальную карту Тверской губернии...».

В отчетах за 1859-1861 гг. данные по работам А.И. Мендта кроме ссылки на съемки отсутствуют. В отчете ИРГО за 1862 г. говорится о завершенности работ по атласу Тверской и Рязанской губернии: «V. Издания Императорского Русского Географического общества. <...> Атлас Тверской губернии. Выпуски I-XII, содержащие в себе собрание карт уездов: Калязинского, Корчевского, Тверского, Кашинского, Старицкого, Зубцовского, Ржевского, Новоторжского, Бежецкого, Осташковского, Весьегонского и Вышневолоцкого кажд. Выпуск по 5 р. 50 к. Общий атлас Тверской губернии (на 96 л.) 50 р. Семитопографическая карта Тверской губернии (на 4 л.) 1 р. 50 к. Межевое описание Тверской губернии, Калязинского уезда 1 р. 25 к.»².

И последнее упоминание посвящено выпуску в 1862 году списков населенных мест и памятных книжек по ряду губерний.

¹ Вестник Императорского Русского Географического Общества. Ч. 21. СПб., 1857. С. 37.

² Отчет о действиях Императорского Русского Географического Общества за 1862 год. Приложения к отчету о действиях общества. СПб., 1863. С. 24.

По Тверской губернии издан список населенных мест¹. В отчете ИРГО за 1849 г. в разделе «труды некоторых членов общества независимо от работ отделений и комиссий» рассматривается вопрос трудов губернатора А.П. Бакунина, под руководством которого издана «Памятная Книжка к Отчету Тверского Гражданского Губернатора».

Относительно года издания двухверстной топографической межевой карты в литературе встречаются различия, например в² («в 1857 г. под руководством А.И. Менде был составлен атлас Тверской губернии»). Однако в заключении отчета ИРГО за 1853г. особо отмечается представление Императору вышедших в свет выпусков Атласа Тверской губернии «Государь Император соизволил рассматривать Атлас с большим удовольствием и приказал объявить, что Его Величество любовался прекрасною работою и весьма благодарен за полезный труд сей»³. Выпуск атласа в 1853г. подтверждается на 3 стр. поездного «атласа, составленного в 1848 и 1849 годах Чинами Межевого Корпуса и Офицерами Топографического военного ведомства под наблюдением Генерального штаба генерал-майора Менде и руководством в ученом отношении Императорского Русского Географического Общества издана, по Высочайшему повелению Императорским Русским Географическим Обществом в 1853 году в Москве»⁴.

¹ Тверская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. СПб., 1862.

² *Тихомиров О.А., Цыганов А.А., Жеренков А.Г., Муравьева Л.В., Тихомирова Л.К.* История географических исследований в Тверском крае и на кафедрах Тверского университета. Глобальные и региональные проблемы исторической географии: материалы IV международной науч. конф. по исторической географии – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011.

³ Вестник ИРГО. Ч. 10. СПб., 1854.

⁴ Топографическая межевая карта Тверской губернии Осташковского уезда. Из атласа, составленного в 1848 и 1849-м годах Чинами Межевого Корпуса и Офицерами Топографического военного ведомства под наблюдением Генерального штаба генерал-майора Менде и руководством в ученом отношении Императорского Русского Географиче-

Таким образом, издание топографической межевой карты Тверской губернии (1847-1853 гг.) выполнено в рамках работ по исправлению межевых губернских атласов 11 губерний (Тверской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Казанской). Работы в Тверской губернии выделяются своей значимостью, так как это была первая губерния, где выполнялись данные работы и только по результатам этих работ (геодезические измерения были оценены как «блистательный успех», а о карте отмечается «важное ученое значение последнего издания и роскошная его форма») было принято решение о начале работ в Рязанской и затем еще в 9 губерниях России.

В отчетах ИРГО за 1848, 1849 гг. и на общем собрании ИРГО 09.04.1853 г. констатируется успешность, эффективность, качество работ, а также оперативность выполнения работ в 1847 и 1848 годах в Тверской губернии.

Работы по исправлению атласов не были завершены по причине недостаточности финансовых средств. Атласы на три губернии: Воронежскую, Саратовскую и Казанскую не были изданы. ИРГО, отмечая пользу издания губернских карт России даже в меньших размерах, чем атлас Тверской губернии, сочло нецелесообразным продолжение этих работ, так как приоритет был отдан изданию генеральной карты России и «Русского Географического Словаря».

Карта Тверской Губернии заслуженно является одним из лучших крупномасштабных картографических произведений России XIX века. Она активно используется историками, географами, краеведами, археологами при проведении научных исследований, в учебном процессе. Развитие информационных технологий позволило сделать ее общедоступной через интернет (URL: <http://boxpis.ru/>).

ского Общества / Издана, по высочайшему повелению Императорским Русским Географическим Обществом в 1853 году. – Москва: Имп. рус. геогр. о-во. – XII карт (180 л.). - Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/edoc/324177/Топографическая-межевая-карта-Тверской-губернии-Осташковского-уезда-Из-атласа-составленного-в-1848-и-1849-м-годах.>

Священник Владимир (Шувалов)

**Достойный подражания. Жизнеописание
настоятеля Ржевского Успенского собора
протоиерея Матвея Александровича
Александрова (Константиновского)
(6 ноября 1791 – 20 апреля 1857)
Фрагмент из книги¹**

Ржевский Успенский собор

...1 мая 1849 года Высокопреосвященный Гавриил перевел батюшку Матфея из Спасо-Преображенской церкви в Ржевский Успенский собор штатным протоиереем. Здесь он прослужил последние восемь лет своей жизни, не пропуская при этом ни одного Богослужения. Ежедневно причащался Тела и Крови Христовой, также по большей части совершал молебны, отпевы, панихиды. В церковь зачастую приходил первым и уходил последним. Если случалось, что звонарь опаздывал по каким-либо причинам к началу службы, то соборный протоиерей, не взирая на свой сан и возраст, шел на колокольню и сам брался за веревку колокола, начиная звонить, призывая прихожан к началу службы в соборе, и звонил так нередко до прихода звонаря. Иногда к утрени или к вечерне не являлось ни одного из двух причетников, и тогда батюшка начинал полунощницу XVII кафизмой, а также все остальное, касательно службы делал самостоятельно: и служил, и разжигал кадило, и пел, и читал, пока кто-нибудь из причетников не подойдет в собор. Укоров за опущение службы никогда не было: – «Господь не допустил его до службы», – говорил он в таких случаях. В соборе он служил Литургию всегда позднюю. Уходил в церковь рано утром, а возвращался домой только к полудню.

После перемещения в собор, батюшка уже не имел у себя прихода, но привыкший постоянно о ком-либо заботиться, он все свои силы теперь направлял на расширение и украшение

¹ Книга о. Владимира (Шувалова), посвященная о. Матфею, в настоящее время готовится к изданию.

Ржевского кафедрального собора, который по тем временам был тесноват и бедноват во всех отношениях. Батюшка со слезами на глазах входил в Святой алтарь храма. Вид места Святого Святых всегда напоминал ему о том, что необходимо привести его в лучший вид, обновить одновременно и ризницу. Для этого необходимы были немалые денежные средства. И теперь, при виде всего этого, протоиерей усилил молитвенное стояние, прося Всевышнего о ниспослании милости в этом благом деле. Об этом же он говорил на проповедях прихожанам собора, прося их молитв и, по возможности, помощи. Господь, видя стремление батюшки благоустроить Дом Божий, стал посылать ему в помощь разных благодетелей. Так при неутомимой деятельности о. Матфея соборный храм расширили, сделав его вместительнее. Стены украсили настенной живописью. Церковную ризницу полностью обновили. Церковная утварь отличалась богатством и ценностью, превзойдя все храмы города Ржева. На благоустройство соборного храма израсходовано было 40.000 рублей серебром. Из этой суммы батюшка для своих нужд не взял ни копейки.

Когда отца Матфея перевели в Успенский собор, то он, как и прежде, не взирая на скудные средства, получаемые от церкви, продолжил заниматься благотворительностью и странноприимством. И здесь Господь не оставил своего избранника, подвиг Он, Всемилостивый, местного Ржевского помещика Демьянова на помощь батюшке, который стал доставлять все необходимое, как для него с семейством, так и для странников, останавливающихся в доме пастыря. При этом и милосердие его еще более увеличилось. С этого времени он свою жизнь направил в русло помощи обездоленным крестьянам, при этом избыток спешил разделить с малоимущими просителями. Толпы народа всегда следовали за ним, и он каждому уделял, что мог и сколько мог. Если кому-либо был не в состоянии помочь деньгами, то старался снабдить его или хлебом, или одеждой, или чем-нибудь другим. «Алчущего накорми, жаждущего напои, нагого одень, странного введи в дом, больного посети, дойди до темницы и узнай беду тамошних, и прослезись с ними. Вспомни, что многие из них страждут за один какой-нибудь грех, а мы постоянно грешим <...>» – говорил преподобный Иосиф Во-

лоцкий, так и батюшка следовал сему примеру. Раздавал хлеб, и одежду, и все, что мог. Особенно старался он помогать заключенным в тюрьме за неуплату долгов по бедности или арестованным за подобные причины. Для таких несчастных он, если не хватало у него своих денег, брал займы у других. Весь нижний этаж своего дома, когда он стал служить в соборе, был отведен для странников – меньшей братии Христа, которые получали здесь радушный прием, умеренный стол, а также все необходимое в жизни. Некоторым батюшка давал деньги на дорогу или душеполезные книжки. Зато и число таких прохожих заметно увеличивалось. Кроме прохожих странников, к нему приходили издалека и те, кто хотел получить его благословение, воспользоваться необходимым советом или же просто видеть его благочестивое семейство. Уважая его опытность в духовных вопросах жизни, посещали батюшку некоторые из вельможных лиц, принимая для того вид странников. Были и такие, которые приходили за 200 верст к нему по данному ими обещанию. К числу таких относятся его прежние прихожане, которые посещали его каждый год, или же приходили через год-два.

Соблюдая строго внутри семьи пост, он перед посторонними посетителями или гостями старался скрыть свою аскетичность, хотя многие в нем и ожидали увидеть святого по жизни человека.

В своих воспоминаниях Елизавета Николаевна Бастамова сообщила следующие два случая из жизни батюшки. «Грубости в о. Матфее не было. Мне рассказывал один еврей, что он часто бывал у о. Матфея. Отец Матфей много и очень просто беседовал с ним, читал ему Евангелие и толковал его, даже позволял ему приходиться в церковь и присутствовать на Литургии Оглашенных.

– Если ты чего не поймешь теперь, подумай, и, может быть, Бог поможет тебе понять, – говаривал батюшка ему.

Еврея очень поражало то, что православный священник так относится к нему, еврею, так как в то время жители Ржева относились к евреям, с особою нетерпимостью»¹.

В 1849 году батюшку Матфея архиепископ Гавриил Розанов удостоил ордена Анны III степени за усердное служение и за активность в искоренении раскола². В этом же году отец Матфей был назначен благочинным и цензором проповедей, а также увещателем по секретным делам, в должности депутата.

В 1850 году, 29 июня, после проведения ремонтно-строительных работ в главном приделе Успенского собора, батюшка Матфей подал прошение Высокопреосвященнейшему Гавриилу архиепископу Тверскому и Кашинскому и Кавалеру.

В вверенном мне соборе, работа полов, как в Алтаре, так и в церкви приведена ко окончанию, и все принадлежащее ко освящению храма состоит в готовности.

И потому Ваше Высокопреосвященство покорнейше просим, при содействии Ржевскаго духовенства, дозволить нам освятить храм наш, и о сем учинить Ваше Архипастырское распоряжение, июля 25 дня 1850 года.

К сему прошению Ржевскаго Успенскаго Собора: Протоиерей Матфей Константиновский руку приложил; Того же собора иерей Капитон Измайлов руку приложил; и прочие.

После чего, 31 июля того же года, Тверская Духовная Консistorия выслала Указ Успенскому протоиерею с разрешением об освящении собора, при этом веля ему после освящения от-рапортовать Консistorии.

Ржевскаго Успенскаго собора

¹ Отец Матфей Константиновский. Из воспоминаний Е.Н. Бастамовой (урожденной Алмазовой, родной сестры поэта Б.Н. Алмазова). // Сборник Тверскаго общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 248–251.

² О награждении протоиерея Константиновскаго орденами // ГАТО. Тверской Духовной Консistorии Ржевскаго уезда Успенскаго собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 350 – 1849 год. (Дело не сохранилось).

протоиерея Матфея Константиновского.

Рапорт.

Во исполнении предписания от Высокопреосвященнейшего Гавриила Архиепископа Тверского и Кашинского и Кавалера, указали из Тверской Духовной Консистории от 7 августа сего 1850 года за № 8298, мне данному в соборе нашем храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, того же августа 15 дня, при содействии Ржевских священнослужителей, по чиноположению церковному, мною освящен, о чем Духовной Консистории сим благопослушнейше доложить честь имею.

Ржевского Успенского Собора протоиерей Матфей Константиновский.

18 августа 1850 года¹.

В 1853 году батюшка Матфей подал новое прошение Высокопреосвященнейшему Гавриилу архиепископу Тверскому и Кашинскому и Кавалеру.

Производившаяся при нашем Соборе пристройка двух приделов в настоящее время окончена, и так как иконостас, и все прочее готово к освящению, то мы и желали бы освятить оные.

Посему Ваше Высокопреосвященство, Милостивейшаго Отца и Архипастыря покорнейше просим благословить освятить оные приделы протоиерею Матфею Александрову с братиею при содействии прочаго Духовенства города Ржева; вследствие чего и просим выдать два Антиминса. 1853 год февраля дня.

К сему прошению Ржевского Успенского Собора:
Протоиерей Матфей Константиновский руку приложил;
Иерей Капитон Измайлов руку приложил;
Иерей Стефан Лукин Рождественский руку приложил;
и прочие.

После чего последовала резолюция из Т.Д.К., «<...> что при Ржевском Успенском Соборе устроены два придела. Первый во имя Святителя и чудотворца Арсения, а второй во имя благо-

¹ Об освящении Успенского собора. // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ед. хр. 2436 – 1850 год.

верного Князя Михаила Тверскаго, по указу Священнейшего Правительнейшаго Синода февраля от 25 дня 1852 года.

Секретарь Сергей Смирнов».

1853 года 27 дня, в Консисторском настольном докладном реестре написано: Для исполнения по оной резолюции Его Высокопреосвященства к Протоиерею Константиновскому послать Указ, а о высолке к нему, Константиновскому двух новых освященных Антиминсов предписать указом и эконому Архиерейскаго Дома.

Ржевского Успенского Собора
протоиерея Матфея Константиновского.

Рапорт.

Во исполнении указа из Тверской Духовной Консистории за № 2205 от 28 – февраля сего года, вновь устроенный в Соборе нашем приделы – во имя Святителя Арсения, и св. Благовернаго Князя Михаила. Тверских чудотворцев, по чиноположению церковному мною освящены при содействии братии моей и Ржевскаго всего Духовенства. Один 1 Марта, а другой 8, о чем Вашему Высокопреосвященству сим благопочтенно рапортую¹.

В этом же году произошел для отца Матфея достаточно грустный случай, в котором он сам неосторожно увлекся по своей ревности по Бозе, за что чуть не подвергся справедливому суду, но и в этих обстоятельствах не пал добрый пастырь духом, а с твердостью души, безропотно перенес все испытания. Речь здесь пойдет о главе преподобного Саввы. Подробный ход этого дела был известен в то время только высшему начальству. Во время нашествия французов многие храмы были разграблены и осквернены французами, мощи выброшены из рак. Рассказывают, что раскольниками в это время была похищена глава святого Саввы. Как-то отец Матфей находился у себя в комнате на ночной молитве. Вдруг послышался стук в дверь. Батюшка поспешил к ней и открыв, увидел, что стоит перед ним человек из числа старообрядцев, скрывавший свое лицо, который что-то

¹ Об освящении двух приделов // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ед. хр. 2437 – 1853 год.

держал в руках. Батюшка пригласил его в дом и, посадив на лавку, стал расспрашивать, по какому вопросу тот пришел. Он объяснил, что принес голову преподобного Саввы и рассказал о переходе ее в руки раскольников. Передав батюшке святыню, человек вышел на улицу и скрылся из виду в ночной тьме. На следующий день протоиерей Матфей торжественно перенес ее в собор, и только после этого оповестил о случившемся событии правящего Архиерея. Несколько раз Владыка пытался узнать у о. Матфея, как звали этого раскольника, но батюшка на этот вопрос отвечал, что может назвать этого человека только одному государю. Его потребовали в Санкт-Петербург. Был ли он допущен к государю и чем он говорил с государем, это осталось неизвестно никому. Известно только, что государь, желая выслушать проповеди батюшки, задержал его в северной столице на целую неделю. В ходе седмицы, он совершал каждодневно Богослужения в дворцовой церкви. Отец Матфей потом рассказывал, что в начале обедни, на которой присутствовал государь, он чувствовал себя очень смущенным, но по прочтении диаконом Евангелия успокоился и забыл все. «Мне удалось хорошо сказать при государе», – говорил впоследствии батюшка Матфей.

Был также оповещен о случившемся и митрополит Московский Филарет, который в резолюции на письмо Владыке Гавриила писал: «<...> на все это нет ясных доказательств, о принадлежности главы именно преподобному», и дело закрыл. Это известие опечалило батюшку. Главу же в дальнейшем передали для хранения в ризницу Тверского Кафедрального собора. В ходе следствия по этому делу от сильных переживаний заболела супруга батюшки чахоткой. Пережитые же обстоятельства еще раз показали непоколебимость его духа, твердость веры, а также и готовность его идти на все страдания ради чести святого угодника Божия¹.

¹ О святых мощах святого Саввы принесенных неизвестно кем протоиерею Константиновскому домой // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 386 – 1853 год. (Дело не сохранилось)

Ноября 7 дня 1853 года, протоиерея Матфея Константиновского и священника Николая Виноградова, митрополит Санкт-Петербургский Григорий, вызвал к себе для участия в совещании о воздействии на раскольников. Помимо них ещё были приглашены многие известные священнослужители из разных Епархий России. Девятнадцатого ноября батюшку вызвали в Тверскую Духовную Консисторию, где зачитали указ из Священного Правительствующего Синода Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, в котором ему предписывалось явиться в Санкт-Петербург для участия в совещании по воздействию на раскольников в должности будущего миссионера. Десятого декабря 1853 года вышел «Указ» епископа Тверского Гавриила, направить Ржевского протоиерея Матфея и священника села Чамерова Николая, «<...> усердно покорствующих власти, призывающей их на общественные цели, благонадежных при этом поведения, и опытных, в столицу отправить». По прибытию в Санкт-Петербург, батюшка по началу остановился в казенном, принадлежащем Священному Синоду доме, вместе с прочими священниками, вызванными для совещания из других Епархий. Но спустя некоторое время упрощен был Т.Б. Потемкиной переехать в её дом, где к особой его радости, ему было дозволено совершать Богослужения в домовый церкви. Своею строгою жизнью, мудрыми советами и наставлениями батюшка Матфей скоро сделался известным в северной столице. Число посетителей к нему увеличивалось с каждым днем. Почти все время в его квартире находился кто-нибудь из посетителей, прибывших за духовным советом.

В ходе совещания по делу с раскольниками пастырю было поручено начальством, через переводчика, наставлять истинам православной веры нескольких человек, из числа самоедов, приехавших в столицу посмотреть на русского царя, и по промыслу Божию, пожелавших принять здесь веру христианскую. Восприемниками всех их были члены Царственного Дома. Отец Матфей же сих новорожденных приобщил Святым Тайнам. Одного из них, вскоре потом умершего, напутствовал таинством святого Елеосвящения. Церковные службы совершал почти ежедневно, особенно во время святой Четырдесятницы, не оставляя при этом миссионерские занятия. Так он жил в столице

до тех пор, пока семейные обстоятельства не заставили его покинуть на время Санкт-Петербург. Одиннадцатого марта 1854 года, отец Матфей подал прошение Его Императорскому Величеству, в котором испрашивал разрешения отправиться на похороны жены, хотя никаких известий о безнадежном состоянии её он еще не получал, знал только, что она сильно больна. Через некоторое время Священный Правительствующий Синод, по указу Его Императорского Величества, заслушал прошение отца Матфея, в котором было сказано: «По случаю смерти жены его, он, Константиновский, имея крайнюю необходимость отправиться в место жительства своего, как для отдания усопшей последнего долга, так и для распоряжения семейством и имуществом своим – просит уволить его в дом свой, в город Ржев по 1 мая текущего года, с выдачей паспорта на следование туда и обратно, и пособия на проезд». Священный Правительствующий Синод приказал: <...> протоиерея Матфея Константиновского, согласно прошения его уволить из Санкт-Петербурга в город Ржев Тверской Епархии, сроком по 1 мая текущего года, и для следования туда и обратно выдать от канцелярии Священного Синода надлежащий паспорт.

Марта 20 дня 1854 года.

Подписали:

Обер-секретарь Ф. Яковенко;

Секретарь А. Ковальков.

Тринадцатого марта батюшка совершал Литургию, а пред вечерней, в три часа пополудни, добрый пастырь начал служить панихиду, поминая новопреставленную Марию, а на следующий день поехал в город Ржев. Между тем жена его Мария, тихо, спокойно, неожиданно для всех, даже для домашних, отошла ко Господу. И именно в этот момент, о. Матфей стал служить панихиду о новопреставленной Марии. Болезнь проходила, по-видимому, обычным порядком, но знал, чувствовал ее муж о приближающейся смерти рабы Божией Марии, поэтому за несколько дней до случившегося факта начал собираться в дорогу. Знал также и то, что, уезжая в Санкт-Петербург на совещание, больше не увидится в этой жизни со своею супругою.

Посланный же в Санкт-Петербург нарочный с вестью уже не застал батюшку Матфея там.

Отдав последний долг своей супруге Марии, батюшка вынужден был еще несколько дней находиться в городе Ржеве, решая семейные проблемы, и только в последних числах апреля смог выехать в северную столицу. В мае месяце батюшка прибыл в Санкт-Петербург, и так как Т.Б. Потемкиной в столице не застал, то не смог иметь квартиры в ее доме. Графиня Мина Егоровна Адлерберг, узнав о затруднении батюшки с жильем, пригласила его к себе в дом, где также о. Матфей смог продолжить совершать ежедневные Богослужения в домово́й церкви. Иногда батюшку Матфея приглашали и в другие дома аристократов для совершения служб.

Между тем дело по миссионерству подходило к концу. Священников, вызванных для совещания в столицу, в июле месяце 1854 года распределили по разным местам России, где наиболее усилились действия раскольников. Доброму пастырю досталось ехать обратно в город Ржев Тверской Епархии. Но память о нем в северной столице осталась надолго у всех, кто с ним встречался. Живя здесь, он всегда был ровный, строгий сам к себе, не изменял также и тем мудрым правилам жизни, которые перенял у святых отцов церкви. Между всеми сотоварищами по миссии он был в особенном уважении и за свою подвижническую жизнь, и за опыт в деле обращения старообрядцев в веру православную и непорочную.

Блеск, который батюшка видел в роскошной Санкт-Петербургской жизни, не мог развлечь его духа и отвлечь от внутренней работы по совершенствованию себя в молитве. В этой беспечной жизни он видел одну суету и опасность для души, а, следовательно, все подобное не могло причинить ему вреда. Привыкши услаждаться представлением и внутренним созерцанием красот Небесных, мог ли он очароваться земными благами, способными действовать только на внешние чувства человека?

Десятого июля 1854 года по Указу Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, Священный Правительствующий Синод слушал рапорт Преосвященного Григория, архиепископа Казанского, о соделанных им распоряжениях к

назиданию вызванных в Санкт-Петербург из разных Епархий священнослужителей для приготовления их к миссионерским действиям на раскольников. И, по справке приказал: «По рассмотрении означенного донесения, Священный Синод определяет: Всех вызванных сюда, из Епархий священнослужителей отправить в те Епархии, к коим они принадлежат, с тем, чтобы местные Преосвященные распорядились поручить сим священнослужителям *исключительное действие на раскольников* в тех местах, где таковое по ближайшему усмотрению их Преосвященным, окажется наиболее необходимым – *требуя от действователей подробного донесения о последующем по истечении полугода*, для равномерного донесения о том, и о соделанных Преосвященными распоряжениями, в Священный Синод». Также обязать действователей, чтобы они при исполнении не требовали содействия полиции, и не подавали факта в том, каких-либо отношениях с оною, соблюдая во всем благоразумную осторожность и стараясь действовать на заблуждающихся словом Божиим и собственным, христианским пастырям вполне соответствующую жизнь, избегая при том всякого своекорыстия и других несовместимых с достоинством их качеств, и в ожидании от действователей желаемого успеха, оставить их при тех местах, при которых состояли они до вызова в Санкт-Петербург с получением по оным всех священнослужительских доходов. <...>

Обер-секретарь Ф. Яковенко; секретарь А. Ковальков.

Тринадцатого августа 1854 года, батюшка подал рапорт архиепископу Тверскому и Кашинскому и Кавалеру Гавриилу, где писал: «Во исполнении предписания Вашего Высокопреосвященства указом из Тверской Духовной Консистории от 9 августа за 1854 года донести честь имею: 1) Назначить место действия на раскольников представляю на распоряжение Вашего Высокопреосвященства, что приму с полным моим удовольствием; 2) С началом действия моего не могу определить время без разрешения и наставления на сей предмет Священного Синода, о чем Вашему Высокопреосвященству сим донести честь имею». В дальнейшем, 9 декабря 1854 года, батюшка написал следующий рапорт Владыке: «Во исполнении предписания Ва-

шего Высокопреосвященства, от 7-го октября сего года, я во Ржеве, по мере моих сил, со всем моим усердием при помощи Божией, на раскольников советами, как только могу, действую, при этом устав всегда выполняю». Так продолжил батюшка, со смирением, свои труды по возвращению в лоно Святой Матери Церкви отпавших от нее по своему неразумию людей¹.

Молва о строгой, подвижнической жизни служителя Божия Матфея, о его нестяжательности и пламенных обличительных проповедях, произносимых в Ржевском соборе, быстро распространилась не только во Ржеве, в Твери и в Тверской губернии, но и в обеих столицах, особенно в Москве. Поэтому его очень часто вызывали в этот город именитые люди. И когда приходилось в очередной раз у секретаря Тверской Духовной Консистории С.И. Смирнова получать паспорт на поездку в Москву к своим знакомым для собеседования, (два раза в 1854 и два раза в 1855 году), то Владыке Рафаилу эти отлучки не очень-то и нравились².

¹ Об отсылке протоиерея Константиновского и священника Виноградова для приготовления на дело с раскольниками // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13. ед. хр. 2438 – 1853 год.

² Несохранившиеся дела: О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 360 – 1850 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 372 – 1851 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 375 – 1852 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 378 – 1852 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 387 – 1853 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 391 – 1854 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 392 – 1854 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160,

Домохозяева, у которых гостил батюшка, всегда приглашали к себе известных лиц. Так на одной такой встрече присутствовал бывший профессор словесности Московского университета Шевырев, который, по уходе о. Матфея, высказался так о нем: «Так в древние времена гремели златоусты».

В 1856 году, с 18 на 19 число августа месяца, в девять часов вечера, произошло следующее тяжелое испытание для протоиерея Матфея и его семейства. Во время совершения протоиереем Матфеем Всенощного бдения в соборе произошел пожар в его доме. Загорелась по неизвестной причине надворная постройка. Пламя, показавшись на крыше примыкавшего к дому строения, в несколько минут охватило весь дом. Почти нереально было думать о спасении находившегося в доме имущества. Батюшка видел все это, так как дом стоял напротив собора. Бывшие люди на службе взволновались и поспешили к месту пожара. Отец Матфей распорядился, чтобы службу не сокращали и вели надлежащим образом. По окончании Всенощной, он еще успел войти в дом. «Други мои! Спасайте святые иконы!» – сказал он бывшим тут и желавшим спасти хоть что-нибудь из имущества. Потом помолвившись во всех комнатах, поспешно вышел из дома. И действительно, по милости Божией, почти все иконы, все частицы святых мощей, находившихся при иконах, были вынесены на улицу. Прочее имущество, включая и библиотеку с лучшими книгами духовного содержания, полностью сгорело. Из одежды уцелело только то, что было одето на батюшке и на его домочадцах. И протоиерей Матфей, служивший сорок с лишним лет сердцем и делами Всевышнему и ближнему, принимающего и успокаивающего в своем доме странников, тот, который простирает руку всякому просящему, тот, чьими молитвами и благотворительностью поддерживались многие семейства, теперь сам остался без крова, без самого необходимого

оп. 13, ст. ед. хр. 396 – 1855 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 397 – 1855 год; О выдаче паспорта протоиерею Константиновскому // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Фонд 160, опись 13 ст. ед. хр. 401– 1856 год.

для жизни, на улице под открытым небом¹. Окруженный семейством и прихожанами, стекавшимися к месту пожара, он, во все время бушевания огня в его доме, продолжавшегося на протяжении двух часов, сидел близ церкви на большом камне, прося Всещедрого Бога дать ему и его семейству, как одному из странников, которых он раньше принимал, где-нибудь приют в наступившей глубокой ночи, и чтобы чье-нибудь сострадательное сердце приняло их под кров своего дома. Сердечная молитва его долетела до Вселюбящего Бога, и Он явил ему Свою неизреченную милость. Семейство Воейковых предложило ему переночевать в их доме. И когда на месте испепелившегося дома осталась только груда почерневшего от пожара безобразного кирпича, то батюшка Матфей вместе с домочадцами, прославляя Бога, отправился на приготовленный им ночлег. Из уст батюшки, даже в кругу своего семейства, во время этого испытания не вылетело не только слова ропота, но и слова грусти о потерянном имуществе. Напротив, это несчастье, по мирскому расчету, весьма тяжелое, он назвал милостью Божией, которую ни за какие деньги невозможно купить, но только жалел немного о сгоревшей библиотеке, в которой были древние книги духовно-нравственного содержания. Среди книг много было и рукописей, для него дорогих. По слову батюшки, каждый листок, им написанный, заключал в себе что-нибудь нужное и полезное. Стоило только взглянуть на его библиотеку, и сразу можно было бы судить о духовном устроении батюшки, о том, что искало его сердце. И Господь, щедро награждающий верных и покорных Своих раб, скоро утешил великими и богатыми Своими милостями и его. Многие из усердных дворян, а также и уважавшие протоиерея влиятельных особ, жертвовали погорельцу деньги и вещи. Признательное же купечество города Ржева сделало даже посильный сбор на приобретение нового дома. Большая часть денег, употребленных на покупку сего жилья, была пожертвована Ржевским помещиком И.Я. Демьяновым. Таким образом, чрез месяц после этого несчастья был общими усилиями куплен доброму Пастырю каменный дом, да еще и с собственной землей...

¹ О сгоревшей грамоте у протоиерея Константиновского // ГАТО. Т.Д.К. Ржевского уезда Успенского собора г. Ржева. Ф. 160, оп. 13, ст. ед. хр. 400 – 1856 год. (Дело не сохранилось).

Фольклор Старицкой земли

А. А. Петров

К истории собирания и изучения фольклора Старицкой земли¹

Карты «степени изученности фольклорной традиции Тверской области» показывают, что собирание фольклора на Старицкой земле началось в конце XIX века². Однако фольклорно-этнографические сведения приводятся уже в издании первой половины XIX в.: сообщается, что «в 4 верстах от Стариц, в Петров день собирается народ *на три ключа* (выделено автором — А. П.) пить воду из родников, и веселится вплоть до глубокой ночи»³.

¹ Вершинский А. Н. Города Калининской области (исторические очерки). Калинин: Калининское книжное литературное издательство, 1939. С. 82—95; Города и районы Калининской области. Краткие очерки / Сост. М. А. Ильин. М.: Московский рабочий, 1978. С. 546—566; Тверская область: Энциклопедический справочник / Сост. М. А. Ильин. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1994. С. 244—245. Также см. Вершинский А. Н. Экскурсия от Ржева до Старицы. Экскурсия от Старицы до Твери // Дальние экскурсии по Тверской губернии / Ред. А. Н. Вершинский. Тверь: Общество изучения Тверского края, 1928. С. 29—55.

² Отчет о разработке целевой региональной программы «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе» (по материалам Тверской области). Кн. 3. Т. 1. С. 47—49. Среди первых работ о фольклоре Старицкой земли в отчете указываются: Середонин Д. Два стиха про Алексея Божия человека, записанные в Тверской губернии Д. Середониным // Тверской вестник. 1880. № 5; Р-в Н. Этнографический очерк города Старицы // Тверской вестник. 1880. № 5. Также см.: Приложения к отчету «Сохранение, возрождение и стимулирование народного творчества в перспективе» (по материалам Тверской области). Кн. 4. 184 с.

³ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. IV. М.: Университетская типография, 1839. С. 66. Материалы по Тверской губернии были предоставлены И. М. Снегиреву

В конце XIX — начале XX в. сбором фольклора этих мест занимался священник А. Д. Ушаков¹, который довольно подробно описал свадебный, а также родильно-крестильный и погребальный обряды, а также обычаи, связанные с выгоном скота в поле, началом и концом обжиночных работ; сообщил приметы и заговоры. В это же время ведет работу краевед И. П. Крылов. В его сочинениях сообщается о подземном ходе под р. Волгой от храма Успения Пресвятой Богородицы до Борисоглебского собора².

В статье А. Г. Первухина «Из мира исчезающих обрядов и обычаев» содержится описание свадебного обряда Старицкого и Новоторжского уездов³, а в публикации А. Андреева сообщается о местной пляске — купчике¹.

благодаря содействию И. И. Лажечникова, который в то время был директором Тверской гимназии. См. *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. I. М.: Университетская типография, 1837. С. П.

¹ *Ушаков А. Д.* Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии (свадебные обряды, гадания, приговоры, причитания и песни). Старица: Типография И. П. Крылова, 1903. 70 с.; Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии // *Тверская старина*. 1911. № 1. Январь. Старица: Типография И. П. Крылова. С. 37—44; № 2. Февраль. С. 15—25; № 3. Март. С. 14—21; № 4. Апрель. С. 11—19; № 5. Май. С. 7—15; № 6. Июнь. С. 20—27; № 8. Август. С. 34—42. *Он же.* Некоторые обычаи, обряды, суеверия и предрассудки в Старицком уезде // *Тверская старина*. 1913. № 5—6. Сентябрь—декабрь. С. 62—71. О нем см.: История церкви Георгия Победоносца села Юрьевское Старицкого района Тверской области. Священник Алексей Ушаков. Крестьянская свадьба конца XIX века в Старицком уезде Тверской губернии / Сост. А. В. Шитков, Л. М. Концедайло, Д. Курдюков. Старица: Старицкая типография, <2007>. С. 84—127; *Концедайло Л. М.* Дорогие мои земляки...: Сборник. Тверь: <Старицкая типография>, 2010. С. 5—16.

² *Крылов И. П.* Старица и ее достопримечательности. Старица: Типография И. П. Крылова, 1903. С. 10; *Он же.* Старица и ее достопримечательности. Старица: Типография И. П. Крылова, 1914. С. 25.

³ *Первухин А. Г.* Из мира исчезающих обрядов и обычаев // Труды Второго областного археологического съезда 1903 года (10—20 авгу-

В конце XIX — начале XX вв. начинается активная работа по сбору частушек, в том числе и в Тверской губернии². Исключением не был и Старицкий уезд. В журнале Тверской ученой архивной комиссии от 16 сентября 1895 г. говорится о том, что член комиссии В. И. Колосов прочитал доклад на заседании ТУАК о простонародных прибаутках, которые в количестве 423 были собраны В. И. Колосовым и его знакомыми в уездах Тверском, Вышневолоцком и Старицком, в Тверской губернии»³. В 1907—1909 гг. священник с. Берново В. Миролюбов обратился к Б. Л. Модзалевскому и А. А. Шахматову с просьбой о помощи в издании собранных им частушек⁴. В своде Е. Н. Елеонской представлены частушки, во-первых, из Старицкого уезда (без обозначения населенных пунктов), которые были записаны В. М. Мещериной (по мужу — Грабарь) — слушательницей Московских высших женских курсов. Указывается, что ее сотрудниками были г. Б. фон Эдин и г-жа Х. Вейде. Тексты были записаны в 1912 или 1913 г.⁵ Во-вторых, в своде представлены записи из д. Вишенки, Иудиха, Панкратово, Филитово, с. Нестеровское, Страшевичи, поместья Сверчково этого же уезда⁶.

В 1920-е гг. в Тверской губернии Тверской педагогический институт проводит комплексные экспедиции, в рамках которых одним из первых был обследован Старицкий уезд (1920,

ста). Тверь: Типография губернского правления, 1906. Отдел III и IV. Живая старина. Областная этнография. С. 17—28.

¹ *Андреев А.* Купчик: Русская плясовая песня (деревня Старый Спас Ефимьяновской волости Старицкого уезда Тверской губернии) // Живая старина. 1915. Вып. 1—2. С. 188—203.

² *Петров А. А.* Изучение частушек Тверского края // Вестник ТвГУ. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 108—121.

³ Журнал ТУАК. 1895. № 51. 16 сентября. С. 7.

⁴ *Петров А. А.* Изучение частушек Тверского края... С. 110—111.

⁵ *Елеонская Е. Н.* Сборник великорусских частушек. М.: Печатная А. Снегиревой, 1914. С. 133—200, 508.

⁶ Там же. С. 134.

1923 гг.)¹. К настоящему времени издан свод фольклора М. И. Рожновой, в который вошли материалы, собранные под руководством Ю. М. Соколова².

В 1927 г. этнологический факультет МГУ провел комплексную экспедицию, целью которой было обследование «северо-западного сектора центрально-промышленной области в этнографическом и художественно-археологическом отношении»³. Сообщается, что в ходе работы: «заведующие и сотрудники Ржевского, Старицкого и Тверского музеев лично знакомили экспедицию с своими музеями; заведующий Старицким музеем принял участие в этнографической экспедиции за пределы города. Большая техническая помощь была получена экспедицией от частных лиц при трудном обследовании и обмерах собора Успенского монастыря в Старицах»⁴. Участник экспедиции Н. И. Кравцов⁵ указывает, что была обследована Старица, а также села и деревни — Покровское, Иванково, Вяхирево, Заблино, Сахарово, Кожухово, Кореничино⁶. Особо удачными оказались опросы в последней деревне — было записано «110 частушек, 7 песен и пр.»⁷

В 1944 г. А. П. Зеленёвой, вероятно, в рамках собирательской работы, объявленной Государственным Литературным

¹ Тверское фольклорное поле — 2010: доклады и публикации: памяти Ю. М. Соколова (1889—1941) / Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 6.

² Фольклор Тверской губернии 1919—1926 гг.: Сборник Ю. М. Соколова, М. И. Рожновой. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 648 с. В книге на с. 623—624 перечислены обследованные населенные пункты Старицкого уезда. Также см. *Николаев О. Р.* Обзор полевых исследований // Приложения к отчету... Кн. 4. С. 22—23.

³ *Некрасов А. И.* Предисловие // Труды этнографо-археологического музея. М.: Издательство первого Московского государственного университета, 1928. Т. 4. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ *Кравцов Н. И.* Язык и фольклор // Там же. С. 27—33.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 31.

музеем и Всесоюзным Домом народного творчества¹, были собраны свадебные, хороводные песни в с. Красное².

Материалы экспедиций Калининского института (Тверского университета) представлены в различных сборниках, научных статьях и отдельных публикациях. Так, в сборниках А. В. Гончаровой «Золотые зерна» (1999, 2002) вошли материалы экспедиций в Старицу (1925—1939), д. Дары (1920), д. Дудорово (1925), с. Холохольня³ (1920, 1972)⁴. Устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в Старицком районе, вошли в другую книгу Александры Васильевны⁵.

В сборники тверского фольклора, составленных по жанровому принципу, вошел материал экспедиций 1970—1990-х гг., но эти издания были составлены без указания точных мест записи⁶. Сведения о районах появляются в сборнике «Тверские

¹ На Калининском на фронте: Частушки Великой Отечественной войны: Хрестоматия / Сост. Е. М. Белецкая. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. С. 3.

² Народные старинные песни Калининской области, собранные в 1944 г. А. П. Зеленёвой Вступительная заметка и публикация А. А. Власовой, С. Н. Лебедевой // В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается / Сост. Е. М. Белецкая, Л. М. Концедайло, Е. Г. Марина, М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 79—97. Эта рукопись упоминается в работе: *Смирнов-Кутаческий А. М.* О фольклоре Калининской области // Учен. зап. Кал. пед. ин-та. Т. X. Вып. I. Калинин, 1945. С. 44.

³ *Шитков А. В.* Холохольнянский храм Преображения Господня. Старица: Старицкая типография, 2009. 54 с.

⁴ *Гончарова А. В.* Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция, 1999. С. 304, 306; *Она же.* Золотые зерна: Сказки, народные рассказы Тверского края. Кн. II. Тверь: ЧуДо, 2002. С. 319, 321—325, 330.

⁵ *Гончарова А. В.* Народный устный рассказ как жанр фольклора (на материале художественной прозы 40—80-х годов <XX в.>). Тверь: Золотая буква, 2006. С. 8.

⁶ Тверские пословицы и поговорки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: 1993. 60 с.; *Акулов П. И.* Тверские сказки / Сост. Л. М. Концедайло, О. В. Смирнова. Тверь, 1997. 104 с.; Тверской детский фольклор / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: 2001. 180 с.;

частушки» (1990), где представлены старицкие материалы (1972—1976, 1978—1982, 1985)¹. Точные места записи сообщаются в книге «Жестокие романсы Тверской области» (2006), где представлены тексты из д. Сорокино и Курово-Покровское (2002), д. Колесово (1995), а также из свода М. И. Рожновой (д. Ванеево (1923), с. Дары (1920, 1923), с. Иверовское (1920), д. Игрище (б/д), с. Нестерово (1923))².

Материалы из архива кафедры истории русской литературы ТвГУ приводятся в различных статьях и публикациях. Представлены разные жанры (частушки, загадки, наивная поэзия) из таких населенных пунктов, как д. Заовражье (1973)³, д. Бабынино⁴ (1994), с. Емельяново⁵ (2001)⁶, д. Курово-Покровское (2002⁷, 2004¹), д. Сорокино (2002²). Частушки из

Тверские загадки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: Тверская областная типография, 2005. 112 с.

¹ Тверские частушки / Сост. Ф. М. Селиванов, Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. М.: Московский рабочий, 1990. 190 с.

² Жестокие романсы Тверской области / Сост. Л. В. Брадис, Е. В. Петренко, М. В. Строганов, И. С. Тарасова. Тверь: Золотая буква, 2006. 188 с.

³ *Белова Т. В., Петров А. А.* «Свое» и «чужое» болото в фольклорных текстах // Русское болото: между природой и культурой: Материалы международной научной конференции / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 57.

⁴ О школьной краеведческой работе в том числе и по сбору данных по народной культуре в этих местах см.: Записки Старицких краеведов. Старица: Старицкая типография, 2011. С. 173—192.

⁵ *Шитков А. В.* Емельяновский храм во имя святителя Николая Чудотворца. Старица: Старицкая типография, 2011. 68 с.

⁶ Частушки о Гитлере (из архива Фольклорной лаборатории Центра тверского краеведения и этнографии ТвГУ). Подготовка текстов А. А. Петрова // В памяти народной... С. 180, 185.

⁷ Народные песни и стихи из архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета Публикация Е. В. Петренко, М. В. Строганова // Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / Ред. О. Е. Лебедева, М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 70, 74.

Старицкого района (1983, 2002), но без указания населенного пункта, приводятся в статье И. Ю. Махотиной³.

Собирание и изучение традиционной культуры Старицкой земли связано с деятельностью других научных организаций: в 1963 и 1974 гг. в районе проходили экспедиции Сергиево-Посадского музея под руководством Л. Э. Калмыковой⁴; а также работой краеведов-фольклористов. В сборнике Л. М. Концедайло «Дорогие мои земляки...» (2010) есть сведения о Старице, д. Климово, с.⁵ записи из собрания О. В. Кузьминой представлены в научном сборнике, посвященном победе в Великой Отечественной войне (д. Братково и Максимова (2009))⁶. В настоящее время в Старице изучение народной культуры входит в круг интересов краеведа А. В. Шиткова⁷.

¹ *Лебедева О. Е.* Военно-исторический фольклор в записях конца XX — начала XXI века / Фольклор Великой Отечественной войны... С. 28.

² Народные песни и стихи из архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного архива. Публикация Е. В. Петренко, М. В. Строганова // *Там же*. С. 69—70, 73—74.; Частушки из архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного архива. Публикация Е. В. Петренко, М. В. Строганова // *Там же*. С. 124—128. *Петров А. А.* «На курорте я была...» // Курорт в русской культуре. К 200-летию Андреапольских минеральных вод: Статьи и материалы / Сост. М. В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. С. 353.

³ *Махотина И. Ю.* Цыгане, «цыганочка» и «цыганская» тема в современных русских частушках // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. № 4. Вып. 2. С. 127—128.

⁴ *Калмыкова Л. Э.* Народное искусство Тверской земли. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. С. 267—268.

⁵ *Концедайло Л. М.* Дорогие мои земляки... С. 224—233.

⁶ Песни военных лет. Публикация О. М. Кузьминой // В памяти народной... С. 189—190.

⁷ *Шитков А. В.* Святые Старицкого Успенского монастыря // Великое прошлое. Труды научной конференции, посвященной 750-летию великого княжества Тверского и 725-летию Тверской епархии (23 декабря 1997 г., г. Тверь) / Ред. М. А. Ильин, А. И. Капитонов,

В энциклопедии «Тверская деревня. Старицкий район» (2007) также приводятся сведения о местном быте и народной культуре¹, указываются рассказы о «пьяном лесе»², которые свидетельствуют об отражении (в устных прозаических жанрах) изменений ландшафта.

Из художественных промыслов к началу 1990 г. в Старицком районе сохранились: поделка из бересты, резьба по дереву, плетение из прутьев, ткачество, вышивание, вязание³. В отдельных публикациях представлены материалы о одежде старичан⁴.

Часть фольклорно-этнографических материалов, собранных на Старицкой земле, хранится в ГАТО, в архивах преподавателей Калининского государственного педагогического института (университета) им. М. И. Калинина — А. М. Смирнова-

П. Д. Малыгин. Тверь: ГЕРС, 1998. С. 132—126; *Он же*. Старицкая деревня: легенды, традиции и уклад // Вестник ТвГУ. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 67—76; *Он же*. Предания о Старицких храмах // Фольклорное поле — 2010... С. 100—105.

¹ Тверская деревня. Старицкий район: Энциклопедия российских деревень / Сост. А. В. Шитков. Старица: Старицкая типография, 2007. Т. I. 408 с.; Т. II. 332 с.

² Тверская деревня. Старицкий район... Т. I. С. 13.

³ Исходные предпосылки и научные обоснования концепции «Комплексной программы развития культуры и искусства Калининской области в период с 1991—1997 годов и основных направлений до 2005 года». Теоретическое обоснование. Ч. I. Старица: Старицкая типография, 1990. С. 22.

⁴ *Вершинский А. Н.* Материалы по истории древнерусских одежд: Старинные наряды и головные уборы Тверской губернии // Тверская старина. 1913. № 1. Январь—февраль. С. 20—24. Отд. изд.: Старица: Типография И. П. Крылова, 1913. 6 с.; *Калмыкова Л. Э.* Народная вышивка Тверской земли. Ленинград: Художник РСФСР, 1981. С. 131—141; *Она же*. Тверская набойка XIX — начала XX века. Сергиев Посад: Брейгель и Алекс, 2003. С. 14; *Костюм русских крестьянок Тверской губернии XIX — начала XX веков / Ред. Н. П. Гончарова.* Тверь: Форум, 2007. 100 с.

Кутаческого¹, А. В. Гончаровой², в Коллекции фольклорных материалов Тверской губернии — Калининской области (1920—1986 гг.)³, а также в личных архивах собирателей-краеведов.

Как мы видим, интерес к собиранию и изучению народной культуры Старицкой земли возник в первой половине XIX в. — это связано с деятельностью И. И. Лажечникова. В конце XIX — начале XX в. собирательская работа была связана с работой священников⁴ и краеведов, которые остаются ведущими собирателями фольклора на местах. В двадцатом столетии в Старицком крае велась активная экспедиционная работа Тверского государственного университета (бывшего Калининского педагогического института им. М. И. Калинина).

Обращение к местным материалам (анализ периодики и художественной литературы), работа в архивах даст более полное описание фольклорно-этнографической картины Старицкого района, а новые полевые исследования, например, сбор информации о мироточащей иконе Ахтырской Божьей Матери, находящейся в Ильинском храме Старицы, позволит уточнить состояние фольклорной традиции Тверского региона.

¹ Р-2911. Оп. 1. Ед. хр. 72: «Записи свадебных песен, сказок из Старицкого уезда. 1920—1929 гг. Записи свадебных песен, сказок из Старицкого уезда» на 8 листах; начато в 1920 г., окончено в 1929 г.

² Р-2811. Оп. 1. Ед. хр. 7: «Воспоминания о Великой Отечественной войне, песни, частушки, и др., собранные студенческими фольклорными экспедициями под руководством А. В. Гончаровой в деревнях Калининского и Старицкого районах, г. Твери. Рукописи. 1987—1992». О А. В. Гончаровой см.: *Петров А. А., Строганов М. В.* Список научных и методических трудов А. В. Гончаровой // Вестник ТвГУ. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 263—274.

³ Р-1872. Оп. № 1. Ед. хр. 1, 1 а: Старицкий уезд, 1920, 1923 гг. Т. 1—2; Р-1872. Оп. № 2. Ед. хр. 335—359: Старицкий р-н, 1972—1986 гг.; ед. хр. 360—369: Старицкий р-н, лабораторные работы по фольклорной практике 1972—1986 гг.

⁴ Православные священники — собиратели русского фольклора / Сост. А. В. Кулагина. М.: ГРЦРФ, 2004. 416 с.

Из материалов фольклорных экспедиций

Подготовка текстов и публикация

Л. М. Концедайло и А. А. Петрова

1.
Ты рябинушка раскудрявая,
Когда взошла-выросла?
Я зимою взошла, летом выросла,
По зорям я цвела.
Под тобою, под рябинушкою,
Там не мак-цвет горит,
Там горит-цветет
Сердце молодецкое, атаманское.
Вы пролейте-ка, дожди частые,
Размочите-ка мать-сыру землю,
Что не восстанет ли мой
Кормилец-батюшка,
Не вздумает ли он думу-крепкую,
Думу-крепкую об солдатчине.
Что у старшего брата — дети малые,
А младший брат
Сам годом молод,
Идти надо служить брату среднему².

¹ Все записи предоставлены фольклористом и краеведом Л. М. Концедайло, которой редакция выражает благодарность.

² №№ 1—7. Зап. Л. С. Казунина, Л. Е. Сергеева от А. Г. Максимовой, 81 год, д. Денисиха Старицкого р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1973 г. В энциклопедии «Старицкая деревня» деревня обозначена как «Денесиха». См. Старицкая деревня... Т. I. С. 195—196. В статистическом сборнике за 2010 г. также пишется через «е» (Населенные пункты Тверской области на 1 января 2010 г. Тверь: РОССТАТ, 2010. С. 146). В середине XIX в. название деревни выглядит иначе — Денисиха (Список населенных мест: Тверская губерния. Т. XLIII. / Ред. И. Вильсон. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1862. С. 371).

2.

Как на старицкой на Волге
Преогромный, большой дом.
Преогромный, преужасный,
Есть общательский прием.
Там раздевают, разувают,
Тело белое смотрят.
Тело бело и здорово —
Закричали: «Ваня гож!»
Почему же он гож?
И без морозу взяла дрожь.
Прощайте, девки,
Прощайте, бабы,
Мне теперя не до вас.
И цирюльнички идут,
Востры ножницы несут.
Погодите, братцы, брить,
Дайте маменьке придтить.
Моя маменька придет,
Полотенце принесет,
Во шелковый платок завяжет
И кудерки уберет,
Красным девкам снесет.

3.

Ты калинушка, да развесистая,
Ты не стой, не стой, не стой
И на горе крутой.
Ой, да не спущай листься во синё море,
И во синем море корабель плывет,
В корабле ребят два полка солдат,
Как один солдат богу молится,
Богу молится, домой просится.
Офицер-майор, отпусти домой
На побывочку к отцу с матерью,
К молодой жене,
Молода жена меня дожидается.

4.

Во субботу в день ненастный
Нельзя в поле работать,
Нельзя в полюшке работать,
Ни боронить, ни пахать,
Ни боронить, ни пахать.
Вы пойдемте-ка, ребята,
Во зеленый сад гулять.
Во зеленом во садочке
Соловей-пташка поет,
Мне разлуку придает.
Прощайте, девки,
Прощайте, бабы,
Мне теперя не до вас,
Во солдаты гонят нас.

5.

Как за речкою,
Да за быстрою, да за дальнею,
Злы татары полон делили —
Ну и что кому достанется.
Доставалась теща зятюшке.
Как повез тещу зять во дикую степь,
Во дикую степь, к молодой жене.
Она — русская полоняночка,
Ты заставь-ка ее, жена,
Три дела делати:
Первое дело — куделю прясть,
А второе дело — колыбель колыхать,
А третье дело — гусей стеречь.
Она ручками — куделю прядет,
Ножками — колыбель колышет,
Глазками — гусей стережет.
Ай, баю-бай, злой татарский сын,
Ты по батюшке — злой татарович,
А по матушке ты — русеночек.
Как твоя-то мать мне родная дочь —
На левой ноге нет мизинчика,

А на правой щеке у нее родинка,
Семи лет она во полон пошла.
Прибежала дочь, поклонилась:
«Прости, мама, за всё,
Возьми, возьми, мама,
Самого лучшего коня,
Поезжай, поезжай
Во родную Русь!»
«Дорогая дочь, я с тобой
Не расстанусь!..»

6.
Жил богатый богатенько
Все богáтенько,
У богатого богатеньки
Девять сынов, а десятая дочушка.
Четыре брата ко царю служить пошли,
А пять братьев на разбой пошли,
А меня, горюшу, замуж отдали,
Да за сине море, да за поморщика.
Уж я год там жила, и два жила,
И дитю прижила,
И стала проситься у свекра-батюшки:
«Пусти меня на свою родину».
И год мы шли, и два шли,
И напали на нас разбойники.
Мово мужа зарезали,
Мою дитю в грязь втоптали,
А меня, горюшу, в плен взяли.
Уж мы спать легли,
А разбойничек подошел ко мне:
«Ты откуда и чьего ты племени?»
У богатого богатеньки
Было девять сынов и одна дочь.
Четыре брата царю служить пошли,
А пять в разбой пошли.
Меня, горюшу, замуж отдали,
За синё море, за поморщика.

Мы год шли, два шли,
И напали на нас разбойники,
Мово мужа зарезали,
Мою дитя в грязь втоптали,
Меня, горюшу, в плен взяли.
И вскричал тут разбойник
Громким голосом:
«Братья, вставайте,
Что мы наделали?
Мы свово зятя зарезали,
Свою племяннушку в грязь втоптали,
Свою сестрицу в плен взяли»¹.

7.
Жил-был австрийский король,
Имел он двух дочерей
Красивых собой.
Одна бóльшая дочь, смуглая,
Как темная ночь.
А малая, красивая,
Как месяц цветет.
За младшую посватался
Австрийский король,
А бóльшая на меньшую
Очень злобная была.
Большая меньшую
Манула потайком.
«Пойдем, пойдем, сестрица,
На берег на крутой,
Посмотрим, родная,
Чем берег украшен».
Усыпан-украшен
Желтым мелким песком,
А синё море покрыто

¹ Ср. с вариантом «Как во городе, да во Киеве, / Там жила, там молода
вдова...» // Из архива А. М. Смирнова-Кутаческого. «Сочинение на
тему “Народное творчество Старицкого района”» в данном сборнике.

Парчою гробовой.
«Сестрица, родная,
Спаси от греха,
Дарю я тебе перстень
Свово жениха».
«Злодейский мой пояс
Достанется тебе».
Ловили рыболовы
Во вся темна ночь,
Поймали вместо рыбы
Меньшую царску дочь.
И думали-гадали,
Куда ее нам деть?
Сделаем мы арфу
Из ее белых костей,
Потянем мы струны
С ее русых волос,
Ударим по арфе,
По тонким струнам,
Послушай, женишика,
Что арфа говорит.
Арфа говорит —
Тебе жениться не велит,
Большую дочь, смуглую,
Повесить велит.

8.

В чистом поле расстился
Прегустой туман,
По туману разъезжался
Молодой казак.
На нем шапка набекрень
И шинель в пыли,
Леворвертик заряженный,
Сабля до земли.
Шелковой милой уздою
Коня понукал,
Конь узды его не чуял,

Шагом выступал.
Пришпандорил коня шпорой,
Конь пошел стрелой,
Своротил коня налево
Во дремучий лес.
Как во этом во лесочке
Избушка стоит,
Все девицы из светлицы
На ночь собрались¹.

9.
Запоем мы, братцы,
Песню новую,
Мы на синем море,
На кораблике,
Мы не столько песен пели,
Сколько плакали
Об таком большом ученье,
Об ружевном.
Пишет, пишет граф
Царю белому:
«Собирайся, царь, со всей,
Со всей армией,
Со пехотою, конной гвардией»².

10.
Как во ключиках,
Во кипучиках,
Как поил мужик
Коня сивого, белогривого.
Он не думал,
Как коня напоить,

¹ Зап. Е. Н. Нуждина, Г. Н. Шахова от У. С. Горячевой, 1911 г. р., с. Родня Старицкого р-на Калининской (Тверской) обл., 1973 г. Коренная жительница.

² Зап. Л. Деменьева <?> от А. И. Шагиной, 63 года, д. Железово Старицкого р-на Калининской (Тверской) обл., 1973 г.

А он думал,
Как жену загубить.
А жена ему возмолилася:
«Не бей меня, муж,
Со вечера, а убей
Со полуночи.
Добры людишки
Понагуляются,
Малы детушки
Спать улягутся».
А старшая дочь,
Часто просыпалася,
Наутро она отца
Спрашивала:
«Кормилец-батюшка,
Где же наша матушка?»
«В новой горнице
Пудрится, румянится,
Со мной в гости
Собирается».
«Не обманывай меня,
Кормилец-батюшка,
Наша матушка
Во темном лесу,
Во чистом бору
Под коряжиной»¹.

11.

Знаю, ворон, твой обычай —
Ты сейчас из мертвых тел
За кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Долго ты летал по свету
И уже стал мертвецом,

¹ Зап. Л. В. Окунева, В. Е. Тиботкина от Е. О. Рузиной, 1911 г. р., д. Орешки Старицкого р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1973 г. Родилась в д. Денисиха.

Где же ты спохитил руку,
Руку белую с кольцом?
Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой.
За горами есть то место,
Где кипел кровавый бой.
Бой кровавый, пир богатый
Буду помнить целый век.
И пришел туда с лопатой
Ненавистный человек.
Он зарыл в одну могилу
Мертвецов-богатырей¹.

12.

Знаю, ворон, твой обычай —
Ты сейчас из мертвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты летал по свету
И кружился над мертвецом,
Где же ты спохитил руку,
Руку белую с кольцом?
Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой.
За горами есть то место,
Где кипел кровавый бой.
Бой кровавый, пир богатый
Будут помнить целый век.
И пришел туда с лопатой
Незнакомый человек.
Закопал в одну могилу
Двух бойцов-богатырей².

¹ Зап. В. Зверева, Л. Хоменко от В. И. Монаховой, 75 лет, д. Колпино Старицкого р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1973 г. Родилась в д. Туркóво.

² Зап. Л. В. Окунева, В. Е. Тиботкина от М. П. Соловьевой, 1892 г. р., д. Турково Старицкого р-на Калининской (Тверской) обл., 1973 г.

13.

Как донской казак коня поил,
В это время на реке муж жену топил.
Вопрошала жена мужа-изверга:
«Не губи ты меня среди бела дня!
Не губи ты меня среди бела дня,
Утопи ты меня среди темной ночи.
Милы детушки спать улягутся,
Сладким сном они поразоснятся».
Но злодей решил задушить сперва,
А потом жену сбросить с берега.
Тут донской казак шашку выхватил
И несчастную жену на свет выпустил¹.

¹ Зап. Т. Титова от П. И. Чагановой, 1914 г. р., Лотошино Московской обл., 1973 г.

**Из архива А. М. Смирнова-Кутаческого.
Сочинение на тему «Народное творчество
Старицкого района»**

**Вступительная статья и публикация
А. А. Петрова**

В ГАТО в фонде преподавателя Калининского педагогического института Алексея Матвеевича Смирнова-Кутаческого¹ хранятся «Сочинения студентов Калининского педагогического института по фольклору 1944—1957 гг.» (Р-2911. Оп. 1. Ед. хр. 82).

Среди этих работ есть записи студентки первого курса заочного отделения Ольги Волосовой². В примечании собирателя указывается, что фольклорный материал записан в деревне Сергино Старицкого района от колхозницы Татьяны Васильевны Грачёвой (Л. 7 об.).

Что же это за деревня? В Старицком районе имелось три таких населенных пункта. О. Волосова сообщает, что она «поблагодарив ее <информанта> за песни, отправилась в соседнее село, где остановилась у знакомых. Мне нужно было пройти с полкилометра» (Л. 7 об.). Вероятно, это поселок Сергино Мартыановского сельсовета, который в 1940 г. был объединен с селом Сергино этого же сельского округа³.

¹ Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 109—162; Лица филологов. Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. 2-е изд., испр. и доп. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 121—168. Также см.: А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 320 с.

² Всего в деле 36 листов. Работа О. Волосовой — на лл. 1—7 об. На лл. 8—15 об. сочинение Л. А. Соколова по фольклору Максатихинского района. См. *Петров А. А.* Изучение Верхнемоложского края (по следам экспедиций 1925—1927 годов) // Тверское фольклорное поле — 2010: доклады и публикации: памяти Ю. М. Соколова (1889—1941) / ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2011. С. 20—31.

³ Тверская деревня. Старицкий район: Энциклопедия российских деревень / Сост. А. В. Шитков. Старица: Старицкая типография, 2007. Т. II. С. 95—96.

В данном очерке, кроме творческого портрета собирателя, подробного комментария сеанса записи содержатся одна хоро-водная, две свадебные песни и баллада, которую исполнитель называет «былиной» (Л. 6) — «Как во городе, да во Киеве, / Там жила, там молода вдова...»¹

*«Покажите мне народ, у которого бы больше было песен.
Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья
до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются
бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы
по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и,
как грибы, вырастают города. Под песни баб пеленается,
женится и хоронится русский человек.»*
<Н. В.> Гоголь²

Домик ее стоял на самом краю деревни. Это была маленькая изобка <!>, обнесенная палисадником. Две рябины протягивали свои разросшиеся сучья над крышей дома. Несколько спелых подсолнухов склоняли свои потемневшие корзинки. На кольях

¹ Ср., например, тексты №№ 1361, 1375, записанные П. В. Киреевским в Новгороде «между 8 и 11 сент.<ябрем> 1834 г. от девицы Феклы Евстигнеевны» с подобным началом: «Во славном городе в Киеве, / Жила-была молода вдова...», а также «Как жила-была молода вдова...», записанная им же «8—9 сентября 1834 г. от певицы Авдотьи». // Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Ред. М. Н. Сперанский. Вып. II. Ч. I. Песни Необрядовые. М.: Издано Обществом любителей Российской словесности при Московском университете, <1917>. С. 53, 56—58. О сходстве баллады и былины см. *Шеменева З. М.* Художественный метод русской народной баллады // Проблемы фольклористики, истории литературы и методики ее преподавания: Материалы XI научной конференции литературоведов Поволжья / Ред. И. В. Попов. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1972. С. 33—35; *Кулагина А. В.* Русская народная баллада: Учебно-методическое пособие. М.: МГУ, 1977. С. 88—101.; также *Бадьяна К. Ю.* Любовная баллада в русской и англо-шотландской народных традициях: опыт сравнительного анализа: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ульяновск, 2012. С. 10, 17.

² *Гоголь Н. В.* Петербургские записи 1836 года // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8. М.: АН СССР. С. 184.

изгороди сохли опрокинутые кринки. В палисаднике, на скамейке, я увидела хозяйку. Это была сухощавая семидесятилетняя старушка Татьяна Васильевна Грачёва, старая деревенская песенница. Из-под нависшего клетчатого платка на меня посмотрели ее внимательные глаза. Я сказала зачем пришла, попросила передать мне свои песни. Выслушав меня, она согласилась, говоря: «И то сказать, помру — и песни унесу с собой, а тут, глядишь, люди узнают». Она пригласила меня в «горницу».

Мы поднялись по ступенькам крылечка и вошли в избу. Здесь было как-то особенно, по-деревенски тепло и уютно. Всё то, что находилось в избе, не поражало своей необычностью, но всё как-то казалось удивительно, у места: и побеленная печь с пестрой занавеской, и деревянная точеная кровать, и стол, покрытый свежей скатертью, и даже серая кошка, которая дремала у печки на упавшем валенке. Татьяна Васильевна провела меня в «передний угол», где мы и присели. Я устроилась на широкой скамье у окошка; хозяйка села у стола немножко боком ко мне.

Я приготовилась слушать и записывать, но она начала не сразу. Она сидела и вспоминала те песни, которые пела, будучи еще девушкой, пела с подружками, играя в хороводе, пела на деревенских свадьбах. Вот она начала тихим голосом, в котором еще слышались красивые нотки былой песенницы.

Передо мной полилась плавная песня; песня, воспевающая русского мужика: его практическую сметливость, его любовь к труду.

Хмель ты мой хмелюшка.

Хмель ты мой хмелюшка, весела головушка,

Ой, ли, ой, лю-ли, весела головушка.

Передайся, хмелюшка, на нашу сторонушку,

Ой, ли, ой, лю-ли, на нашу сторонушку.

На нашей сторонушке луга всё зеленые,

Ой, ли, ой, лю-ли, луга всё зеленые.

Луга всё зеленые, приволья хорошие, ребята холóстые,

Ой, ли, ой, лю-ли, ребята холóстые.

А кто у нас холост, а кто неженатый?

Фома у нас холост, Кузьма неженатый,

Ой, ли, ой, лю-ли, Кузьма неженатый.

Он ходит невесело, гуляет нерадостно,
Ой, ли, ой, лю-ли, гуляет нерадостно.
Увидала матушка с высокого терема,
Ой, ли, ой, лю-ли, с высокого терема.
Дитё ль, мое дитятко, дитё ль мое милое,
И что ходишь невесело, гуляешь нерадостно?
Ой, ли, ой, лю-ли, гуляешь нерадостно?
Родимая маменька, жениться мне хочется,
Ой, ли, ой, лю-ли, жениться мне хочется.
Женись, мое дитятко, возьми, мое милое,
Возьми дочь дворянскую.
Ой, ли, ой, лю-ли, возьми дочь дворянскую.
Родимая маменька, это не работница,
В доме не заботница,
Ой, ли, ой, лю-ли, в доме не заботница.
Возьми, мое дитятко, возьми, мое милое,
Возьми дочь крестьянскую,
Ой, ли, ой, лю-ли, возьми дочь крестьянскую.
Вот это работница, в доме нам заботница,
Ой, ли, ой, лю-ли, в доме нам заботница.

Она замолчала.

И сразу стало как-то особенно тихо в избе. О стекло однообразно билась бабочка, пахло геранью.

Хозяйка прервала молчание: «А вот еще, это тоже свадебная».

По полю, по полю три кареты катят,
Три кареты катят.
Первая, первая да пробрякнула,
Другая, другая да простукнула,
Третья, да третья восплакнула,
Да восплакнула дочь дворянская...

Я старательно записывала за ней, но вдруг она умолкла. Потом вся встрепенулась, махнула рукой и проговорила: «Забьла, видать, дальше. Ну, слушай припев». И она, повысив голос, запела припев песни, середина которой стерлась в ее памяти.

Приударьте вы, ребята, приударьте, молодцы,
Приударьте, молодцы,

Чтоб добры кони бегли, чтоб добры кони бегли,
Молоду жену везли,
Молоду жену везли ко цареву кабаку.

Я записывала и думала об этой женщине, вся жизнь которой прошла в глухой деревушке. Здесь она бегала девчонкой-подростком, здесь она выросла в красивую девушку, Татьяну-песенницу, как ее называли в свое время, здесь же она вышла замуж, вырастила сына.

Но вот она замолчала и, как бы отвечая на мои мысли, проговорила: «Эх, и гораздо же я была на песни молодая, теперь нету того». Подойдя к окну, она показала мне полянку около речки, где в ее время молодежь собиралась теплыми вечерами водить хороводы.

Я стала ее просить спеть какую-нибудь плясовую. Хороводную песню. И она запела.

Круговая песня.
Между <нитеной нитёй>
Кура вывела детей,
Она семьдесят молодок,
Девяносто петухов.
Петухи рано встают,
Куры ростюца, куры ростюца
<сохранено произношение песенницы — здесь и далее примечания собирателя — А. П.>,
Гулять просютца.
Ты пусти, пусти, хозяйюшка,
На улицу гулять,
Нас на улицу гулять,
Шелквой травушки порвать,
Шелквой травушки порвать,
Ключевой воды попить,
Ключевой воды попить,
Милых девушек любить.

Уже с первых слов песни преобразилась старушка. Хотелось закрыть глаза и думать, что перед тобой молодая девушка. Казалось, бойкие слова песни помолодили ее: столько в голосе

слышалось жизни и задора. И я наглядно убедилась в ее мастерстве, в мастерстве русской песенницы.

Уже вечерело. В раме небольшого окна виделась деревенская улица. Ветки раскидистой рябины казались неподвижными, а ее вырезные листья выделялись точно кружевные, среди вечерних сумрак.

Сумерки сгущались, и уже трудно становилось писать, когда хозяйка зажгла висячую лампу под расписным абажуром. На полу поползли тени от покачивающейся лампы. Кошка проснулась, подседа к хозяйке и стала тереться о ее ноги. В комнате стало как-то удивительно приветливо, и вновь бросилась в глаза каждая вещь. Казалось, переложил какую-нибудь мелочь — и будет уже не так. Так было всё удобно и у места.

Татьяна Васильевна проговорила, что песен она мне уж не будет больше петь, а вот скажет былинку. И, скрестив на груди руки, она начала говорить, тихо покачиваясь.

Б ы л и н а .

Как во городе, да во Киеве,

Там жила, там молода вдова,

А у той у вдовы было девять сынов,

А десятая я, дочь несчастная.

Как братья-то сестру воспитывали,

Отправлялися оне <произношение песенницы> на разбой ийти,

И наказывали оне своей матери:

«Не отдавай, мать сестру ты без нас замуж,

Да за барина, за богатого,

Привезем мы ей всё приданое, всё богатое».

Не послушала мать, дочку выдала,

Да за барина, за богатого.

Живут год оне, на другой лишь год

Оне прижили барчёночка,

А на третий год стала в гости

Звать мужа милого.

«Ты пойдем-ка, пойдем ко своей теще,

Ко моей матери родимой»

<произношение песенницы>.

Едут день оне, едут два оне,

А на третий день стала ночь пристигать.

Оне стали среди, среди лесика,
Среди лесика, среди темного,
А на них напали-то разбойники:
Оне барина к смерти придали
<народное выражение, вместо «смерти предали»>,
Барчёночка в реку вкинули,
А барыню оне в ополон к себе взяли.
Как спать все легли,
А один лишь из них всё не спит,
Да не спит, всё выпрашивыт
<произношение песенницы>:
«Ты откудава сама, из какого села?»
«Вы не знали ли город Киева,
Там жила, там была молодая вдова,
А у той у вдовы было девять сынов,
А десятая я, дочь несчастная».
Закричал молодец таковы слова:
«Вы вставайте-ка, братья милые,
Подымайте-ка своего зятюшку,
Доставайте-ка своего племянничка».

Она воскрешала передо мной далекие времена, те времена, когда зажиточная жизнь, богатство было лишь мечтой для народа, когда крестьяне вынуждены были идти на большую дорогу, на разбой, чтобы просодержать семью.

Я вслушивалась в мерный ритм былины и думала о том, насколько больше производит впечатления былина из уст умелой песенницы, чем прочитанная в книге.

Уж было совсем поздно, когда я попрощалась с приветливой хозяйкой и, поблагодарив ее за песни, отправилась в соседнее село, где остановилась у знакомых. Мне нужно было пройти с полкилометра. Я шла по тропинке через ржаное поле, несла записанные песни и сама была под их впечатлением.

Примечание. Фольклорный материал записала в деревне Сергино Старицкого района от колхозницы Грачёвой Татьяны Васильевны.

*Студентка 1-го курса
Калининского пединститута
заочного отделения Волосова Ольга.*

Исчезнувшие источники. Память места

Водные источники, как любой объект живой природы, не вечны. Со временем заброшенный родник может заилиться и уйти обратно в болото; с частью источников в Тверской области именно это и произошло. Родник может иссякнуть. Небольшие и ничем не знаменитые источники могут быть забыты и потеряны. А в некоторые периоды истории они уничтожаются сознательно (иногда «успешно», как в Вышнем Волочке, иногда нет).

Обычно исчезнувшие источники оставляют мало следов. Но в Тверской области сохранилась память о трёх иссякнущих источниках. Это Святой источник в Торжке, источник в усадьбе Коноплино и источники у Казанского монастыря в Вышнем Волочке. Судьба их различна, как различны и причины, по которым о пересохшем или уничтоженном источнике до сих пор помнят. Но для создания культурного ландшафта региона эти отсутствующие объекты по-прежнему имеют огромное значение.

Часовня-ротонда в Торжке

На главной площади города, на берегу Тверцы, стоит необычная надкладезная часовня. Здание в форме ротонды с 12 колоннами было сооружено по проекту известного архитектора Н.А. Львова, хотя строилось после его смерти, в 1814 году. Ротонда увенчана куполом, состоящим из двух оболочек — внутреннего декоративного купола, имеющего круглое отверстие наверху, и наружного, служащего для освещения и в качестве ограждения — приём очень характерный для творчества Львова.

Достопримечательностью её был также восьмиконечный крест, высоту в 4 аршина, вмонтированный в камень-конгломерат.

Крестовоздвиженская часовня-ротонда была построена на месте старой деревянной часовни во имя Софии Премудрой. Та в свою очередь, видимо, стояла на месте ещё более старого здания — здесь, при переправе через реку, часовня существовала

исстари. Нет никаких сведений, был ли при старой часовне источник. Но новая часовня стояла над святочтимым источником.

Однако когда в 1908 году часовня была превращена в церковь, её первоначальные формы были искажены, а водный источник иссяк. И о нём забыли. Поэтому, когда в 1970-х годах началась реставрация, существование источника стало открытием для исследователей. Под зданием был вскрыт подвал круглой формы, пол которого выстлан каменной плитой, а в стене имелось отверстие и труба для стока воды в реку.

По итогам раскопок появилась даже версия о том, что ротонда была не часовней, а фонтаном, общественным водоёмом деревянного водопровода¹. Позднее версия эта была опровергнута. Архитектор Л.В. Андреев указывал на то, что фонтан деревянного водопровода находился в другом месте площади и представлял собой каменный столб с замурованной в нём трубой и кранами, окружённый открытым каменным бассейном.² К тому же в каменном резервуаре ротонды была найдена лишь труба для сброса излишков воды в Тверцу. Трубы, по которой вода поступала бы в резервуар, или её следов обнаружено не было³.

При этом сама дискуссия говорит о том, как быстро исчезла память об источнике. И только реставрация архитектурного памятника обнаружила его следы.

Источник в сельце Коноплино

Имение Коноплино известно тем, что в 1853 году было куплено Иваном Ивановичем Лажечниковым у помещиков Болховских. Уже тогда рядом с домом бил источник, и по некоторым сведениям над ним стояла деревянная беседка. Но освящён он был позднее.

¹ Харламова А. Послесловие // Глумов А. Н.А. Львов. М., 1980; Баталова А., Касапенко А. Общественный водоём XVIII в. в Торжке // Архитектурное наследство. 1981. № 29.

² Андреев Л.В. О влиянии творчества Львова на формирование архитектурно-художественного облика Торжка // Гений вкуса. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 137.

³ Там же. С. 138.

Разочаровавшись со временем в усадебной жизни, Лажечников продал имение сибирскому заводопромышленнику Карташёву.¹ Потом оно переходило из рук в руки, пока гвардии штабс-капитан Афанасий Фёдорович Шишмарёв не продал имение в 1870 г. своей жене Марии Николаевне. После его смерти в 1875 году Мария Шишмарёва решила организовать здесь Мариинскую женскую обитель. Она приняла пострижение в монашество с именем монахини Марии, и вскоре получила назначение настоятельницы новой общины.²

В 1880 году настоятельница начала строительство соборного храма. Храм построили на том месте, где был роскошный цветник. Одновременно с храмом была сооружена часовня у южной стороны Троицкого собора над источником.³ Тогда же источник был освящён.

После революции обитель была закрыта, в здании устраивали то дом инвалидов, то психиатрическую лечебницу... Часовня над источником сохранилась. А вот сам источник — нет. Сейчас в процессе реставрации имения колодец в часовне расчищали заново. Но пока качество воды оставляет желать лучшего, и воду из колодца не берут.

Часовня не является памятником архитектуры, реставрация её, как и расчистка колодца, были включены в комплексную реставрацию имения. Усадьба находится в частной собственности, и возобновление источника обосновано желанием хозяев восстановить исторический облик поместья.

Источники у Казанского монастыря в Вышнем Волочке

Первое упоминания об источниках связано с привезённой в город в конце XVI века иконой — списком с Казанской иконы Богоматери. Список, привезенный вышневолоцкими купцами, был позднее поставлен в загородной часовне у источников, вблизи городского кладбища.

Одну из версий этого события приводит священник Арсений Покровский в книге «Народная святыня в городе Вышнем Во-

¹ *Шитков А.В.* Конопдино: история поместья // *Лажечников 2.*

² Там же

³ Там же

лочке Тверской губернии»¹. Дважды чудотворную икону помещали в богато украшенных храмах, и дважды пожар уничтожил их². Первый раз икона осталась на пепелище целая и невредимая. Второй раз она исчезла. Но спустя некоторое время была обнаружена на диком и пустынном месте в двух верстах от погоста, близ трёх водных ключей, на берёзовом пне, где росла только негодная трава и рыскали дикие звери, и где недалеко в старину, по преданию, жили разбойники. На месте явления иконы выстроили часовню и в ней на возвышении установили чтимый образ Богоматери. Для охраны часовни и самой святыни был приставлен сторож, а для его жилья выстроили дом.

К началу XIX столетия на месте явления Казанского образа сложился целый ансамбль из двух деревянных часовен и двух колодцев над ключами. В описи Казанского собора это место описывалось следующим образом.

«Средний колодец в 10 саженьях от часовни на восток, над ним крыша устроена куполом на 12 столбах. <...> На восток между столбами поставлена киота, <...> украшенная резьбою, колоннами и карнизами, ... в киоте сем помещается образ Скорбящая Божия Матери за стеклом иконописный. Над сим образом в полукруглом вызолоченном сиянии помещается образ Живоносного источника иконописный. Дальний колодец от среднего, по берёзовой аллее находится в 94 саженьях 1 аршине на север. Над ним крыша устроена на столбах, <...> на крыше устроен купол, <...> на куполе деревянный крест обитый белым железом. В сей малой часовенке поставлена киота с колоннами, карнизом и резьбою, <...> в киоте помещается образ Казанския Божия Матери иконописный за стеклом».³

¹ *Покровский А.В.* Народная святыня в г. Вышнем Волочке Тверской губернии. - Сергиев Посад, 1909.

² Пожары случились в 1724 и 1742 годах.

³ ГАТО, Ф. 160, Оп. 1, Д. 18966: Описание Вышневолоцкого Казанского собора и принадлежащих к оному часовен с их имуществом. Цит. по: *Иевлев Д.* Русская Православная церковь в Вышнем Волочке в 1750—1840 гг. // Режим доступа: matveevo.prihod.ru/articles/view/id/30985

Речь здесь идёт уже о двух источниках. Что стало с третьим, «ближним» колодцем неизвестно. Возможно, о нём просто не упоминается в описи, возможно, он к этому времени иссяк.

В 1852 году рядом с деревянными часовнями была построена каменная с высокой колоннадой. Так жители города «отблагодарили» чудотворную икону, спасшую их от эпидемии холеры 1848 года¹.

В 1870 году рядом с этим местом при содействии предводителя вышневолоцкого дворянства князя А.С. Путятина была приобретена свободная земля, и была создана женская община, а в 1881 году основан Казанский монастырь². В начале 1880-х годов на месте часовни была построена загородная церковь монастыря.

Когда исчезли эти источники, точно сказать нельзя. Временные рамки весьма растянуты — скорее всего, к XIX веку остались два из трёх источников. Последние были уничтожены после войны 1941—1945 годов и до начала возрождения монастыря в 1991 году. По некоторым сведениям, родники сравнивали с землёй в послевоенные годы руководители воинской части, которой принадлежала территория монастыря³.

Сейчас это сильно заболоченная местность между Казанским монастырём и Тверецким шлюзом, и найти их в болоте уже невозможно. Не осталось никаких строений или фундаментов часовен. В данном случае память об источниках сохраняется благодаря огромной значимости самого монастыря в истории Тверской губернии. Казанский монастырь к концу XIX века стал самым крупным женским монастырем в губернии. Его называли «град Божий». В монастыре хранилась Греческая Андроникова икона Божьей матери, по преданию, написанная евангелистом Лукой. Его посещали Иоанн Кронштадтский, члены императорской семьи и другие, не менее знаменитые и прославленные личности. Таковую память уничтожить нелегко.

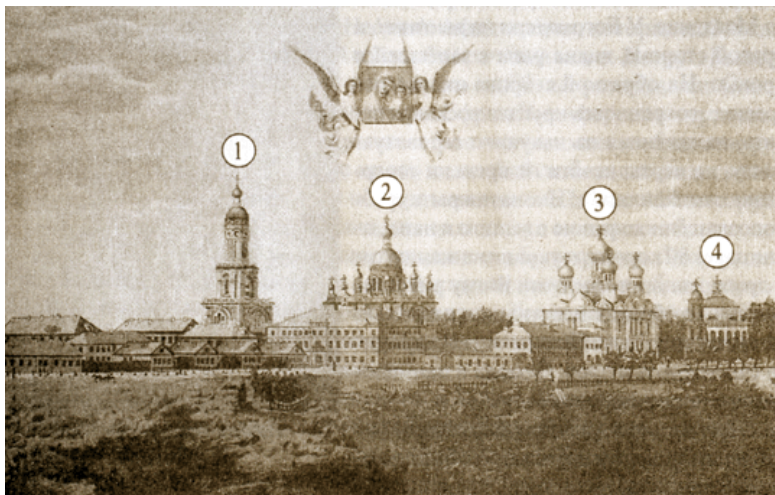
¹ Соловьёва Ф.Б. Вышневолоцкий Казанский монастырь // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. № 4. 2001. Режим доступа: vishny-volochok.ru/wika/wika4/wika4-3.php

² Там же.

³ Иевлев Д. Русская Православная церковь в Вышнем Волочке в 1750—1840 гг. // matveevo.prihod.ru/articles/view/id/30985

**Часовня в усадьбе Коноплино.
Фото А. Ю. Сорочана. 2010**

Казанский монастырь. Общий вид

- 1. Загородная Казанская церковь с колокольней.**
- 2. Часовни над св. ключами (крайняя справа - Казанская часовня XVIII в.)**

Из портфеля редактора: заметки и комментарии

А. Ю. Сорочан

Язык прошлого и язык настоящего: древние языки в прозе Лажечникова¹

Проблема языковых границ в текстах, посвященных историческому прошлому, не имеет однозначного решения – полагаю, и не может иметь. Слишком много различных систем взаимодействуют в данном случае, слишком много вопросов сливаются в один. Здесь и стилистические градации, и авторское видение языка эпохи, и читательское восприятие, и функциональные классификации, и «скрытые» смыслы слов и текстов, связанных с предшествующими эпохами. Однако жанр исторического романа позволяет перевести обсуждение этих вопросов в более определенную плоскость. А именно: как используются «древние» языки в исторических текстах и насколько важны они для создания колорита эпохи.

В исторической прозе И. И. Лажечникова мы на первый взгляд обнаруживаем закономерности, общие для литературы XIX столетия. И элементы древних языков в романном тексте вписываются в довольно жесткую структуру. Однако внешность обманчива. Может показаться, что русский язык предшествующих эпох выступает в «бытовых», «сниженных» формах, а литературные формы связаны с классическими языками. В «Последнем Новике» это наследие классического образования как будто очевидно. И должность автора – директор гимназии, и выбор эпохи – европеизация России в правление Петра I – все подсказывает обращение к классическим образцам. И известные фразы и формулы будут маркировать ситуацию и подсказывать персонажам определенную линию поведения, а читателям – столь же определенное восприятие происходящего. Оста-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древние языки в русской литературе XIX века», 12-04-00036.

новимся подробнее на одном примере: «Ха, ха, ха! спесь рыцарей меча и низость бременских купцов, все вместе!.. Вот эти *patres patriae, defensores justitiae!* – вскричал, коварно смеясь, путник, ехавший верхом»¹.

Используя латинскую фразу, Лажечников напоминает образованному читателю титул *pater patriae* (отец отечества), который получил от римского сената Цицерон после подавления им заговора Катилины. Впоследствии этот титул был дан римским сенатом императору Августу. В России титул «отца отечества» был присвоен сенатом Петру Первому – но только после победы над Швецией и заключения Ништадтского мира; в книге он не относится к императору, но указывает на героическое восприятие эпохи, что достаточно типично в классических римских образцах. Например, Надпись о деяниях Августа (*Monumentum Ancyranum*) гласит: «*Tertium decimum consulatum cum gerebam, senatus et equester ordo populusque Romanus universus appellavit me patrem patriae idque in vestibulo aedium mearum inscribendum et in curia Julia et in foro Augusto sub quadrigis quae mihi ex senatus consulto positae sunt censuit*»².

Все вроде бы правильно, но использование латинского словосочетания имеет и иное значение; Лажечникову важно не только указать на связь римского героизма и героизма Петровской эпохи, но и намекнуть на источник вдохновения, имеющий самое прямое отношение к переносному употреблению латинского словосочетания в «Последнем Новике». В романе В. Скотта «Приключения Найджела», оказавшем огромное влияние на русскую историческую прозу, данное словосочетание повторяется неоднократно: «Ах, сын мой, государство и ты счастливо избежали тяжелой утраты – вам грозило лишиться вашего доброго отца; ведь я столько же *pater patriae*, сколько *pater*

¹ *Лажечников И.И.* Последний Новик. М.: Правда, 1983. С. 19. Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

² «В мое тринадцатое консульство сенат и сословие всадников и весь римский народ наименовал меня отцом отечества и постановил, чтобы этот титул был начертан при входе в мой дом и в Юлиевой курии, и на площади Августа под квадригой, воздвигнутой мне по постановлению сената».

familias»¹. Титул «отца Отечества» становится важен в сопоставлении, когда возможно эту категорию с чем-то соотнести, как в следующем примере: «Возьми с собой проклятие отца, презренный! – воскликнул лорд Хантинглен. – Проклятие короля, который есть *pater patriae*, – сказал Иаков»². Лажечников, прибегая к вальтерскоттовской традиции использования латинских фраз-маркеров, подсказывает читателям возможность героической, а точнее – патриотической трактовки не самых, казалось бы, замечательных поступков.

Или иной пример, содержащийся в монологе пастора Глика: «...нас повезли бы в Москву, там ученые люди нужны. Царь сзывает их и подальше, чем из Лифляндии. Я определился бы при немецкой церкви пастором; стал бы проповедовать слово божие, как здесь делаю; основал бы академию, *scholam illustrem*; а ты, моя милая Кетхен, была бы украшением почтенного семейства какого-нибудь боярина... Ой, ой! Фриц, по каким кочкам ты нас везешь!» (30).

Упоминание «знаменитой школы», казалось бы, существенного значение не имеет – устойчивое словосочетание, вполне уместное в речи образованного священнослужителя. Оно достаточно широко распространено, чтобы не привлекать особого внимания: «*Ante omnia loco natali, ut par erat, gratificari satagens, ibi aperiendam curavit, sumptu haud medico, scholam illustrem et liberam, structurae splendore, redituum copia, librorum supellectile, et alumnum numero insignem*»³. Подобных примеров в европейских текстах, публикующихся в изданиях 1830-40-х годов – огромное количество. Но нам интересно не только буквальное прочтение, но и опыт «героической» интерпретации устойчивых выражений. Ведь пастор Глюк, прототип героя романа, действительно основал гимназию в 1703 г. в Москве, куда был увезен после занятия русскими Мариенбурга в качестве воен-

¹ *Скотт В.* Собрание сочинений: В 20 т. М.;Л.: ГИХЛ, 1964. Т. 13. С. 429.

² Там же. С. 507.

³ *Robertson J.* Illustrations of the topography and antiquities of the shires of Aberdeen and Banff. Aberdine: Printed for the Spalding club, 1847. P. 50.

нопленного, гимназию, в которой учились и боярские, и купеческие дети¹. Об этом педагогическом подвиге и напоминает латинская фраза. Ведь создание гимназии, одного из лучших учебных заведений того времени, становится подвигом, действием, служащим благу государства, возвышающим Россию, приближающим ее к «образцовым» странам.

Правда, следующая фраза оказывается контрастной по отношению к возвышенным мечтаниям Глика: «Настоящая Московия, – пробормотал сердито офицер, – песок, лес, кочки, бугорки!» (30) Здесь происходит не только столкновение языковых стихий, но и столкновение прекраснотных видений и суровой реальности, Московии воображаемой, книжной, латинизированной и Московии реальной, «просторечной». Подобные комментарии к латинским фразам и словам в «Последнем Новике» можно продолжить; ограничусь одним указанием на любопытную неточность. К слову «багульник» дано примечание автора: «Очень горькое и вредное растение: *ledum palustre*» (74). Однако указанный на латыни вид – только один подвид, багульник болотный. Вообще же в России род Багульник представлен четырьмя видами: *Ledum decumbens* — Багульник стелющийся; *Ledum hypoleucum* — Багульник подбел; *Ledum macrophyllum* — Багульник крупнолистный; *Ledum palustre* — Багульник болотный. Речь, конечно, идет только о последнем, действительно распространенном на упоминаемой территории.

В большинстве случаев латинские словоупотребления Лажечникова отражают реальную языковую ситуацию 1830-х годов. Например: «Пастор <...> спешил сам вторгнуться в арсенал своей памяти и начал опрометью рыться в нем, чтобы найти приличное оружие, если не для отражения неприятеля, по крайней мере, для убеждения и смягчения его сердца; то есть он собирал разбросанные в памяти своей русские сильнейшие выражения, какие только знал. Из них составил бы он речь *ex abrupto*, которая могла бы в несчастном случае так сильно подействовать над ожесточенными неприятелями, что они долж-

¹ См.: Голубцова М.А. Московская школа Петровской эпохи // Москва в ее прошлом и настоящем. М.: Т-во «Образование», <б.г.> Т. VII. С. 35—38.

ны бы признать себя побежденными и преклонить грозные оружия к ногам оратора, как трофеи его красноречия».(94)

«Ех abruptly» в значении «внезапно; сразу; без предварительной подготовки» в литературном языке распространяется в середине XIX века. «Я бы на Вашем месте кончил ее [биографию А. С. Пушкина] ех abruptly – поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти Пушкина, и только»¹; «И вот, право, не знаю, как мне лучше взяться, чтобы показать вам весьма странные позиции шашек на тогдашних квадратиках литературной арены. Всего лучше ех abruptly показать вам конечные, последующие позиции»².

Вводное слово подчеркивает высокий стиль следующего панегирика Паткулю: «Igitur <Итак>, скажу об Иогане Рейнгольде Паткуле, лифляндце родом, сердцем и делами, бывшем изгнаннике, ныне генерал-кригскомиссаре московитского монарха, гения-творца своего государства, вождя своего народа ко храму просвещения – вождя, прибавить надобно, шествующего стопами Гомеровых героев». (271). Продолжение так же выстроено: в подтверждение заслуг Паткуля упоминается о «дедукции, изданной in quarto прошлого, 1701 года февраля пятнадцатого дня». (274).

Конечно, пастор в романе очень часто окружен книгами; упоминания о них призваны подчеркнуть образованность и «книжность» представлений, особенно когда книги эти принадлежат предшествующим эпохам: «Господи! пошли мне дух терпения и смирения с этим бешеным. Вот видите, господин цеймейстер: я возьму под одну мышку “Славянскую Библию”, “Institutio rei militaris” и “Ars navigandi” под другую...» (373).

Здесь пастор называет две классических работы: «Правила военного дела» и «Искусство кораблевождения». С первой все более-менее ясно: трактат Публия Флавия Вегетия Рената (лат. Publius Flavius Vegetius Renatus) «О военном деле» (390-

¹ И. С. Тургенев – П. В. Анненкову, 28.X 1852 // *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Письма. Т. 2. С. 78.

² *Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев А. А. Воспоминания.* Л.: Наука, 1990.

410 н.э.) – первый дошедший до настоящего времени систематический труд о военном искусстве Рима, составленный на основе римских источников. Точное его название: «*Epitoma Rei Militaris*». Сложнее с другим сочинением. Вероятно (комментаторы этого не отмечают) речь идет об аналогичном трактате по кораблевождению, созданном Мареном Мерсенном (фр. Marin Mersenne; 1588 —1648) — французским математиком, физиком и теологом. Полное название книги, впрочем, содержит и латинские, и французские формулы: «*L'Arts navigandi. Hydrostaticae, liber primus. Liber secundus. De navigatione, seu histiodromia...*»

Смешение языков «древних» и «новых» вносит в текст дополнительные смыслы. Так, финальное письмо Петра включает слова французские, и немецкие; тем самым демонстрируются познания монарха. Однако первое автоименование – искаженное латинское: «Госпожа Зегевольд дрожащими руками взяла поданную ей бумагу, подошла к свече и прочла следующее: “*Min Frau! Я, cesar и полковник от гвардии российской, взялся быть сватом капитана Густава Траутфеттера...*”» (517).

В речи других персонажей латинские термины становятся пародийными: «Слушай же мой дискурс. Когда обрели мы неприятеля в ордере-де-баталии и увидели, что регименты его шли в такой аллиенции, как на муштре, правду сказать, сердце екнуло не раз у меня в груди; но, призвав на помощь святую троицу и божью мать казанскую, вступили мы, без дальних комплиментов, с неприятелем в рукопашный бой. Войско наше, яко не практикованное, к тому ж и пушки наши не приспели, скоро в конфузию пришло и ретироваться стало, виктория шведам формально фа-во-ри-зи-ро-ва-ла. Желая с Полуектовым персонально сделать диверсию важной консеквенции и надеясь, что она будет иметь добрый сукцес, решились мы с ним в конфиденции: в принципии атаковать... Уф, родные, окатите меня водою! Мочи нет! не выдержи, воля ваша! Понимай меня или не понимай, фон Верден, а я буду говорить на своем родном языке. Вот видишь, нас с Полуектовым нелегкая понесла прямо на тычины, которыми окружена была мыза; мы хотели спешить своих и по-русски махнуть через забор. Не тут-то было!» (166) Здесь речь Вадбольского – не столько пародия чрезмерное ув-

лечение в Петровскую эпоху иностранными словами и терминами (как указывают комментаторы¹), сколько точная имитация речи образованного военного человека начала XVIII в. Вымышленный персонаж не способен говорить на этом языке, непонятном читателю и в значительной мере автору. «Наукообразие» и «правильность» этой речи – кажущиеся, недаром имитация становится излишней. Ведь в тексте произвольно мешаются латинская и французская терминология, «классический» и «новый» военный опыт: дискурс (лат.) – сообщение; ордер-дебаталия (фр.) – боевое построение; регименты (фр.) – полки; консеквенция (лат.) – последовательность; сукцес (лат.) – успех, удача.

Латинизированные словоупотребления, как видим, традиционны, они создают исторический фон, но столь же важен и фон литературный. Например, упоминание об историческом романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) у Лажечникова выстроено «по-ученому», в непременном высоком стиле и с использованием соответствующей лексики: «В палладиумах наших, Троицком монастыре, Нижнем Новгороде, Москве, разгуливало уже вместе с истиной воображение писателя, опередившего меня временем, известностью и талантами своими» (11). Здесь «палладиум» – оплот, святыня, приближение к которой доступно писателю – художнику.

В «Ледяном доме» формы «классические» также связаны с одним персонажем, но не с ученым, а с литератором – В. К. Третьяковским, однако следует подробнее рассмотреть, как элементы «древности» в текстах придворного поэта проникают в текст романа. Частое именование поэта «творцом «Телемахида»» указывает и на сюжетную роль этого текста в «Ледяном доме» (любовные записки героев, пересылаемые в книге), но и на роль языка поэмы в воссоздании культурной среды первой половины XVIII века. Однако есть и другое, латинское именование «пиита»: «...если бы ты знал, какое слово!.. В нем заключается красноречие всех твоих Демосфенов и Цицеронов,

¹ Ильинская Н.Г. Комментарии // Лажечников И. И. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. С. 572.

вся поэзия избранной братьи по Аполлону. Василия Кирилловича за него непременно в профессору элоквенции [Лат. *eloquentia* — дар слова, красноречие, от *eloquium* — речь, язык]!»¹. Следует отметить, что профессором Тредиаковский стал позднее: «Только в 1745 году, когда Тредьяковский обратился с доношением в Сенат и изложил по пунктам свои права на звание академика и испытанные мытарства, императрица Елизавета пожаловала его, по докладу Сената, в профессору «как латинския, так и российскийския элоквенции»»²

Впрочем, эта неточная аналогия с античными ораторами и исчерпывает в случае Тредиаковского непосредственные обращения к древним языкам. Другие латинские фразы – по принципу контраста – связаны с описаниями действий повседневных и даже низких. Например, «Маленький доктор, в блондиновом паричке и с двумя крылышками за плечами, попав раз к таким пациентам, то и дело посещает их и каждый раз, очинивши исправно свое перо, пишет на сигнатурке: *repetatur* [лат. повторить], прибавить того, усилить сего» (66). Или: «Липман отпрянул назад, ближе к двери, все-таки не теряя присутствия духа и измеряя свои слова.

– Что я хочу сказать? Гм! это, кажется, не имеет нужды в экспликации [объяснении, от лат. *explicatio*]. То, что я, обергофкомиссар, застал ваше превосходительство как обольстителя у любимой гоф-девицы ее величества... и то, гм! что ее величество изволит об этом узнать, когда мне заблагорассудится донести...

– Кто поверит жиду и перекрещенцу? наушнику, негодяю, запачканному в грязи с ног до головы?..» (183)

Обратим внимание на контраст «высоких» выражений Липмана и его последующей характеристики. Однако любопытно и то, как мало латинских выражений в тексте присутствует. Архаичный элемент совершенно иной – текст Тредиаковского, в котором переводы из классических авторов как бы растворены.

¹ *Лажечников И.И.* Ледяной дом. М.: Советская Россия, 1977. С. 42. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы.

² *Ляцкий Е.* Тредиаковский Василий Кириллович // Русский биографический словарь. [Режим доступа:] <http://www.rulex.ru/01190027.htm/>

Укажем на наиболее известный пример: «Пыщутся горы родить, а смешной родится мышонок!..» (67) Эта фраза Тредиаковского взята, конечно, из «Предъизъяснения об иронической пииме», являющегося вступлением к «Телемахиде». Однако гораздо реже отмечают, что эта часть перевода из «Искусства поэзии» Горация, используемая создателем поэмы в дидактических целях:

Не начинай так, как полнокружный древле Писатель:
Я воспою фортуны Приама, и брань благородну.
Что ж достойное даст обещатель зева толика?
Пыщутся горы родить, а смешный родится мышонок?¹

«Насмеяние» Горация известно в иных переводах; но главное – оно стало источником популярного афоризма «гора родила мышь» именно после перевода Тредиаковского. Афоризм этот, употреблявшийся, к примеру, и В.И. Лениным², является достойным вкладом поэта в русскую фразеологию, желая осмеять Тредиаковского, Лажечников скорее показал его достоинство.

Присутствуют в тексте и скрытые цитаты из «Телемахиды». К примеру, фраза «Но дух, как Иракий, чего не возможет! Он совершил во мне седьмой подвиг...», разумеется, отсылает к Гераклу (Геркулесу) и его седьмому подвигу, чистке загрязненных конюшен царя Авгия, которую он закончил в один день, проведя через них Алфею. Однако «намек на строку из “Телемахиды”»: “Се Иракий, одолевший столь многих Дивавищ и

¹ *Тредиаковский В.К.* Сочинения. М.: Изд. Смирдина, 1848. Т. 2. Отд. 1. С. LXXII. Далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы.

Ср. : *Nec sic incipies, ut scriptor cyclicus olim:
“Fortunam Priami cantabo et nobile bellum”.
Quid dignum tanto feret hic promissor hiatu?
Parturient montes, nascetur ridiculus mus.
(Horatius. De arte poetica).*

² Доклады о разрухе // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: ИПЛ, 1967. Т. 32. С. 206.

Чудищ” (“Телемахиды”, книга 50)»¹ кажется сомнительным. В «Телемахиде» всего 24 книги; почему именно этот намек увидели комментаторы – неясно. Третьяковский в словаре, приложенном к поэме, указывает: «Геркулес <...> был ненавидим Юноною, подвергавшей его многим чудищам» (2,808). В целом же о роли «Телемахиды» в представлениях героев романа об античности можно написать особую работу. Чаще всего Лажечников использует строки, кажущиеся ему нелепыми, для создания комического эффекта – о высоком говорит как о низком:

Се на светлый Олимп восходит: там собраны были
Боги все, к осиянну зарями Зевса престолу.
С места сего созерцают они огнелучны светила,
Кои текут, в округ катясь, под оных ногами.
Видят они весь шар земли, как блатную грудку,
Все ж преобширны моря им кажутся водными капли,
Коиими грязная кочечка та по местам окроплена... (2,262)

Последние строки этого фрагмента только смущенный Вольтер мог признать «исполненными силы, великолепия» (80) и только сам автор поэмы мог принять вынужденные похвалы за чистую монету. Самолюбивый сочинитель кажется герою «духом-мучителем», притом терзает он и слушателей, и античных героев.

При этом «фигура усугубления», на которую ссылается далее Третьяковский, и впрямь была чем-то новым в стихосложении XVIII столетия: «Прочь от меня, прочь далее, прочь, вертопрашный детина...» (80)² Однако, употребленная в обращении Калипсо к Телемаку, она должна, по мнению романиста, вызывать смех – персонажи античной литературы говорят на языке нового времени и становятся нелепыми.

Однако смешение античных культурных коннотаций с новыми не только фарсовое, но и смысловое, оно совершается не только в речи персонажей, но и в выражении позиции автора.

¹ Шуб Е.М. Примечания // Лажечников И.И. Ледяной дом. Мн.: Народная асвета, 1985. С. 327.

² Ср.: 2, 203.

Ярчайший пример – один из эпиграфов¹ к главе «Родины козы»: «Et toi, Brutus?... Voltaire»² (213). «И ты, Брут!..» – слова, с которыми, по преданию, смертельно раненный римский император Кай Юлий Цезарь (100-44 до н.э.) обратился к своему другу Марку Юнию Бруту (85-42 до н.э.), участвовавшему в республиканском заговоре против Цезаря. Таковы последние слова Цезаря в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Трагедия же Вольтера (1694-1778) «Брут» посвящена Луцию Юнию Бруту, согласно древнеримскому преданию – основателю римской республики. Волынский в «Ледяном доме» – конечно, не республиканец, однако реформатор, который является трагическим героем. В ряду множества скрытых указаний на идеалы декабристов в романе мимо этого не следует проходить. Но указание не вполне ясно, а смешение древней римской и новой французской литературы – как раз то, чего Лажечников попытался избежать в дальнейшем. Древние языки следовало отделить от новых, чтобы избежать нелепостей.

И уже в «Басурмане» осуществляется резкий раздел этих двух языковых элементов: «бытовую» и «книжную» языковые стихии невозможно объединить, хотя и принадлежат они как будто одной изображаемой эпохе. поэтому появляется первая редакция книги, в которой преобладает «древний» русский язык и которую критики подвергли суровому разбору: «Мы хотим сказать слова два о новом, небывалом и до чрезвычайности странном правописании автора “Басурмана”. Положим, что окончание прилагательных на *ова* и *ева*, вместо *аго*, *яго* и *его*, имеет свое основание и даже, когда к этому попривыкнуть, может быть принято всеми; что же касается до “может-быть”, “можетстаться”, “какскоро” и тому подобных – то мы не знаем, что и сказать об этом. Будь это принято всеми, тогда сбудется сказка о старухе, которая, заметив, что ее госпожа, колдунья,

¹ В целом построение системы эпиграфов в этом фрагменте – одно из интереснейших и до сих пор не вполне очевидных мест в романе.

² И ты, Брут?.. Вольтер (франц.)]

молодеет от какого-то эликсира, так несоразмернохватила его, что сделалась семилетним ребенком...»¹

А потом выходит вторая, «литературная» редакция, где различия древности и современности сглажены, «древний язык» присутствует в романе исключительно в книжном варианте: цитируются «Хождение за три моря», царские указы, летописи и т.д. Отметим, что «немчин»-врач Антон Эренштейн не говорит по-латыни и не употребляет латинских терминов; этот сегмент «древней культуры» уже занят, классические языки вытеснены формами древнерусской книжности. Рассмотрим два примера: «Салтана носят на кровати золотой; над ним терем аскамитный с маковицей золотой, а над ней горит яхонт с куриное яйцо. Перед салтаном ведут до двадцати коней в санях золотых, за ним на конях триста человек, да пеших пятьсот, да трубников, варганников и свилельников по десяти человек. А коли выезжает на потеху с матерью и с женою, с ним человек на конях десять тысяч и пеших пятьдесят тысяч, слонов триста, наряженных в доспехи золоченые, с городками [башенками. (Прим. автора)] на них коваными, а в городках по шести человек в доспехах, с пушками и с пищальми»².

А теперь сравним романный текст с оригиналом; вот фрагмент Эттерова списка Львовской летописи: «А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добръ и пышны велми. А все их носят на кровати своеи на серебряных, да пред ними водят кони в снастех златых до 20; а на конех за ними 300 человекъ, а пѣших пятьсот человекъ, да трубников 10 человекъ, да нагарниковъ 10 человекъ, да свирѣльников 10 человекъ.

Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с ним человекъ на конех 10 тысящ, а пѣших пятьдесят тысящ, а

¹ *Белинский В.Г.* Ледяной дом. Сочинение И. И. Лажечникова... Басурман. Сочинение И. Лажечникова // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 2. С. 372.

² *Лажечников И.И.* Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М.: Советская Россия, 1989. С. 96.

слонов выводят двѣсте, наряженных в доспѣсах золоченых, да пред ним трубников сто человекъ, да плясцов сто человекъ, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гаурокы».¹ Как видим, из «древнего» текста исчезает не только все грубое и «низкое», но и все сомнительное в политическом отношении (например, упоминания о богатстве «бояр» и бедности «сельских людей»). Язык древней литературы становится в интерпретации романиста понятнее и проще, но при этом вся древняя культура оказывается исключительно книжной.

Есть в романе и относительно точное воспроизведение летописного текста: «Врач немчин Антон приехал (в 1485) к великому князю; его же в велице чести держал великий князь; врача же Каракачу, царевича Даньярова, да умори его смертным зелием за посмех. Князь же великий выдал его “татарам”... они же свели его на Москву-реку под мост зимою и зарезали ножом, как овцу»². Однако, если сравнить, с первоисточником, обнаружатся и отличия: «Того же лета [1485] врач немчин Антон приеха к великому князю, его же в велице чести держа великий князь. Врачева же Каракачу, царевича Даньярова, да умори его смертным зелием за посмех. Князь же великий выдал его сыну Каракачеву. Он же мучив его, хоте на окуп дати. Князь же великий не повеле, но повеле его убити. Они же сведше его на реку на Москву под мост зиме, зарезаша его ножом, как овцу»³ Конечно, исчезает указание на виновность великого князя, приказ которого, согласно летописи, был единственной причиной смерти Антона (в романе Иоанн слишком поздно дарует «помилование» герою). Но исчезает и аутентичность древнего текста. Лажечников как будто цитирует старинные книги, а на самом деле пересказывает, создавая литературную вариацию «древнего языка».

¹ Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века.

² *Лажечников И.И.* Басурман. С. 370.

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XX. С. 349.

Такой путь к примирению «старого» и «нового» демонстрирует конформизм исторического жанра; стремление сохранить «привычные» ценности и представления особенно очевидно в тексте, посвященном прошлому. Три романа Лажечникова показывают, как «книжность» из прерогативы героев переходит в речь автора, как изменяются формы и функции древних языков в исторической прозе. Анализ можно было бы продолжить на примере поздних произведений, однако ограничимся одной жанровой системой. В историческом романе использование языка прошлого связано с тематическими ограничениями; конечно, язык XVIII века и язык XV совершенно различны и разные элементы «классической» древности в зависимости от хронологии будут автору интересны. Но любопытно, что автор сам от «языка настоящего» переходит к «языку прошлого», а персонажи этим языком более не пользуются. Преодолевая языковой барьер, романист утрачивает уникальные возможности, предоставляемые использованием классических языков в историческом повествовании.

**И. И. Лажечников и А. В. Старчевский:
о принципах комментирования
писательского эпистолярия**

Издание писем известных писателей – давнее и почтенное занятие. Важность его для истории литературы не оставляет никаких сомнений; мнение самих авторов («Нарушение воли» И. А. Гончарова¹, например) может не приниматься в расчет – там речь идет о «личном», здесь разговор о «научном». Но безличность науки только кажущаяся... Впрочем, не о произволе издателей писем сейчас речь. Мне хотелось бы остановиться на одном эпизоде, представляющем некоторый интерес – в том числе в связи с готовящимся изданием собрания писем И. И. Лажечникова. Речь идет не столько об этических вопросах², сколько о возможности собственно комментирования писательских писем... Но начнем по порядку.

Круг литературных знакомств И. И. Лажечникова существенно расширился в период его службы цензором в 1856-1858 гг. Более того, деловые отношения этого времени сравнительно документированы и могут быть более-менее полно прослежены. Общение цензора Лажечникова с литераторами, может быть, заслуживает монографического исследования. В ряду этих литераторов не последнее место занимает Альберт Викентьевич Старчевский (1818—1901), публицист, журналист, критик, редактор-издатель «Библиотеки для чтения», «Сына отечества», «Северной пчелы», «Родины». Фонд Старчевского хранится в ИМЛИ³; его материалы подтверждают, что Старчевский – весьма интересная фигура для историков русской журналистики XIX века. Материалы фонда до сих пор опубликованы лишь частично и дают значительный материал для характеристики литературного быта. Но есть в фонде и тексты, напеча-

¹ Опубл. впервые: Вестник Европы. 1889. № 3.

² О них писал еще Н. С. Лесков (Замогильная почта Гончарова // *Лесков Н.С. Собрание сочинений*: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 11. С. 214-215, 654-655).

³ Ф. 583; 869 ед. хр.; 1840-1899.

танные самим журналистом, в том числе письма И. И. Лажечникова, опубликованные в «Историческом вестнике» в составе «Воспоминаний старого литератора»¹. В них речь идет о цензурской деятельности писателя, связанной с «Листками» барона Брамбеуса; характеристика отношения журналиста и цензора дана следующая: «“Сын отечества” имел успех с первого же года, но успех этот дорого мне стоил. Хорошо еще, что цензора были порядочные люди: Лажечников и особенно Бекетов², который решал дела быстрее и был смелее, считаясь домашним человеком и родственником М. Н. Мусина-Пушкина³. Он не стеснялся в докладах, и дело редко доходило до доклада цензурному комитету или князю Вяземскому. Лажечникову же все это приходилось не по вкусу, да он и трусил за свой пенсион, а беда, когда цензор труслив...

В доказательство, что не преувеличиваю, рассказывая похождения “Листков” Брамбеуса, привожу небезынтересные письма цензоров, писанные по их поводу».

Сами по себе письма, может, и не привлекли бы внимания, если б не попали в поле зрения исследователей в связи с совершенно иным сюжетом. В 53-54 томах «Литературного наследства» публикуется «Запрещенная цензурой статья 1856 года о Некрасове и Огареве» (вступительная статья и примечания Я. Черняка)⁴. И здесь вновь воспроизводятся письма Лажечникова, кажется, дающие комментатору все основания для атрибуции статьи и пояснения некоторых обстоятельств, с ней связанных. Однако, как мы увидим ниже, интерпретация эпистолярного наследия писателя может быть неоднозначной. Приве-

¹ Исторический вестник. 1892. № 11. С. 325-327. Далее мемуары Старчевского цитируются по этому изданию.

² Бекетов В. Н. (1809-1883) – цензор Петербургского цензурного комитета в 1853-1863 гг.

³ Мусин-Пушкин М. Н. (1795-1862) – попечитель Петербургского учебного округа, начальник Цензурного комитета в 1845-1856 гг.

⁴ Литературное наследство. Т. 53/54: Н.А.Некрасов. [Кн.] III / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1949 / Ред.: П.И.Лебедев-Полянский (глав. ред.), И.С.Зильберштейн, С.А.Макашин. С. 97-127. Далее – ЛН.

дем письма и записки, вошедшие в текст А. В. Старчевского, вместе с пояснениями мемуариста.

«Милостивый Государь Альберт Викентьевич.

Рука не поднялась у меня на подписание собственной себе похвалы, за которую от души благодарю неизвестного мне критика, и потому послал я корректурный листок цензору Бекетову, а Вас прошу покорно поместить его имя вместе с моим в № «Сына отечества», в котором помещена будет эта статья.

Преданный Вам И. Лажечников

1 сентября 1856 г.»

Записку эту я получил по поводу статьи Благосветлова «История русского романа».

21-го октября я получил от Ивана Ивановича следующую записку:

«В смеси «Сына Отечества» заграничные литературные новости не были мною пропущены, а потому прошу остановить выпуск нынешнего номера «Сына Отечества», хотя я приказал выдать билет и прислать мне форму корректурного листа с заграничными новостями.

Цензор И. Лажечников»

«Милостивый Государь Альберт Викентьевич.

Препровождаю к Вам статью «Современные поэты: Огарев и Некрасов». Мысли автора, может быть, были бы хороши в историческом рассуждении, но в этой статье многие выражения так резко бросаются в глаза, а иные своею двусмысленностью наводят в цензоре опасения пропустить их. Попросите автора исправить не по моим указаниям, а посоветоваться с своим благоразумием. От этого его статья много выиграет и не даст повода к толкам. Исправленное возвратите ко мне поскорее. Если же ему не угодно будет это сделать, то пришлите мне перепечатанный оригинал и прилагаемый корректурный лист. Тогда я спрошу об этой статье мнения цензурного Комитета, заседание которого будет в пятницу.

Чести стоять между Гоголем и Пушкиным я не заслуживаю! да и неловко цензуровать статью, в которой автор так хвалит цензора, и потому строки обо мне исключить.

Ваш покорнейший слуга И. Лажечников

14 ноября 1856 г.

P. S. Мои отметки служат только указанием, но автор может с ними и не согласиться. Прошу только одного — пусть извинит

меня, старика, за выражения. Поменьше заносчивости, поменьше повторения фраз с высоким стремлением (их более десяти).

Впрочем, вольному воля, а я обязан делать свое дело...»

Все это письмо написано по поводу статьи Благосветлова, о которой сказано выше.

«Милостивый Государь Альберт Викентьевич.

Статья «Современные русские поэты: Огарев и Некрасов» была мною представлена ныне цензурному Комитету, и решением Комитета определено: «Не разрешать ее печатать». Об этом уведомит Вас Комитет в свое время.

С совершенным почтением имею честь быть Ваш покорнейший слуга

И. Лажечников

16 ноября <18>56 г.»

«Статью «Заметки русского человека о торговле»¹ взял председатель цензурного комитета для прочтения. По получении от него она будет вам доставлена.

«Статья «Заметки на статью Огородникова о кяхтинской торговле»² не пропущена министром финансов. Возвращаю вам ее теперь же. С совершеннейшим почтением имею честь быть ваш покорнейший слуга И. Лажечников. 16 ноября 1856 года».

«Честь имею вас уведомить, что цензором к Вашему «Сыну Отечества» назначен г. Бекетов, и поэтому по всем делам «Сына Отечества» прошу адресоваться к нему».

¹ Не исключено, что в данном случае (в связи со следующей статьей) речь идет о работе И. А. Носкова «Заметки сибиряка о современном состоянии русской торговли...» (отд. отт. - СПб., 1857)

² Огородников Е.К. (1816-1884) – действительный статский советник, член Императорского Русского Географического Общества. Речь идет об отклике на его статью «Несколько слов о Кяхтинской торговле» ("Северная Пчела" 1856 г., №№ 199 и 200. Отдельный оттиск: СПб. 1856 г.). возможно, в запрещении сыграло свою роль и то, что Огородников в это время был, помимо прочего, редактором «Ведомостей С.-Петербургской Городской Полиции». См. о полемике с Огородниковым и его статьей: *Хохлов А.Н.* Русско-китайская торговля и политика России в отношении Китая (вторая половина XIX в.) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX - начале XX веков. Иркутск, 1988. С. 21-23.

Однако Бекетов не скоро еще вступил в цензурование «Сына Отечества», и Лажечников оставался до декабря. 19 ноября он писал ко мне: « Так как вы мне объявили, что «Пролог» печатается у вас, то я вас просил прислать его до напечатания. Прошу вас о том вторично, как ответственный цензор.

Смотрите, чтобы не досталось нам за г. Зотова: на странице 139-й, на 1-м столбце напечатано: напрасно не переведено Гербе-лево выражение “Der Vilz verletzt den Glauben” и проч. Все это переведите по-русски... Не знаю, как я это пропустил, так же и то, что «мир любит низводить в прах все возвышенное».

С совершеннейшим почтением честь имею пребыть ваш покорнейший слуга И. Лажечников.

P.S. Если не получу «Пролога» до напечатания, вынужден буду обратиться к другому средству»¹.

Я. Черняк, вслед за Старчевским, «связывает письма Лажечникова с именем Благосветлова»², и действительно – указание это, хотя и «несколько сбивчивое», но «весьма вероятное». Вроде бы все просто и понятно – «неблагонамеренная» статья была представлена опасливому цензору, который убоился ее потаенного смысла и предпочел вполне предсказуемое решение, сохранившееся в корректурных листах: «По темноте выражений <С.-Петербургский цензурный> Комитет признал эту статью неудобной для напечатания. 16 ноября 1856 г. Цензор И. Лажечников»³.

Однако есть сомнения в однозначности атрибуции; ни письма, но комментарии мемуариста в ней не убеждают. Я. Черняк привел несколько подобных противоречивых указаний: Благосветлов никогда не писал о поэзии; его статьи более тяжеловесны; отношение его к Некрасову вовсе не было столь пиететным, как у автора статьи. Позволю себе привести еще несколько замечаний. В тексте, который цензурировал Лажечников, есть такая фраза: «Все имевшие истинное удовольствие, хотя один раз в жизни, встретить г. Огарева, навсегда сохранили память о его гуманной личности, о многосторонней его образованности.

¹ Исторический вестник. С. 326-328.

² ЛН. С. 104.

³ ЛН. С. 97.

На всех поприщах подобные люди составляли бы лучшее украшение общества»¹. Таким образом, автор статьи был знаком с Огаревым и вхож в круг его друзей; это могло произойти – но не в 1856, а уже в 1857 году, когда Благосветлов за границей входит в ближайшее окружение Герцена. Так что вряд ли подобное указание было возможно, если мы согласимся с авторством Благосветлова.

Но основные вопросы возникают, когда мы внимательнее присматриваемся к контексту переписки. Ведь Я. Черняк воспроизвел лишь три письма, сопроводив их своими пояснениями. А общение Лажечникова и Старчевского связано не только с «Сыном Отечества», но и – как явствует из мемуаров – с «Листками» барона Брамбеуса. И в этом контексте упоминание статьи о Некрасове и Огареве весьма понятно. Сам автор определяет жанр своего произведения как «критический фельетон» – именно то, что писал Брамбеус. Возможно, эта статья и предназначалась для другого издания или для другого отдела – ведь Старчевский редактировал и «Библиотеку...», и «Сын Отечества», и те же «Листки». Из контекста не всегда ясно, о каких изданиях идет речь, более того – ситуация с цензурованием журналов была в 1856 году достаточно напряженной, и деятельность Старчевского, как мы увидим ниже, способствовала возрастанию этого напряжения.

Так, 18 ноября 1856 года И.А. Гончаров писал А.В. Дружинину: «У нас, Вы слышали, перемены: Совр<еменник> отошел от Бекетова к Лажечникову, я взял Отеч<ественные> Зап<иски>, хотел взять Библ<иотеку для чтения>, но Фрейганг не дал»². И эта перемена цензоров кажется автору письма более чем «неосторожностью»; при этом очевидно, что изменение должностных обязанностей Лажечникова вынуждало его по-прежнему тесно сотрудничать со Старчевским. И как будто все сведения подтверждают придирчивость и «опасливость» цензора. Однако и роль Старчевского – и в журнале, и в отношениях с Лажечниковым – была, сколько можно судить, не самой благодной. 16 августа 1856 года в письме Е. Я. Колбасина чита-

¹ ЛН. С. 113.

² Письма к А.В. Дружинину. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1948. С. 77.

ем: «Салтыкова разбор о Кольцове Лажечников, сей благодушный старец, не пропустил»¹. Но в письме В.Н. Майкова 31 июля этому случаю была дана иная оценка: «Мне приятно было услышать от Колбасина, что Вы довольны последним № Библиотеки. Можно было бы лучше состряпать книжку, если бы я не был связан гнусным присутствием в журнале Старчевского, – не потому, что он что-нибудь делает, т.е. трудится по журналу, – нет, он ничего не делает, а портит дело тем, что смущает разные лица, в том числе доброго старичину Лажечникова. Статья Салтыкова запрещена: я уверен, что это дело рук Старчевского, который написал Печаткину, что такие статьи перевернут все вверх дном, погубят журнал и что он за такие статьи (а эта, не забудьте, уже была смягчена) не отвечает»². Более чем вероятно, что нечто подобное произошло и со статьей об Огареве и Некрасове. Иначе зачем Лажечникову было заранее предупредить о неприемлемости статьи, а потом выносить дело на обсуждение комитета? Но какие действия Старчевского могли спровоцировать такое решение? Да полно – и об одной ли статье речь? Кое-что из сказанного в письмах как будто не относится к «Сыну Отечества»; но вполне возможно, что речь идет о разных статьях, предназначенных в один журнал (назван только он), а может речь идти и о разных журналах.

Другие детали писем ставят перед комментатором тоже немало вопросов. Мы можем, как было сделано выше, атрибутировать некоторые статьи, упомянутые Лажечниковым. Однако, например, о каком «Прологе» идет речь? Судя по всему, это текст, посвященный очередной лицейской годовщине. Такие каждые пять лет, с 1841 года, сочинял В.Р. Зотов, в 1856 году тесно сотрудничавший со Старчевским. В ноябре 1856-го, как видно, Зотов был уже неплохо известен Лажечникову; более чем вероятно, что цензор знал журналиста и тремя месяцами

¹ Там же. С. 156. Позднее статья «Алексей Васильевич Кольцов» была опубликована в «Русском вестнике» (1856. Т. VI. С. 147-168).

² Письма к А. В. Дружинину. С. 200.

ранее, когда писал о Благодетеле, хотя Я. Черняк полагает это невозможным¹.

Интересно, что Лажечников пишет о «темноте» статьи, приписываемой Благодетелю. Однако как показывает комментарий, цензор вычеркнул все «темные» места в начале текста, а собственно анализ стихов – простой и понятный: «Мы не знаем ничего искреннее, ничего задушевнее многих произведений г. Огарева. Между тем на всех стихотворениях его, вместе взятых, лежит отпечаток монотонности, заставлявший многих читателей не доверять искренности нашего поэта. И в самом деле, постоянное чувство хандры и безнадежности разлито на всех пьесах г. Огарева, даже тех, которые запечатлены некоторой веселостью»². Может, речь шла о несохранившемся разделе статьи, посвященном Некрасову? Или Старчевский сознательно представил неисправленный осторожным цензором текст, не желая его прохождения; ведь в статье речь шла, по сути, о конкуренции?

Возможно и наличие каких-то дополнительных подтверждений авторству Благодетеля. Недаром атрибуция Старчевского не вызвала никаких сомнений у Б. Л. Модзалевского: «Пушкин, память которого всегда была особенно дорога ему: к ней относился он с таким благоговением, что когда в 1856 г. Г. Е. Благодетель написал статью “История русского романа” и в ней отвел Лажечникову, как романисту, высокое место, последний писал А. В. Старчевскому, что “чести стоять между Гоголем и

¹ «“Неизвестный критик”, которого благодарит Лажечников в письме, — несомненно В.Р. Зотов. Он начал сотрудничать в “Сыне Отечества” (в отделе критики), как это видно из воспоминаний Старчевского, именно осенью 1856 г. Старые же сотрудники отдела критики были Лажечникову, без сомнения, хорошо известны» (ЛН. С. 105). Однако знак равенства между «неизвестным критиком» и Зотовым ставится на основании письма, где речь идет о панегирической статье. Между тем «неизвестный» может означать просто «не поставивший своего имени» и к факту знакомства/незнакомства Лажечникова и Зотова отношения не имеет.

² ЛН. С. 112.

Пушкиным он не заслуживает...»¹. Хотя, возможно, автор статьи «Лажечников и Пушкин» просто принял на веру утверждение мемуариста.

В нашем разборе слишком много сослагательных наклонений; но предположим, что комментатор, предприняв титанические усилия, все-таки найдет документально подтвержденные ответы на все вопросы. Будет установлен автор и раскроются обстоятельства дела, в котором не останется белых пятен. Мне продолжение расследования очень интересно. Но что может стать его итогом? Думается, ясно уже сейчас...

Может быть, Лажечников был не самым лучшим для редактора цензором; но и Старчевский уж точно не был исправным редактором, с которым можно было цензору сотрудничать (не будем судить о степени порядочности – это всегда слишком легко делать, но почти всегда суждения оказываются сомнительными). Человеческих отношений возникнуть не могло – были только служебные; но и эти отношения мемуарист пытался затушевать, подправить, чтобы создать нужную ему и оправдывающую его модель ситуации, судя по всему, слабо связанную с реальностью; в рамках этой модели редактор «смел», а цензор «труслив». А письма литератора дают слишком обширный материал для комментирования – и в то же время не допускают, как ни странно, однозначных трактовок. Может, оттого, что трудно сочетать бюрократическую должность и творческие интересы, а может – оттого, что человек – существо сложное, и выражаться «просто и ясно» не сумеет; даже если комментаторы того и пожелают. Раскрывая всё, они теряют из виду главное, детали маскируют основную коллизию, скрытую в письмах; а сосредотачиваясь на этой основной коллизии, лишаются точности и определенности и моделируют ситуацию, оказываясь в положении пристрастных наблюдателей.

¹ *Модзалевский Б.Л. Лажечников и Пушкин // Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 541.*

Молодежная трибуна

Е. В. Титова

Лифляндия и лифляндцы в романе И.И. Лажечникова «Последний Новик»

В первом историческом романе Лажечникова есть множество приемов, свойственных беллетристике, служащих для привлечения интереса читателя. Обилие их в «Последнем Новике» обусловлено законами жанра, «юностью» его на русской почве и тем, что это был первый крупный опыт писателя.

Среди частных приемов привлечения читательского внимания нужно отметить такие «уловки», как обрыв сюжета в кульминационный момент и обращение к другой сюжетной линии, обращение к символу, описание тех или иных событий в восприятии разных персонажей, а также предшествование описания наружности героя его наименованию в каждый новый раз, когда мы его встречаем. Все это призвано обеспечить «включенность» читателя в сюжет. Но прежде чем ожидать этой «включенности», писателю необходимо выбрать более общие условия, обеспечивающие интерес романа у публики. К таким условиям следует отнести выбор актуальной темы, выбор исторической эпохи, авантюрный и запутанный сюжет с обилием персонажей, общую атмосферу «таинственности» и т. д. Особую важность здесь приобретает выбор места действия.

В романе «Последний Новик» этим местом становится наиболее «иностранная», «чужая» губерния в составе Российской империи – Лифляндия. Автор отмечает, что «само имя её звучит иноземным»¹, но здесь же «имена городов напоминают о владычестве над нею русских» (472). Несмотря на уже намечившуюся дискуссионность, выбор места действия для Лажечникова был очевиден: «...Ни одна страна в России не представляет народному романисту приятнейшего и выгоднейшего мес-

¹ *Лажечников И.И.* Последний Новик М.: Правда, 1983. С. 10. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

та действия <...> в живописных горах и долинах Лифляндии, на развалинах её рыцарских замков, на берегах её озер и Бельта русский напечатлел неизгладимые следы своего могущества» (11). Приятность Лифляндии как фона для развертывания запутанного и захватывающего сюжета конечно, оправдана богатым историческим прошлым области. Здесь буквально вчера закончились времена Средневековья, здесь, как нигде ближе для России, можно встретить романтический холмистый ландшафт, настоящих рыцарей и злодеев-феодалов, их замки. Атмосфера Средневековья привносила элементы романтизма в исторический роман Лажечникова, тем самым вписывая его в жанровую традицию, начавшуюся с Вальтер Скотта¹.

Понятен выбор места действия и с идеологической точки зрения. Здесь, несмотря на известную либеральность взглядов Лажечникова, последовательно прослеживается русскоцентристская позиция в Прибалтике, подкреплённая многочисленными историческими фактами. Ещё от Ивана Грозного мы помним завет воевать за землю Лифляндскую. Именно здесь свершилась первая победа русских над «образованным европейским солдатом» (3). Имеется в виду Северная война - своего рода поворотная точка в русской истории, с которой началось возвышение России на европейской арене. Для России первой половины XIX века, в «золотой век» российской внешней политики, эта тема особенно актуальна. Наконец, из Лифляндии Петру Великому была дарована его любимая супруга Екатерина, историю которой Лажечников попутно затрагивает в романе. Так, фактов оказывается достаточно, чтобы заняться теоретическим обоснованием господства русских в Прибалтике.

Пытаясь быть объективным, Лажечников даже начинает свой роман словами: «Долго страдала Лифляндия под игом переменных властей...» (11). В романе мы находим положительные и отрицательные черты в том числе и русской политики в прибалтийском регионе. Но эту же начальную фразу романа

¹ Даже формально роман Лажечникова отсылает нас к вальтерскоттовской традиции – расположение глав, частей, обязательность заглавия и эпиграфа к каждой главе, которые поверхностно отражают развитие сюжета в ней.

Лажечников недвусмысленно завершает: страдала, «пока не достигла нынешнего своего благосостояния» (11). Так закрепляется утверждение, что русское владычество в Лифляндии наиболее выгодно для обеих сторон.

Кроме того, стоит отметить, что роман «Последний новик» - одно из немногих произведений русской литературы, демонстрирующих взгляд на «лифляндский вопрос». Фактически, только благодаря таким единичным опытам, в сознании русского читателя формировалось представление о прибалтийской области. Поэтому важно будет проследить формирование стереотипа Лифляндии и лифляндца, потому что впоследствии, учитывая успех романа у публики¹, именно он повлиял на массовое сознание.

Итак, Лифляндия изображена во времена Северной войны, в центре спора между Россией и Швецией. «Чувство, господствующее в моём романе, – любовь к отчизне», - пишет Лажечников во вступительной главе. Тема патриотизма становится доминантой изображения персонажа в романе, главного же героя Вольдемара из Выборга – Владимира – Последнего Новика критики даже обвиняли в излишней схематичности: «Перед нами не столько живой человек, сколько олицетворение одного чувства – патриотизма...»² При этом тема патриотизма объединяет героев разных наций, каждая нация в романе имеет своего ярого защитника: Россия – Владимира, Швеция – Вульфа, Лифляндия – И.Р. Паткуля. Все они изображены как положительные, героические личности вне зависимости от русскоцентристской позиции автора.

Но патриотизм каждого из героев дает нам возможность рассуждать об особенностях его национального менталитета. Патриотизм лифляндца показан в романе как глубокое, определяющее личность человека чувство, но гибкое и меняющееся в

¹ За первые восемь лет роман переиздавался трижды, а в Симонов монастырь, как на место кончины Новика, участились случаи паломничества – нечто подобное произошло тогда, когда в свет вышла «Бедная Лиза» Карамзина.

² *Благой Д.Д.* Первый исторический роман Лажечникова // Лажечников И.И. Последний Новик. М.: Правда, 1983. С. 555.

зависимости от обстоятельств. Из-за несвободного политического положения коренные лифляндцы не воспринимают своё государство как самостоятельное и независимое. У них есть четкое представление о земле, где они родились, её они должны защищать от иностранного воздействия. У них есть четкое представление о Лифляндии как об автономной единице, но при этом оказывается второстепенным тот факт, под чьим покровительством страна находится на данный момент. По большому счету, Швеция ли, Россия ли возьмет Лифляндию в свои владения – всё равно. Это только вопрос традиции. Поэтому один из главных героев Густав Траутфеттер в первой половине романа верен шведскому королю, бьется до последнего против русских, но после того, как он узнает о позорной казни, которой Карл предал Паткуля, дядю Густава и главного защитника Лифляндии, герой просится в российское подданство.

Вообще в романе лифляндцы сословно делятся на два класса, в логике феодального общества. Первые – знатные лифляндцы, дворяне. Вторые – крестьяне (чухонцы¹ и латыши).

Через изображение крестьян автор выражает характерные черты национального характера прибалтийца. Известно, что И.И. Лажечников очень ответственно подходил к фактической стороне изображаемого в романе. Так, он предпринял поездку в Лифляндию и лично ознакомился с характером местных жителей, их рассказами и обычаями.

Лифляндия, несмотря на выгоды своего географического положения и богатство истории – страна маленькая, она вынуждена быть зависимой от более сильного соседа. Часто в романе мы встречаем такие восклицания как «Эта бедная земля!» «Бедная Лифляндия!» и т. д. Шведский генерал Шлиппенбах даже дает ей определение – «великодушный пеликан».

¹ Значение этого наименования дискуссионно. В кратком пояснительном словаре к роману «Последний Новик» слово обозначает пренебрежительное название эстонцев, в словарях же Даля и Ушакова это слово обозначает пренебрежительное название финна и примеры тому приводятся из произведений Пушкина и Гончарова. Возможно это ошибка лексикографов, составлявших краткий словарь к роману Лажечникова.

Вынужденные терпеть постоянные иноземные вторжения, тяготы военного положения и грубость завоевателей, лифляндцы вообще чудом сумели выжить и сохранить свою национальную культуру. По-видимому, причина лежит в ментальной установке. Коренной латыш или эстонец всегда чувствует глубинную связь с природой, он наделяет её духом. Вот какую характеристику дает автор лифляндцам, живущим на чужбине: «...Семена, переброшенные бурей на чуждую им землю; но и тут умеют они прижиться, лишь бы родное солнышко их согрело и питало...» (516). Такая характеристика образно напоминает латышские народные песни – дайны.

Со стороны такой «пантеистический» образ жизни кажется скучным и диким. Например, в романе есть прямое сопоставление русских и латышских крестьян. Русские представлены во всей красе со своей широкой душой и склонностью жить большой общиной, находиться в центре общественной жизни. У латышей же, по мнению автора, «унылая тихая жизнь в дикой глуши» (414). Таково лучшее определение стереотипичного взгляда русского на прибалта.

Очень талантливо удалось Лажечникову ухватить особенности латышского менталитета, хотя это было не первостепенной художественной задачей. Судя по ним, мы можем в деталях представить себе этот национальный характер.

Один из персонажей – латыш Немой - на протяжении всего действия способствует продвижению русских в Прибалтике. Вот каким мы его встречаем впервые: «Напротив лавки лежал, развалившись на траве, огромный детина, вершков шестнадцати вышины, плечистый, сутуловатый. Это была олицетворённая доброта. Русые волосы его, небрежно распущенные по плечам, серый кафтан из ватмана, хотя и тоньше обыкновенного, башмаки без подошв из желтой кожи, стянутые, а не сшитые, отличали в нем природного лифляндского домочадца <...> он ничего не говорил, но объяснялся движениями рук так хорошо, что его всякий мог понимать» (48). Впрочем, не беда, что герой этот нем, Его народу не свойственна многословность и суетливость, а по заверению автора, любому «латышу и разговор в тяжелый труд» (326). Но если уж захочется ему выразиться – так непременно надо ждать меткого, художественного выраже-

ния. Например, один латыш говорит своей чересчур разговарившей жене: «Старуха! А старуха! Повесь язык на палку!» (328).

Немой, как сама природа, простодушен. Когда его товарищ, швейцарец, заслышав родную песню в исполнении слепого музыканта Конрада, рыдает в истерике, Немой тоже утирает себе глаза рукавом: «Он плакал оттого, что другие плакали» (49).

В одной из сцен Вольдемар, шпион, помогая русским продумать военные манёвры, уверяет их, чтобы они не боялись огоньков, которые разжигают дети, стерегущие свои стада в ночном. «Известно, - говорит Владимир, - что латыш не тронется с места, пока не пойдёшь к нему под нос и не расшевелишь его силою; без того целое войско может пройти мимо него, не обратив на себя его внимания» (194). Таково природное спокойствие латышского народа. Так привычка терпеть отразилась в менталитете латыша. К чему ему это войско, когда у него есть родная земля, своё стадо, ночь и песни.

В романе много сцен, когда персонажи поют. Примечательно то, что песня здесь становится носителем оценочности. Народные песни в романе поют только коренные прибалты, швейцарцы и русские, шведы же представлены серьёзными, скучными, поглощенными цивилизацией. Причем поющего латыша мы встречаем довольно часто, вопреки утверждениям автора, что жизнь латыша тяжела и песни звучат редко: но крестьянин пашет, напевая свою грустную песню, маленькие пастушки в поле встречают праздник Лиго песнями, шпионка Ильза поёт песню «Юрген, Юрген, не пора ли мне к тебе?» сторожучухонцу, чтобы он пропустил её в замок баронессы, даже гадкий сребролюбец Мартышка поёт в одном из эпизодов песню о том, как лифляндцы «подстрелили раз курляндца, за ворону принимая» (281).

В песнях простолюдинов находят выражения их языческие воззрения. По цитатам из романа можно даже составить перечень основных богов латышей и чухонцев. Крестьяне баронессы Зегевольд очень любят добродетельную дочь своей госпожи Луизу и в своих молитвах упоминают её, когда молятся верховному богу – Иуммало. Судя по комментариям, представление о нем осталось ещё со времён идолопоклонничества латышей.

Поклоняются они и матери Лайме, богине счастья, которую чтут латыши до сих пор. В одном из эпизодов старушка Ганне поминает «дедушку Перкуна» (славянского Перуна). Лажечников комментирует, что латыши и теперь нередко говорят, слыша гром: «Дедушка Перкун сердится, Перкун стучит».

Чухонцы и латыши при всем богатстве их внутреннего мира в большинстве своём показаны в романе бедными рабами, «доедающие ломоть хлеба пополам с мякиной» (223). Живут они очень бедно и грязно. Вот описание хижины лесничего: «Дверь в неё, по обыкновению латышей, была открыта; лучина горела в светце и тускло освещала внутренность дымной избы... Сквозь дым <...> можно было ещё различить доску на двух пнях, заменявшую стол, на ней чашу с какою-то похлёбкою, тут же валяную белую шапку и топор, раскиданную по земле посуду, корыто для корма свиней, в углу развалившуюся свинью с семьею новорожденных, а около стола самого хозяина латыша <...> и жену его. Оба подпарились древностию лет, распущенными по плечам волосами, светлыми, наподобие льна, и одеждою, столь нечистою, что можно было высечь из неё огонь, как из трута» (325). Из эпизода становится ясно, что латыши – хозяева весьма гостеприимные, но немногословные и не очень-то церемонящиеся со своими гостями. Хозяин, к примеру, уходит спать в житницу, не сказав гостям ни слова.

Простолюдины чаще всего представлены униженными и угнетенными, особенно когда сталкиваются с отрицательными персонажами. Андрей Денисов, старообрядец, отъявленный злодей, интриган и корыстолюбец, ездит на латышской телеге, отнятой у первого встречного латыша. Этот пустосвят в своих витиеватых речах, обращенных к Владимиру, не забывает пожалеть себя: «Ты видишь меня здесь странником между латышскими псами и погаными немцами» (331). Но простодушный латыш забывает все обиды на празднике с сытным угощением и продолжает по-прежнему трудиться в меру своих сил на благо оскорбляющих. Лажечников замечает: «Помещики же готовы потратить тысячи на сельский праздник, чем простить десяток рублей недоимки» (223).

Но не стоит представлять себе национального балтийского героя как идеал всепрощения – на это намекает Лажечников в

одном эпизоде. Елизавета Трейман, коренная лифляндка, шпионка от русских, действующая в романе под латышским именем¹ Ильзы имеет сына от ненавистного ей человека – барона Фюренгофа. Мартын (Мартышка), её сын, вырос, по её словам, «достойным сыном своего отца», то есть закоренелым жестоким корыстолюбцем, способным на всё ради денег. И хотя Ильза и презирает своего сына, но когда после его самоубийства она видит, как русские солдаты ругаются над его телом – «природное чувство не любви – нет! – но крови пробудилось в ней» (322) – и она в исступлении отталкивает солдат. Этот эпизод значим для понимания менталитета прибалтийцев. В них есть четкая моральная граница, переступив через которую, любой иноземец получит жестокий отпор и неповиновение.

Чухонец также выполняет в романе функцию посыльного с важной бумагой, что говорит о его честности и исполнительности. Пастор Глик также припоминает историю, когда чухонец стал подопытным в эксперименте одного средневекового естествоиспытателя, который стеклом зажег человеку бороду. Но вопиющий случай имперского высокомерного отношения русских к малому народу как к рабам демонстрирует исторический документ, письмо фельдмаршала Б.П. Шереметьева к Петру после победы в Лифляндии: «Указал ты, государь, купя, прислать чухны и латышей, а твоим государевым счастьем и некупленных пришлю. Можно бы и не одну тысячу послать, только трудно было везти <...> а к Москве посылка не дешева станет...» (412) Таково положение бедной Лифляндии, её жителей каждые новые переменные власти угоняют в рабство, относятся к ним как к скоту. Такова жестокость военного положения и несправедливость господства физически сильных над слабыми. В России же, по свидетельству автора, невежественные русские люди смотрят на лифляндца (даже знатного происхождения) как на чужака, на нечто среднее между человеком и животным.

Приехав в Москву, один из главных героев, лифляндец Густав Траутфеттер видит своих соотечественников из лучших фа-

¹ Также в романе она зовётся «чухонской девкой». Этот факт говорит об общем неразличении русскими чухонцев и латышей в Прибалтике.

милий учителями – танцев, чистописания, языков и математики (это наводит на мысли о пленных французах после 1812 г). Своих приятелей Густав застаёт даже в разрисовке стёкол для подмосковного села Покровского. В их словах мы видны истоки сепаратизма прибалтийцев: «Благодаря попечениям короля шведского вот чем должны мы занимать руки, пожинавшие для него славу! Русские, заказавшие нам эту работу, любят в ней намалёванными медведями, орлами, башнями, как затейливой игрой нашего воображения; но потомство наше, увидя на стеклах этих знакомые им черты, прочтет по ним печальную историю нашего плена» (504). Здесь слышится обида на сильных «друзей» и переживание регулярно повторяющихся предательств. И хотя автор уверяет нас в том, что Лифляндия «будет счастлива под скипетром России», а Петр говорит что это «член России отсеченный», но лифляндцы осознают себя чужими в этой стране, позиционирующей себя как многонациональную¹. Они чувствуют разрыв между культурами и не способны идти на компромисс в деле сохранения национальной специфики. Тенденция к сохранению родной культуры объединяет лифляндское дворянство с крестьянами, тем самым обеспечивая народное единство – основу для будущего самоопределения народа. В этих словах мы отчетливо слышим надежду на потомков.

Вообще победа русских в Прибалтике наводит автора на фаталистические рассуждения о том, что «всё на свете сменяется – великие и малые приходят в него только на часовой караул»(320). На фоне общего патетического тона и восторга перед русской «фортуной» у Лажечникова, как у объективного историка, между строк проступает мысль: мол, придет и наш черёд уступать, но пока ещё - мы торжествуем!

Итак, в начале было упомянуто, что Лифляндия становится местом действия патриотического романа и патриотизм являет-

¹ Символом многонациональности русских в романе выступает национальная пестрота русского войска. Русским служит татарский наездник Мурзенко со своими калмыцкими и башкирскими сотнями, и казаки, и сам И.Р.Паткуль, патриот Лифляндии, очарованный гением Петра.

ся художественной доминантой изображения героя в романе «Последний Новик». В связи с этим, необходимо вывести идеал патриотизма лифляндца. На первый взгляд, главный патриот Прибалтики - это, конечно, И.Р. Паткуль. Но заметим, что перед казнью он обещает умереть с именем Отчизны на устах, а при описании сцены казни мы видим, что умирает он с состраданием к бедной швейцарке Розе – нелюбимой им девушке, которая погибла за него. Этот эпизод намекает на то, что наигранный идеал патриотизма не свойственен прибалтийской нации.

Более правдоподобен в романе патриотизм пастора Глика¹, который являясь подданным шведского короля, готовится к обороне Мариенбурга, а после взятия крепости русскими выходит к ним навстречу с переводом славянской Библии по мышкой. Затем он заслуживает доверие российских властей, являясь человеком вполне порядочным и полезным, и получает от них во владение мызу Катерингоф. Пример такого «гибкого» патриотизма – характерная черта, выражающая менталитет лифляндца. Сохраняя внутри крепкий стержень, состоящий в природной простоте и сознании ценности жизни, лифляндец склонен спокойно относиться к внешним событиям, с ним происходящим. При этом он ценит свою культуру, знает свой фольклор, чтит своих богов. Культура же его настолько специфична, что он вряд ли сможет идентифицировать себя в составе многонационального государства.

В целом же, обобщенное стереотипное понимание прибалтийцев в романе можно выразить одной меткой фразой Лажечникова: «Добрые лифляндцы умели терпеливо ждать у моря погоды» (6).

¹ Прототипом которого в действительности являлся пастор Глюк, первый переводчик Библии на латышский язык и фигура весьма значимая для латышской культуры.

**«Гримаса моего доктора» И.И. Лажечникова:
биографический материал и готический текст**

Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. оказали огромное влияние на русскую литературу XIX века. Впечатления от этих событий и военная тематика отразились в творчестве крупнейших русских писателей той эпохи: В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Г.В. Державина, М.Ю. Лермонтова и многих других. Однако война 1812 года порождает большое количество военных записок мемуарного характера непосредственных участников событий 1812, 1813-1814 гг. Выходят записки о войне мемуары Д. Давыдова, В. Штейгеля, И. Якушкина, В. Волконского, С. Глинки, В. Норова и многих других участников войны. Среди этого мемуарно-военного бума появляются «Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов» И.И. Лажечникова (1792 - 1869), которые публикуются частями в 1817 году, а целиком отдельной книгой – в 1820 году.

«Походные записки» произвели известный общественный резонанс: «современники встретили их благожелательно»¹ и в 1836 году было их переиздание. Исследователи по-разному рассматривают жанр записок. Так, например, Н.Г. Ильинская рассматривает их как «военно-исторические мемуары, стоящие на грани художественной и документальной прозы», а А.Г. Тартаковский «Походные записки» И.И. Лажечникова в своей работе «1812 год и русская мемуаристика» (в которой автор отмечает существование гибридных форм мемуарно-дневникового повествования) называет «ретроспективно-обработанными дневниками». Несмотря на известный успех, который Лажечникову принесли «Походные записки», писатель не вполне доволен своим произведением и отказывался его переиздавать. Однако к событиям войны 1812 года Лажечников возвращается гораздо

¹ *Опульский А.И.* И жизнь и перо на благо отечества. М.: Московский Рабочий, 1968. С. 47.

позже, полностью переосмыслив пережитое, и в свет выходят: «Новобранец 1812 года»¹ и «Гримаса моего доктора».

«Гримаса моего доктора» (1843) повествует о таинственном происшествии, случившимся с героем-рассказчиком, когда тот находился при мекленбургском дворе в Людвигслусте в Пруссии. Текст произведения стилизован под автобиографический. Сам подзаголовок - «Из походной записной книжки 1813 года» – отсылает к реальным событиям XIX века, заграничным походам русской армии. И.И. Лажечников участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах, и многие обстоятельства из текста записок перекочевали в текст рассказа. В произведении описываются реальные личности, как князь Карл Мекленбург-Шверинский, у которого Лажечников служил в адъютантах. Карл Август Христиан Мекленбург-Шверинский (1782-1833), российский генерал-лейтенант; участник Отечественной войны 1812 года, командовал 1-й бригадой 2-й гренадерской дивизии. Особенно отличился в Бородинском сражении.

Используются реальные топонимы – город Людвигслуст, Шверин. Оба города Германии расположены на территории земли Мекленбург – Передняя Померания. Людвигслуст возник на месте рыцарского имения Кленов, которое впервые упоминается с 1399 года. После Тридцатилетней войны (1618-1648) место было разрушено и пустынно, но данная территория, богатая дичью, привлекла внимание герцога Христиана Людвига II, страстно любившего охоту. В начале XVIII столетия начинается строительство маленького охотничьего замка. В честь герцога место получает в 1754 году название «Людвигслуст» («Людвигава утеха»).

Лажечников использует реальные топонимы не только для указания места действия, но и в именах главных героев. Так, фамилия доктора – Мозель – это название реки в Германии, левого притока Рейна. Река берет свое начало во Франции, в провинции Эльзас, протекает через Люксембург и Германию. Фамилия же друга героя-рассказчика – Лиденталь – название де-

¹ См. в статье К.Е. Иванова в настоящем сборнике.

ревушки недалеко от Лейпцига, которая имела стратегическое положение в битве при Лейпциге (4-6 октября 1813 года).

Мекленбургская земля - заболоченная местность, богатая озёрами и лесами. Эта природная черта края очень часто отмечается в произведении автором. Герой-рассказчик так описывает природу этих мест: «Природа здесь угрюмая, сердитая мачеха – гладь, пески, тощие леса, **болота!** Как это вздумалось герцогу Людвигу избрать такие грустные места для своего увеселительного замка!»¹. Далее неоднократно будут отмечаться природные особенности ландшафта близ замка, делая особый акцент на «**болоте**»: «Далее, болота и болота – настоящая ссылочная земля в царстве природы...» или «...болота, которыми окрестности изобилуют, начали испаряться...» (238). Автору не приходится модифицировать природу края для создания отягощающей, мрачной обстановки, которая соответствовала бы требованиям готического произведения. Реальный ландшафт полностью соотносится с литературным, чем опять-таки автор создает эффект реальности описываемых событий произведения.

Эффекта достоверности автор также добивается повествованием от первого лица (например: «часто замечал я...», «этому я ничуть не удивился...» и т.д.), лирическими отступлениями: воспоминания о пожаре в Москве, о замороженных трупах солдат на пути через Польшу, восхищение автора жизнью народа в Пруссии, описание бала в Людвигслусте и т.д. Такие отступления можно обнаружить в творчестве не только И.И. Лажечникова, но и у других участников войны 1812 года: у Д.В. Давыдова, П.И. Ютманова и других.

Автобиографичность текста создает прочный фундамент для развития сюжета произведения. В основе его любовь двух молодых людей (русского офицера Лиденталя и Каролины – дочери Мозеля), соединению которых пытается помешать отец девушки. Однако совершенно простой любовный сюжет, который часто использовал И.И. Лажечников в своем творчестве («Спас-

¹ *Лажечников И. И.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Можайск-Терра, 1994. С. 229. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

ская лужайка», «Последний Новик», «Ледяной дом» и т.д.), осложняется введением в него готических элементов. Один из элементов, характерных для готического произведения, уже был отмечен ранее – мрачный колорит ландшафта как места действия произведения. Следующий, один из важных, сюжетообразующих элементов готики – тайна.

Сюжет формируется вокруг этого центрального элемента. Центральная тайна произведения – секрет семьи доктора Мозеля, а среди второстепенных – мистические знания о бытии того же врача («В небесах и на земле, Горацио, есть тысячи вещей, которых существование никогда и не грезилось вашим мудрецам...», 235), тайна провиденья (сближение двух очень похожих натур: Лиденталя, который «простирает любовь к опрятности до мелочного пуризма» (239), и Каролины, страдающей из-за одного вида темных пятен).

Рассматривая элемент тайны в произведении, нельзя не обратиться к образу доктора Мозеля. Этот персонаж играет важную сюжетообразующую роль в произведении: он создатель центральной тайны и он же раскрывает ее герою-рассказчику. Мозель – окружной доктор, лет пятидесяти. Искуснейший врач не только в Мекленбурге, но и во всей Пруссии: «Печать Бога резко означалась на высоком челе, в глазах горел светоч ума и благородства...». В докторе героя привлекает грусть, которая «не исчезала с его лица даже и тогда, когда он улыбался» (231). В произведении нет четкого портрета героя, акцентируется внимание лишь на выражении его лица: «... доброе, привлекательное его лицо делало какую-то судорожно-болезненную гримасу, от которой мне всегда становилось грустно и тяжело» (233). Далее на протяжении всего произведения эта гримаса врача будет часто отмечаться на лице Мозеля.

Судорожная гримаса не случайно вынесена в название рассказа - в сильную позицию всего произведения. Выражение муки, горести, боли – это печать рока, наказание за преступление врача. Эта метка рока, как проклятье, поразила не только доктора, но и его дочь («Вдруг ее лицо изменилось, прекрасные глаза, полные очарования любви, сделались мутными, она неподвижно остановила их на песчаной площадке, находившейся

перед нами; мне показалось даже, что на губах Каролины мелькнула гримаса, которую я так не любил у доктора», 246).

Мозель посвящен в секреты бытия, в секреты другого, сверхъестественного мира. Он подобен доктору Франкенштейну, так как окружен завесой тайны; несет в душе крест, который тщательнейшим образом скрывает от всех. Подобно персонажу Мэри Шелли, доктор Мозель страдает из-за последствий своего поступка (женитьбы на сумасшедшей и появления от этого союза ребенка, унаследовавшего от матери ее болезнь), скрывает эту горькую тайну, также рассказывает о своем грехе герою-рассказчику, который становится отчасти свидетелем этих событий. В обоих произведениях присутствует клятва: у Франкенштейна – уничтожить монстра, у персонажа Лажечникова – предотвратить дальнейшее продолжение рода с подобной генетикой.

Мозель сам создает миф о себе, как о тиране дочери, ханже и самом страшном злодее. Из всех окружающих только герой-рассказчик догадывается, что «тут кроется что-нибудь таинственное, чудесное» (234). Это еще один элемент готики в произведении – готический злодей. Мозель стремится помешать свадьбе дочери, хотя и видит, что молодые искренне любят друг друга и что Лиденталь мог бы стать хорошей партией Каролине. Однако Мозель – готический злодей не потому, что не желает счастья дочери, наоборот, зная ее тяжелую душевную болезнь, он хочет оградить дочь от страданий.

Грех доктора в женитьбе на сумасшедшей (Амалии – матери Каролины). Мозель обманывает всех, что его пациентка здорова, и вопреки божьему благословию женится на сумасшедшей: «Пастор сказал мне вполголоса, но грозно: “Вы меня обманули... Помните, вы хотели обмануть Бога”. Эти слова и теперь звучат в моих ушах» (260). Родившееся дитя от этого союза, как и мать, испытывало душевные муки при виде черных пятен. Мозель решает перебраться в глухое, отдаленное место среди лесов и болот («настоящая ссылочная земля в царстве природы», 238), где губит свой талант врача, чтобы уберечь дочь от страданий и прекратить род сумасшедших. Он создает для Каролины небольшой Эдем, который располагается между двумя мирами – миром живых и миром мертвых: «Веселым оа-

зисом казался деревянный домик врача на конце кирпичных домов, нештукатуренных, построенных под один казенный образец, и на грани песков...» (238).

Второстепенные же тайны постепенно присоединяются автором к центральной для усиления чувства вины Мозеля. Тайна провидения и родственности душ сначала проявляется между Амалией и Мозелем, а потом в большей степени уже между Лиденталем и Каролиной. Эту духовную связь замечает доктор: «Одинаковые в нем с моею дочерью склонности поразили и испугали меня; сродство душ было явно: я уверен был, что она не полюбит никогда человека противных свойств» (265). Также периферийные тайны дополнительно насыщают текст фантастическими элементами, однако в произведении нет их раскрытия. Доктор, хранящий эти секреты, не открывает завесу в тайны бытия («Часто замечал я, что в конце его беседы было всегда что-то недоговоренное, и именно об этом недосказанном очень грустил я, как о конце строфы великого поэта, под которою поставлено было несколько десятков точек», 233). Следовательно, второстепенные тайны в произведении становятся фоном для раскрытия главной, а основная функция в тексте – создание, усиление мистического колорита произведения.

Произведение И.И. Лажечникова «Гримаса моего доктора» стало итогом переосмысления «Походных записок русского офицера» как мемуарного текста, посвященного Отечественной войне 1812 года и заграничным походам русской армии. Лажечников трансформирует мемуарный текст, добавляя элементы готического произведения: готический ландшафт (пейзаж), тайна (основная и второстепенные), готический злодей, таинственное преступление, печать рока. Модифицированный текст уже не может функционировать как чисто биографический, так как на первый план выступают особенности художественного произведения. Однако черты готики и мемуаров легко вычлениваются из текста, хотя все повествование заявлено как автобиографическое. Отсюда – противоречие, мешающее цельному восприятию произведения, как будто целостного и как будто убедительного...

К. Е. Иванов, А. Ю. Сорочан

**Новобранцы 1812 года: Воспоминания
прошлого в пьесе и очерке И. И. Лажечникова¹**

Серьёзное увлечение будущего известного писателя русской историей, начавшееся в первое десятилетие XIX века, привело впоследствии к плодотворной литературной деятельности: в 1830-е годы он пишет самые известные свои сочинения, посвящённые сложным и трагическим периодам русской истории – «Последний Новик, или завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого», «Ледяной дом», «Басурман». Историческая романистика составляет основной мощный пласт творчества писателя, нашедшего приемлемую для себя нишу в литературе того времени.

Об исторических романах Лажечникова говорить можно долго и интересно. Однако довольно строгий контекст обозначенной нами темы этого не позволяет, главный вопрос, интересующий нас – биография писателя в драматической и очерковой форме, воссозданная: на материале двух текстов о новобранцах 1812 года.

Вторжение в Россию Наполеона Бонапарта круто изменило судьбу молодого Лажечникова, с 1812 по 1819 годы он был в военной службе. Этот период жизни сыграл важную роль в творческом и формировании будущего известного автора, который «в сентябре 1812 года, захваченный патриотическим подъёмом Отечественной войны, тайно сбежал из дома и вступил (прапорщиком) в Московское ополчение <...> с декабря 1812 – в Московском гренадёрском полку, в составе которого участвовал в сражениях под Тарутином, Малоярославцем, Красным и др. заграничных походах, в 1813-14 был адъютантом принца Мекленбургского, генерала Полуэктова... С 1818 Лажечников – адъютант шефа лейб-гвардии Павловского полка А. И. Остер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Литератор у власти: русская провинция XIX века»), проект № 10-04-93834 к/К.

мана-Толстого, в декабре 1819 уволен по состоянию здоровья в чине штабс-капитана».¹

Именно об этом периоде рассказывают мемуары Лажечникова. «Вышедши только из-под опеки гувернёров <...> и маркизов Жюльекуров, ещё недавно архивный юноша, поглотивший с двенадцатилетнего возраста не мало пыли при разборе полусгнивших столбцов, перешедши потом в канцелярию московского гражданского губернатора, по приглашению его, для узнания службы, я, однако ж, оставался в Москве не по служебным обязанностям <...> в Москве задерживало меня ожидание письма от моего отца, который жил в деревне...»² – читаем мы в первых строках очерка И. И. Лажечникова «Новобранец 1812 года», являющего собой пролог к более ранним «Походным запискам русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.» – эта книга, написанная в совершенно иной манере «по горячим следам» событий, является не историческим повествованием, а весьма злободневным текстом.

«Походные записки...», написанные по образцу «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки, корректировали нарисованную Глинкой картину Отечественной войны: версия «русского патриотизма» у Лажечникова исключала элементы французофобии (присутствовавшие и в романе «Рославлев» М. Н. Загоскина), он отдавал должное доблести защитников Парижа. Военная проза Лажечникова, хотя и была построена по принципу дневника, перегружена, по позднему признанию автора, риторикой – следствие откровенной литературности авторской установки, впоследствии свои первые книги Лажечников не включал в собрание сочинений»³ Некоторые черты литературной преемственности в отношении тех авторов, с которыми Лажечников сошёлся во время военной службы, естественным образом проявились в раннем «навеянном недавним жизненным опытом» мемуарном творчестве писателя. Весьма симво-

¹ Русские писатели. 1800-1917. Т. 3. М., 1997. С. 273.

² Лажечников И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1990. С. 398. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте работы.

³ Русские писатели. 1800-1917. Т. 3. М., 1997. С. 273.

лично то, что именно в военные годы тот познакомился с известными в литературной среде С. Н. Глинкой, Д. В. Давыдовым, А. Ф. Воейковым и В.А. Жуковским. Кроме того, участие в войне 1812 и кампаниях 1813, 14, 15 годов, значительно расширило общий кругозор начинающего писателя, явилось для молодого И. И. Лажечникова личным выходом на арену истории. Этот довольно длительный период жизни будущего писателя послужил важной ступенью, одной из основных предпосылок формирования Лажечникова как мастера исторического романа.

В первом абзаце позднего очерка «Новобранец 1812 года» Лажечников рисует самого себя – молодого человека, ещё не нюхавшего пороху, и представлявшего грядущие военные дела в самых романтических и наивно-героических тонах: «Сердце моё радостно билось при одной мысли, что я скоро опояшусь мечом, и крупно поговорю с неприятелем за обиды моему отечеству... Порою рисовалось моему воображению зарево биваков, опасное участие в ночном пикете, к которому ветерок доносит жуткий говор неприятеля, жаркая схватка, отважная выручка. Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментик с золотыми украшениями, и лихой конь, на котором буду гарцевать перед окном девушки, любимой мною страстно... до первой новой любви» (389). Молодой человек явно вообразил себя удалым повесой-гусаром...

Настроению, охватившему тогда автора, не была присуща какая-то особенная индивидуальность; сознание юноши охватило порыв, овладевший в те годы всеми социальными и возрастными слоями российского общества: «В войну 12-го года, истинно народную, патриотизм воспламенял и старцев, и юношей» (389). Однако на пути к солдатской славе его ждала одна трудная и весьма неприятная (для самолюбия молодого воина) препона – воля родителя, противящегося отправлению своего дитяти на войну. Вечная проблема отцов и детей в разные времена, и в разных жизненных ситуациях встаёт одинаково остро: «...мои надежды недолго тешили меня. Вместо ожидаемого разрешения, получаю от отца приказ немедленно к нему явиться». Ощущение, знакомое всем молодым, пылким, жаждущим свободы и ярких впечатлений, но почитающим родительский

авторитет людям, очень точно передал автор: «Я плакал, как ребёнок...» – вспоминает И. И. Лажечников. Но своевольная целеустремлённость юности всё же возобладала над тревогой и унынием: «Чего бы ни стоило, – сказал я сам себе, – я буду военным, хоть бы солдатом». Мыслию уже ослушник воле родительской, я тотчас сделался ослушником и на деле, и не очень спешил выехать из Москвы» (390).

Историческая картина России 1812 года предстаёт перед читателем в достоверном, изложении, не чуждом красочной метафоричности, поэтически усиливающей её восприятие: «Два исполина дрались с ожесточением: француз шёл, очертя голову, в белокаменную, и хвалился перед миром победой, а русский, истекая кровью, но готовый лучше умереть, чем покориться, сильный ещё силою крестного знамения, любви и преданности к государю и отечеству, шёл отстаивать святые сорок сороков матушки белокаменной, пока не положит в виду её костей своих: мёртвые бо срама не имут...» (там же).

Война – парадоксальное, удивительное в своей противоречивой многогранности общественное явление, поразительным образом сочетающее в себе низкое, бесчеловечное, бессмысленно-жестокое и возвышенное, чистое и благородное. С последним часто сталкивался на дорогах 1812 года молодой Лажечников. Вот одна из подобных маленьких историй, изложенных автором, произошедшая с ним и с его дядькой по выезде из Филей, на Смоленской дороге, где путешественники встречают военный обоз, «которому не видно было конца. Везли раненых. Поезд тянулся в несколько рядов и затруднился у Драгомиловского Моста» (392).

Далее идёт описание потрясающей картины народного патристического единения: «Надо было видеть в это время усердие москвичей к войнам, пролившим кровь за отечество. Калачи летели в повозки, сыпались деньги пригоршнями, то и дело опорожнялись стаканы и кувшины с квасом и мёдом, продавцы распоряжались добром своих хозяев как своею собственностью, не только не боясь взыскания, он ещё уверенные в крепком спасибо, восклицаниям сердечного участия, благословениям, предложениям услуг не было конца...»

Бедствие, постигшее Россию, почти стёрло на время сословные границы, социальные, политические противоречия были вытеснены бескорыстным подвигом самоотречения во имя защиты свободы и независимости родины. Факт, отображённый в мемуарах Лажечникова и получающий психологическое обоснование. Можно ли в этом усомниться, читая такие описания: «...пал на меня болезненно-унылый взор раненого офицера. Ему было лет двадцать пять с небольшим, смертная бледность покрывала прекрасное и благородное лицо его, одна рука у него была на перевязи, другою опирался он за задок телеги, где лежало несколько солдат.... Неужели не сыскалось для вас повозки, – спросил я его. «Была, – отвечал он, – но случились раненные тяжелее меня... Слава богу, я могу ещё дойти». При этих словах с трудом приподнялся из телеги один из солдат, лежавших в ней, и сказал со слезами на глазах: «Его благородие – наш ротный командир, нам четверым раненым было тесно в одной телеге... он уступил нам свою». Тут он не мог продолжать и спустился на повозку» (393).

Авторская субъективность – одна из основных черт художественного произведения, так формируется особая гражданская патетика, выводящая мемуары И. И. Лажечникова за рамки сухого исторического документа. Краткий рассказ о раненом офицере Франке и рядовом Ишутине Лажечников полностью выписал из своих походных записок; здесь ему важен ещё один пример глубоко задевающей душу братской взаимовыручки, бескорыстной любви к ближнему, в жестоких, гибельных условиях войны. Следует ли разьяснять, как повлияли на состояние духа молодого писателя подобные примеры? Сомневался ли тогда наш юный герой в своём намерении вступить на защиту родины? Вопросы эти можно назвать риторическими.

И лишь один эпизод занёс в душу новобранца смутную тревогу. Автор вспоминает: «Мой геройский дух <...> был озадачен в Волчьих воротах жалобными криками умирающего... На заре, под Островцами, я сошёл с повозки и мимоходом взглянул на часовню, которая стояла у большой дороги. Вообразите мой ужас: я увидел в часовне обнажённый труп убитого человека... Ещё теперь, через сорок лет, мерещится мне белый труп, бледное молодое лицо, кровавые, широкие полосы на шее, и над

трупом распятие...» (396). Но даже это чувство – тревожное предвестие великого множества смертей на поле брани – не своротило его с выбранного пути.

«На берегу Москвы реки, в виду сельского крова, под которым провёл я лучшие лета моего детства, встретили меня родные со слезами радости. В ожидании меня – сколько страху испытали они: не попался ли я в плен французам, не убили ли меня недобрые люди!» – описывает своё возвращение домой И. И. Лажечников. В деревне уже знали о захвате французами древней столицы, эта печальная весть посеяла сильную тревогу и смятение среди людей. К тому же Москва была предана огню: пожар города был настолько велик и силён, что зарево от него было хорошо заметно за восемьдесят(!) вёрст: «Несколько дней сряду, каждый вечер, Москва развёртывала для нас эту огненную хоругвь. При свете её сельские жители собирались толпою перед господским домом или перед церковью, молились и вздыхали о потерянном Сионе». Прибегнув здесь к тонкой библейской метафоре, автор мемуаров передаёт настроение русских людей, как некое религиозно-сакральное чувство. Нужно ли еще раз говорить о том, чем был тогда в сознании жителей России древний город. Его оккупацию наполеоновскими войсками мирные поселяне восприняли как сигнал к бегству: «Никто не помышлял о покорности неприятелю, о том, чтобы оставаться в своих домах, бить ему челом. Ожидали его только с тем, чтобы в виду его спалить свои жилища.» (395) – пишет И. И. Лажечников, и вновь, подчёркивая великую очистительную силу войны, в очередной раз приводит примеры единения всего русского народа, вне сословного и материального положения, перед лицом смертельной опасности: «В эту тяжкую годину все делились между собою, как братья, каждый, кто бы он ни был, садился за чужой стол, как семьянин, многие богачи сравнялись с бедняками, и часто бедняк из сумы своей одолжал вчерашнего богача. Всё это казалось, в годину общего бедствия, делом очень обыкновенным» (395).

В очерке «Новобранец 1812 года» нет батальных сцен и описаний ужасов и жестокостей войны, автор мемуаров рассказывает о пути, по которому он прошёл на поля сражений 1812 и последующих годов. Это – вводная, очень важная часть «воен-

ной», да и общей, в особенности, творческой биографии писателя, изложенная им в одноимённых очерке и пьесе, явивших собой весьма интересное литературно-художественное целое.

Очерк можно поделить на две составные части: небольшое путешествие героя из Москвы домой и его вступление в военную службу, в результате побега из под родительской опеки.

Не получивший благословения родителя на защиту родины, молодой человек покорно едет со своими близкими в безопасные от приближающихся захватчиков места. И вновь воспоминания приобретают характер путевых записок: «Мы приехали в Коломну. Это моя родина. Горжусь ею, потому что в ней родился один из знаменитейших духовных сановников и проповедников нашего времени (Филарет, митрополит московский и коломенский). Сколько воспоминаний о моём детстве толпилось в голове моей, когда мы въехали в Запрудье !» Эта декларация дополняется личными элегическими воспоминаниями, призванными воссоздать психологическое состояние повествователя: «Предстали передо мною, как на чудной фантазмагорической сцене, и вечерние, росистые зори, когда я загонял влюблённого перепела на обманчивый зов подруги, и лунные ночи на обломке башенного зубца, при шуме вод смиренной Коломенки, лениво движущих мельничные колёса, ночи, когда я воображал себя на месте грустного изгнанника переселённого Грозным из Великого Новгорода в Коломну. Вспомнил я прогулку на козле и доброго Француза-гувернёра с длинною косою за плечами, которую вместе с головою своею вынес он из-под гильотины. Явились передо мною и вы, пламенные страницы Руссо, которыми душа моя страстно упивалась, как дикий конь, выпущенный из загона на широкую степь, и вы, великие мужи Плутарха!... Всё это, и многое, многое, что глубоко бросило семена в сердце моём, прошло теперь мимо меня во всех радужных цветах очарования» (396).

По дороге к Рязани юному Лажечникову совершенно случайно посчастливилось встретить у станционного дома небольшой экипаж, в котором находился знаменитый полководец Барклай-де-Толли. Говоря о главнокомандующем, автор мемуаров высказывает свою, особую оценку личности этого человека, любопытно, но она в корне отлична от соответствующей харак-

теристики Н. М. Коншина, обвинившего Барклая в холодном «немецком» педантизме, результатом которого стали неоднократные случаи вопиющего деспотизма и беспощадной жестокости. Всё дело в разных установках авторов; в разном восприятии и осмыслении ими войны 1812 года. Один даёт жесткую нравственную оценку личности генерала, другой же подчёркивает его героичность, полководческие достоинства, увиденные восторженным юношей.

При этом Лажечников не отрицает факта крайней непопулярности иноземца среди широких масс русского народа. В начале «барклаевского» эпизода читаем: «Когда мы подходили к станционному дому, возле него остановилась колясочка. В ней сидел Барклай-де-Толли.... При этом имени почти всё, что было в деревне, составило тесный и многочисленный круг и обступило экипаж. Смутный ропот пробежал по толпе... Немудрено... Отступление к Москве расположило ещё более умы против него...» (397).

Прошедший дорогами наполеоновских войн писатель имел полное право на своё мнение о месте и роли главнокомандующего русской армии: он находит иную, позитивную грань личности знаменитого шотландца, искренне сочувствуя непризнанному, и не оцененному по достоинству таланту мудрого и дальновидного полководца: «... кроме государя и некоторых избранников никто не понимал тогда великого полководца, который с начала войны до бородинской отчаянной схватки сберёг на плечах своих судьбу России, охваченную со всех сторон ещё неслыханную от века силою военного гения и столь же громадную вещественную силою...»

Читаем великолепный – прежде всего психологический – портрет, написанный с натуры пером будущего выдающегося исторического романиста: «Ни малейшая тень смущения или опасения не пробежала по лицу его. В этом взоре не было ни угрозы, ни гнева, ни укоризны, в нём было то волшебное, не разгадываемое простыми смертными могущество, которым наделяет провидение своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не в состоянии дать отчёта, чему они покоряются». Автор даёт обоснование подобной оценке личности Барклая-де-Толли, обращаясь к своему собственному

опыту: «Мне случалось видеть, как этот холодный, спокойный, самоуверенный взгляд водил войска к победе, как он одушевлял их при отступлении (из-под Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы в первый раз подходили к нему). Русский солдат, всегда недовольный ретирадами, не роптал тогда, потому что, смотря на своего предводителя, уверен был, что не побеждён, а отступает ради будущей победы». И в тот, памятный для писателя день, масса народа, окружавшая генеральскую коляску, усмирилась под взглядом этих глаз: «Барклай-де-Толли скинул фуражку, и засиял голый, как ладонь, череп, обессмерченный кистью Дова и пером Пушкина. При этом движении разнородная толпа обнажила свои головы, и экипаж исчез в клубах пыли. Но долго ещё стояла толпа на прежнем месте, смущённая видением великого человека» (396). Дорожная встреча с знаменитым генералом оставила неизгладимый след в сознании молодого человека, подстегнув желание стать посильным участником грандиозного действия, развернувшегося на огромной военно-политической арене 1812 года.

«В Рязани пробыли мы недолго. Здесь вскоре узнали, что французам не поздоровилось в Москве и что они, как журавли к осени, начали потягивать на тёплые места, и потому мы возвратились в Коломну...» (398), где молодой человек вновь стал просить у родителей разрешения идти в военную службу. И в очередной раз получил категорический отказ.

Последующие страницы очерка посвящены истории бегства юного Лажечникова на войну. Именно эта часть мемуаров, в основном, и составила сюжетную основу юбилейной развлекательной пьесы – водевиля «Новобранцы 1812 года» (1850).

Во вступительной статье к пьесе Лажечникова А. С. Бессоновой мы читаем: «Уже в 1812-1814 гг. стали появляться различные музыкально-театральные произведения «лёгкого жанра» на эту тему – дивертисменты, водевили, балеты. Наиболее знаменитые – дивертисменты К. А. Кавоса: дилогия «Ополчение, или Любовь к Отечеству» (1812) и «Русские в Германии, или следствие любви к Отечеству» (1813). В этом же жанровом ряду находятся сочинения С. И. Давыдова («Торжество победы»), Т. В. Жучковского («Казак и прусский волонтер в Германии»), водевиль С. Н. Титова («Крестьяне, или Встреча незна-

ных)), которые были весьма популярны в 1814-1815 гг»¹. У «русского Вальтера Скотта» были предшественники в этой области, и первооткрывателем водевиля на тему Отечественной войны его назвать нельзя, однако же именно «...Лажечников первым в русской литературе сделал шаг от водевиля к оперетте (произведение его пока ещё погранично в жанровом отношении) и избрал в качестве тематической основы патриотические события 1812 года».

Сюжетно-композиционная канва очерка и пьесы едина. Кульминацию обеих составляет эпизод бегства героя из-под родительского крова, вмешательство дядьки Ларивона, содействие старого кавалериста. Близки и финальные сцены: встреча с родителями, их прощение и благословение на военную службу. Даже некоторые второстепенные мотивы оперетты сохранены Лажечниковым в очерке. Так, герой последнего, увидев на Поклонной горе пленных французов, отмечает: «В речах и поступках своих французы казались в это время не пленниками нашими, а передовыми великой армии, посланными занять для нея квартиры в Москве» (397). Здесь сразу вспоминается колоритное замечание Ларивона в пьесе: « Народ все ражий, усатый, в медвежьих шапках, с лошадиными хвостами... У нас в плену, да и то норовят по затылку...» (56). А довольно занимательный, типично опереточный персонаж Василий Маккавеевич Индюхин наверняка родственен безымянному помещику из очерка, «чудаку и охотнику страстному», который, спасаясь от французов бегством, тем не менее не хотел расстаться со сворой собак (394). Эти и другие явные параллели позволяют говорить о «Новобранцах» как о преддверии более зрелого в художественном отношении очерка. В совокупности с пьесой он образует художественное единство, в котором автобиографические детали трансформируются в обобщённые, но психологически достоверные образы.

Но почему же всё-таки оперетта?

Во-первых, той части очерка, где автор повествует о своём довольно тернистом пути на поля сражений 1812 года, присуща

¹ Дом Лажечникова. Вып. 1. Коломна, 2004. С. 32. Далее пьеса цитируется по этому изданию с указанием страниц.

динамичность стремительно развивающегося событийного ряда. Выбрав оперетту, И. И. Лажечников стремился, таким образом, передать беззаботно-воодушевлённое настроение молодости, предвкушавшей близкий подвиг во имя Отечества, которое владело автором в то время, а наделив персонажей вокальными полномочиями, выразил общенародный патриотический пафос войны 1812 года в форме яркого музыкального сценического представления.

Включив в сюжет пьесы любовно-романтическую составляющую – сердечные отношения Марьи Павловны, дочери коломенского помещика, и капитана гренадёрского полка Владимира Сергеевича Искрицкого, автор как бы проводит тонкую параллель между чувствами разного порядка: патриотическим героизмом молодца-гренадёра, и самоотверженной любовью, которую питает к этому благородному и смелому человеку девушка.

Марья Павловна сосватана за Василия Маккавеевича Индюхина – полного антипода Искрицкого, «богатого помещика, сержанта гвардии в отставке, 40 лет, лысого и некрасивого». В 1-м действии Индюхин, желая развлечь девушку, предлагает, чтобы его крепостные музыканты сыграли «...симфоньцу или экосез. Канальям нечего делать, только спать знают...», но та отвечает (пением же):

«Когда родную нашу землю,
Враг осквернил своей ногой,
Одним я песням только внемлю,
Что в храме клир поёт святой:
Помилуй Господи, наш край святой!» (33).

В коротком диалоге с Астреевым Маша говорит отцу: «Воля ваша, а я не иначе выйду замуж, как за человека, который в нынешнее время носит военный мундир...» (там же).

В явлении пятом появляется на сцене прибывший из Москвы Ваня Лавинов. Юноша дружен с Искрицким, и в разговоре с кухиной утешает подневольную невесту: «Поздно?... ныне рыцарские времена – мы увезём тебя от твоего Людомора...» (41). Марья Дмитриевна, Ваня и полковник – положительные персонажи, характеры которых связаны единым порывом высокой любви, дружбы и страстного патриотизма.

В целом пьеса, по своей почти стопроцентной автобиографичности, содержит крайне мало художественного вымысла. Автор лишь добавил в произведение действующих лиц, не фигурирующих в частном порядке в очерке (Лекарь, полицейский чиновник, казак, Пуд Евстафьич Кобылкин), а событийно-сюжетная составляющая осталась такой же, как и в соответствующей части воспоминаний. Восторг молодости, патриотическое одушевление и неизбывный оптимизм – вот основное настроение, которое с разных сторон пытался воспроизвести Лажечников.

Только в эпилоге «6-е октября, под Тарутином» Лажечников обратился к эпизоду, не показанному в очерке: к фактическому участию писателя в Тарутинском деле. На сцене – поле сражения, взятая нашими войсками деревушка. Захваченный русскими обоз князя Понятовского – знаменитого польского генерала, командующего 5-м корпусом наполеоновской армии. Иван Лавинов совершает геройский поступок: «жив .. только слегка ранен. Французский палаш оцарапал ему руку... Зато он взял французского орла...» (68)

Почти все действующие лица пьесы здесь собираются вместе: приезжают Лавинова, Марья Павловна, младший брат Вани Николенька.

Юный воин встречается с матерью: «я жив <...> счастлив, если ты меня простила...Твой Ваня, уверься по моим горячим поцелуям...» (69). В пылу минувшей битвы героизм овладел всеми, способными владеть оружием: «Индюхин, смотря на сражение, не выдержал <...> закипела в нём русская кровь... с криком: *ату их! ату!* бросился со своим конным отрядом на неприятеля, врезался в него и как богатырь наших сказок – где повернёт лошадь, там площадь, где махнёт мечом, там улица» (68). Искрицкий, со свойственным ему благородством, по долгу чести, говорит о своём бывшем сопернике: «Мы братски поцеловались на поле сражения. Ему так охота на французов понравилась, что его с трудом удержали от погони за ними. Теперь у него пир горой, угощает свой эскадрон».

В финале пьесы юнкер гусарского полка малоросс Осетрина (его реальный прототип Ардал – армянин по национальности – упомянут в очерке) сообщает: «Главкомандующий зове к се-

бе охвицера, що взяв французского орла, сам хоче надить на его хрест. Это обращение адресовано Ване Лавинову, на что тот с радостью отвечает: «Главкомандующий... Кутузов?...О!..иду!.. (Обращаясь к матери.) А там к вам, маменька, на недельку полечиться, а там... (Поёт)

Вперёд, мой полк, вперёд, туда, где враг кичится,
Туда, где жарче бой горит,
За край родной, за Русь святую!
Вперёд, мой полк!» (70)

Автор исторических романов, И. И. Лажечников, не счёл нужным использовать свою биографию при создании эпического произведения (в отличие от Р. М. Зотова и Н. М. Коншина). Создав драматическое представление, писатель написал яркую картину с натуры давно минувшего, изображённого, исходя из возможностей драмы, как настоящее, увековечив, таким образом, пожалуй, самую важную веху в своей жизни в предельной достоверности *личных* авторских переживаний. А когда драматическое произведение не было поставлено на сцене, он использовал его материал при создании очерка, более убедительно изображающего состояние юного героя в важнейший исторический момент.

**И. И. Лажечников и Тверской край.
Материалы к библиографии¹**

Полной библиографии книг и статей, посвященных теме «Иван Иванович Лажечников и Тверской край» и опубликованных к настоящему времени, еще нет². Поэтому актуальность составления такой библиографии очевидна – к сожалению, мы до сих пор точно не знаем: что, когда, где и как именно было написано в Твери (Калинине) о самом Лажечникове, о его произведениях, о его жизни и службе в Твери, о местах, связанных с его *именем*. Предлагаемые материалы отчасти помогут восполнить этот пробел. Отчасти – потому, что многие публикации, так или иначе касающиеся тверского периода жизни и творчества Лажечникова, появлявшиеся на страницах периодических изданий Тверской области (особенно в советское время), еще только предстоит выявить.

В настоящей подборке библиографических материалов описаны главным образом статьи из тверских (калининских) газет, начиная с 1936 и заканчивая 2012 г., выявленные к настоящему времени. Это и собственно литературно-краеведческие публикации, и рецензии на краеведческие и научные книги, и статьи, в которых только упоминаются Лажечников, его произведения или памятные места Тверской области (прежде всего бывшая усадьба писателя Коноплино в Старицком районе, ее история и современное состояние), связанные с именем писателя, или его современники. Эти упоминания также важны, поскольку без

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации Тверской области, проект «Тверь в русской литературе: Образ региона и региональные образы», № 10-04-54802а/Ц.

² Надо сказать, что другие библиографические своды, посвященные Лажечникову, существуют, см.: *Новикова Е. И. И. Лажечников. Библиографический указатель // Лажечников и Коломна: краеведческие записки: сборник научных трудов / Сост. А. М. Дымова; гл. ред. А. Б. Мазуров. Коломна, 2005. Вып. 2. С. 93-101*, а также на сайте Коломенской библиотеки: <http://kolomna-regbibl.ru/bibliolag.doc>.

них мы не сможем составить полную картину того, что входит в рамки темы «Лажечников и Тверской край».

В том случае, если объем публикации невелик, после библиографического описания приводится ее полный текст или фрагмент, непосредственно относящийся к Лажечникову. Помимо выходных данных, в ряде случаев дается ссылка на доступную в Интернет электронную версию статьи. В библиографию, в которой учтены материалы каталогов Тверской областной универсальной научной библиотеки имени А. М. Горького и Научной библиотеки Тверского государственного университета, включены также научные, научно-популярные и справочные издания, вышедшие как в Твери, так и за ее пределами. В список не вошли указания на сочинения самого И. И. Лажечникова, А. С. Пушкина и других писателей, а также публикации XIX в., когда краеведение как научная дисциплина еще не сформировалась.

Все материалы даются в хронологическом порядке, по каждому году сначала даны книжные публикации, затем – газетные.

1929

1. *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и Лажечников // Модзалевский Б. Л. Пушкин: Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР / Ред. Н. В. Измайлов и П. Е. Щеголев при участии Л. Б. Модзалевского. [Л.]: Прибой, 1929. 439 с., 1 л. портр.

Переизд.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и Лажечников Из галереи современников и знакомцев Пушкина // *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб.: Искусство-СПб, 1999. С. 523–541.

1936

2. *Фессалоницкий С¹*. Пушкин и Лажечников // Пролетарская правда (Калинин). 1936. 9 сентября. С. 3.

¹ См. о нем: *Строганов М.В.* Из истории тверского пушкиноведения. С. А. Фессалоницкий // Тверской край — душа России: Материалы научной конференции. Тверь — Торжок. 23—24 декабря 2005 г. Торжок: ВИЭМ, 2005. С. 141—147.

1937

3. *Вершинский А. Н*¹. А. С. Пушкин в Псковской и Тверской губерниях // Пролетарская правда. 1937. 10 февраля.

Упомянуется о письме Пушкина Лажечникову.

4. *Вершинский А. Н.* Приезды А. С. Пушкина в Псковскую и Тверскую губернии // В наши дни. 1937. № 4. С. 49–70.

1941

5. *Смирнов-Кутаческий А*². В поисках художественной правды (о Лажечникове) // Писатели в Тверской губернии. Калинин: Кн. изд-во, 1941. С. 18–26.

1951

6. *Павлов Н. П*³. Александр Сергеевич Пушкин (в нашем крае) // Родной край. Калинин, 1951. С. 145–152.

¹ *Вершинский* Анатолий Николаевич (1888–1944), историк, краевед, профессор, заведующий словесно-историческим отделением (1922–1932), заведующий кафедрой истории народов СССР (с 1932) Тверского (позднее – Калининского) пединститута (в настоящее время Тверской государственный университет); автор работ по истории Тверского края. См. о нем: *Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М.* Из истории Тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский, Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990; *Лица филологов: Из истории кафедры литературы ТГУ. 1919–1986.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.

² *Смирнов-Кутаческий* Алексей Матвеевич (1876–1958), фольклорист, ученый и педагог, доктор филологических наук (1943), профессор, преподаватель Тверского женского епархиального училища (1900–1901), придворной певческой капеллы в Санкт-Петербурге (1902–1904), частной женской гимназии Е. Н. Стеблин-Каменской и Смольного института (с 1904) и др. С 1935 г. работал в Калининском пединституте, заведующий кафедрой литературы (с 1943). Автор монографий и статей по литературоведению. См.: *А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: матер. и исследования.* Тверь: Марина, 2008; *Личные фонды и коллекции Государственного архива Тверской области. Справочник.* Тверь: ООО «СФК-офис», 2007; *Лица филологов: Из истории кафедры литературы ТГУ. 1919–1986.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.

³ *Павлов* Николай Павлович (1893–1961), литературовед, краевед, доцент Калининского пединститута, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы (1949–1954). Автор книг «Русские писатели в нашем крае» (1956) и «Русские художники в нашем крае» (1959), ста-

Упоминается о знакомстве Пушкина с Лажечниковым.

1952

7. Павлов Н. П. Русские писатели в Калининской области // Калининская правда. 1952. 30 января.

Упоминается о службе Лажечникова в Твери, о тверских впечатлениях, отразившихся в романах <!> «Басурман» и «Опричник».

1956

8. Павлов Н. П. Иван Иванович Лажечников // Павлов Н. П. Русские писатели в нашем крае. Калинин: Кн. изд-во, 1956. С. 137.

1962

9. Сергеев Г¹. Дружеская переписка... // Калининская правда. 1962. 9 февраля.

С писателем-романистом И. И. Лажечниковым; по материалам Госуд. архива Калининской области.

1963

10. Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст., подготовка текста и примечания А. Н. Дубовникова. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 2.

Из содерж.: Письмо И. И. Лажечникова из Коноплина. С. 286–288.

11. Цветков Д². Писатели в нашем крае // Верный путь (Старица). 1963. 30 июня.

1967

тей в периодической печати. См.: Брадис Л. В. Н. П. Павлов // Уч. записки Калининского гос. пед-га. Т. 36. 1963; Калининские писатели: Биобиблиографический справочник / Сост. Н. А. Фадеева. Калинин: Калининское книжное изд-во, 1964; Лица филологов: Из истории кафедры литературы ТГУ. 1919–1986. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.

¹ Сергеев Геннадий Степанович, в 1962 г. научный сотрудник Государственного архива Калининской области; доктор исторических наук, профессор; краевед.

² Цветков Дмитрий Александрович (7.11.1905–17.12.1982), директор Старицкого краеведческого музея, краевед.

12. *Дудочкин Петр*¹. Дедушка русского романа. К 175-летию со дня рождения И. И. Лажечникова // Калининская правда. 1967. 24 сентября. С. 4.

О пребывании И. И. Лажечникова в Коноплине и Твери.

1968

13. *Опульский А.* И жизнь, и перо на благо Отечества... М.: Московский рабочий, 1968. 192 с.

О пребывании Лажечникова в Твери – с. 94-97, 151-153.

1969

14. *Ильин М*². Его любил Пушкин // Калининская правда. 1969. 6 июля. С.

И. И. Лажечников и Тверской край.

15. *Цветков Д.* Коноплино [Памятные места нашего края] // Верный путь (Старица). 1969. 27 ноября. С. 4.

И. И. Лажечников в Коноплине.

1971

16. *Пьянов А., Ильин М.* Пушкинские места Верхневолжья. М.: Московский рабочий, 1971. 80 с.: ил.

Из содерж.: [И.И. Лажечников]

¹ *Дудочкин* Петр Петрович (30.10.1915– 4.02.2000), писатель, журналист, член Союза писателей РСФСР, работал в газете «Пролетарская правда» (Калинин), корреспондент газеты «Сельской жизни» по Тверской (Калининской) области, см. о нем: *Еришов Борис*. Забытый публицист и писатель // Караван+Я (Тверь). Режим доступа: <http://www.karavan.tver.ru/html/n532/article6.php3>

² *Ильин* Марк Александрович (18.10.1919–14.02.1999), историк, архивист, член-корреспондент Международной Академии Информатизации, один из родоначальников возрождения тверского краеведения. С 1941 г. работал в архивном деле, архивную службу Калининской (Тверской) области возглавлял с конца войны и по 1999 г., начальник Архивного отдела Тверской области, автор множества публикаций в областной и центральной печати на тему истории Тверского края. См.: Прежде всего историк: О Марке Александровиче Ильине – историке, архивисте, краеведе, рук. архив. службы Твер. обл. (1919–1999) / Архив. отд. Администрации Твер. обл.; Твер. отд-ние Рос. о-ва историков-архивистов; Редкол.: Л.М.Сорина, В.А.Феоктистов, Н.В.Федотова. – Тверь: Твер. обл. тип., 2003. 258 с.: ил.

1973

17. Овчинникова С. Т. Музей А. С. Пушкина в селе Бернове: Друзья и знакомые Пушкина: Каталог портретов / Авт. С. Т. Овчинников; Худож. Ю. Л. Керцелли. Калинин, 1973. 31 с.: ил.

Из содерж.: И. И. Лажечников. С. 7–9. Краткая биография, строки из писем.

1974

18. Пьянов А. «Знакомцы давние...» // Пьянов А. «Берег, милый для меня»: Пушкинские места Верхневолжья. М.: Московский рабочий, 1974.

Из содерж.: И. И. Лажечников. С. 27–39; Коноплино: цв. ил. 5 после с. 184.

1975

19. Черейский Л. А. Лажечников Иван Иванович // Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: «Наука», 1975. С. 215–216; втор. изд. – 1989.

1976

20. Коноплино. Усадьба И. И. Лажечникова (конец XVIII–нач. XIX вв.). Паспорт 1153. 1976, 1991–1993 гг. // Архив Гос. инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры Тверской области¹.

1977

21. Русские писатели в Москве: Сборник / Сост. Л. П. Быковцева. М.: Московский рабочий, 1977.

Из содерж.: И. И. Лажечников в усадьбе Коноплино. С. 197–199.

22. Цветков Д. А. Лажечников Иван Иванович // Цветков Д. А. Старица и окрестности. М.: Московский рабочий, 1977. С. 134–138.

1979

23. Бочков В. Современник Пушкина // Литературная Россия. 1979. 23 ноября.

¹ См. также: Крыленко И. И., Добрынина Т. С. Проект охранных зон. 1977 г. // Архив ВПНРК (Всероссийский производственный научно-реставрационный комбинат). Шифр 172. Инв. № 727.

О знакомстве И. Д. Козловского, проживавшего в Твери в 1832–1838 гг., с И. И. Лажечниковым, Ф.Н. Глинкой, А. Н. Вульфом, А. А. Шишковым.

24. Пьянов А. «Бог помочь вам, друзья мои...» // Пьянов А. Мои осенние досуги. М.: Московский рабочий, 1979. С. 43–96.

Из содерж.: И. И. Лажечников. С. 72–80.

25. Серегин Б. Пушкинские места Верхневолжья // Турист. 1979. № 2. С. 26–27.

В числе пушкинских мест названо Коноплино; включает карту «Пушкинские места Верхневолжья».

1981

26. Черейский Л. Современники Пушкина: документальные очерки. Л.: Детская литература, 1981. 170 с.: ил.

Из содерж.: И. И. Лажечников. С. 60–62; портрет писателя работы А. В. Тыранова, 1837.

1982

27. Афанасьева Н. В Коноплине, на берегу Волги // Коломенская правда. 1982. 4 сентября. С. 4.

К 190-летию И. И. Лажечникова, о тверском периоде жизни писателя.

28. Афанасьева Н. «Вспоминаю о Твери, милой, любимой». Сегодня – 190 лет со дня рождения писателя И. И. Лажечникова // Калининская правда. 1982. 14 сентября.

О пребывании И. И. Лажечникова в Твери и Старицком уезде, переписке с Пушкиным.

29. Кулагин А. Лажечников и Пушкин // Коломенская правда. 1982. 25 сентября. С. 3.

30. Ильин М. Автографы пушкинских современников (найден в облгосархиве) // Калининская правда. 1982. 24 июля.

Об автографах Д.В. Давыдова, И. И. Лажечникова, Д. И Завалишина, Н. М. Коншина, П.В. Чичагова.

1985

31. А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века / Авт. предисл.: Г. П. Балог, А. М. Мухина. Л.: Художник РСФСР, 1985.

Портреты друзей и знакомых поэта, в т.ч. имевших связи с Тверской губернией: Ф. Ф. Матюшкина, Е. П. Бакуниной, Ф. Н. Глинки, А. Н. Оленина, А. Н. Вульфа, А. П. Керн,

Ек.Н.Ушаковой, И. А. Крылова, П. А. Плетнева, И. И. Лажечникова и др.

32. Лажечников Иван Иванович // *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. М.; Калинин: Московский рабочий, 1985.

Переизд.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 227–228.

33. *Проскурина В. Ю.* [150 лет роману И. И. Лажечникова «Ледяной дом»] // Памятные книжные даты. 1985 / Общ. ред.: Б. М. Кедров и др. М.: Книга, 1985. С. 97–99.

1986

34. *Цветков Д. А.* Лажечников Иван Иванович // *Цветков Д. А.* Старица и окрестности / Лит. обработка и новый текст М. Майстровского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский рабочий, 1986. 140, [2] с.: ил. С. 105–107.

1987

35. И. И. Лажечников // А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. 2-е изд. Л.: Художник РСФСР, 1987.

36. *Кашкова В. Ф.* «Позвольте благодарить вас»: А. С. Пушкин – И. И. Лажечникову // *Кашкова В. Ф.* Я к вам пишу: Тверские мотивы в переписке Пушкина. М.: Московский рабочий, 1987. С. 127–133.

37. *Викторович В.* «Сердечно Вас уважающий Пушкин» // Коломенская правда. 1987. 11 февраля. С. 3; 13 февраля. С. 3; 17 февраля. С. 3; 20 февраля. С. 3; 24 февраля. С. 3.

1990

38. *Петров Д.* История местечка Коноплино // Верный путь (Старица). 1990. 24 июля.

1991

39. *Саенко В¹.* «Тверь просто красавица...» // Вече Твери. 1991. 3 января. № 2.

¹ Саенко Виктор Николаевич – военный ученый, доктор воен. наук (1975), профессор (1979), член-корреспондент Академии Военных наук (1995), член Совета Общества Михаила Тверского и Тверского краеведческого общества.

К 200-летию со дня рождения И. И. Лажечникова. Письма И. И. Лажечникова А. С. Пушкину из Твери и в Тверь Ф. Н. Глинке и А. К. Жизневскому.

40. Саенко В. Хронограф // Городская газета (Тверь). 1991. № 49 (100). 6–12 декабря. С. 2.

Биографические сведения о И. И. Лажечникове, его пребывании в тверском крае.

1992

41. Саенко В. Н. Лучшие годы из жизни И. И. Лажечникова: Из тверской переписки // Смена (Тверь). 1992. № 20. С. 4.

Переписка Лажечникова с Пушкиным, Глинкой, Жизневским.

42. Троицкий В. Ю. Иван Иванович Лажечников и его роман «Ледяной дом» // Литература в школе. 1992. № 2. С. 9, 13.

О Лажечникове и его службе в Твери, в 1831 г. – директор училищ Тверской губернии, почетный попечитель Тверской гимназии.

1994

43. Викторovich В. А. Лажечников Иван Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. Словарь. Т. 3: К–М / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая рос. энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 273–277.

44. Горбунов С. В. Из рода Рюриковичей // Горбунов С. В., Шутов Г. К. Узник «святого монастыря»: Краеведческие очерки. Иваново: Талка, 1994. С. 196–197.

Упоминается о близком знакомстве Ивана Дмитриевича Козловского с писателями, проживав. в Твери (Ф. Н. Глинкой, И. И. Лажечниковым, А. С. Шишковым и др.).

45. Залеснов К. Когда родился И. И. Лажечников // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1994. № 1. С. 61¹

Для определения даты рождения романиста автор приводит данные из кн. твер. знакомого писателя А. К. Жизневского «Памяти И. И. Лажечникова», вышедшей в 1895 г. в г. Твери.

¹ Другие публикации этой статьи: Коломенская правда. 1990. 20 ноября. С. 3; Материалы для энциклопедии «Коломенский край» / Сост. Н. С. Ватник. Коломна, 1997. Вып. 2. С. 60–64; Коломенский альманах: Литературный ежегодник / гл. ред. В. С. Мельников. М.: Изд-во журнала «Москва», 2008. С. 279–284. См. также: № 43.

46. Коноплино; Лажечников Иван Иванович; Тверская мужская гимназия // Тверская область: Энцикл. справочник. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1994. С. 133; 144; 255.

47. Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли / Под ред. К. Н. Григорьяна. СПб.: Наука, 1994. С. 67–93, 94–117, 223–225, 225–228.

Из содерж.: Письмо И.И. Лажечникова Н. А. Полевому, Тверь, 24 ноября 1833 г.

48. Кашкова В. Ф. «Проезжая через Тверь» // Пушкинский путеводитель: Москва, Тверь, Санкт-Петербург / худож. А. Данилин. Тверь: Книжный клуб, 1994. С. 57–75; другое издательство: Тверь: Сувенир.

О посещении поэтом А.С. Пушкиным г. Твери, о его знакомых и друзьях.

49. Исенко С. Как девица хороша... // Народное творчество. 1994. № 5. С. 18.

Приводится выдержка из романа И.И.Лажечникова «Ледяной дом» с описанием старинного костюма девушки из Торжка.

1995

50. 125-летие школы Максимовича: Юбилейные чтения 6-8 дек. 1995 года: Сб. ст./ Твер. гос. ун-т; Сост.: Е.И. Березкина, Т.А. Ильина; Отв. ред. О.Н. Овен. Тверь, 1997. – 79 с.

Из содерж.: Воробьева И. Г. Из истории Тверской мужской гимназии.

51. Курочкина Н. Гостиница Гальяни в Твери // Наше наследие. 1995. № 34. С. 130–131.

Об истории и архитектуре здания.

52. Игнатов Сергей¹. За непочтение – на уголь // Смена плюс (Тверь). 1995. № 17 (27). 30 апреля–7 мая. С. 4.

О дисциплине в Тверской мужской гимназии.

Из содерж.: «<...>В 1831 году назначенный директором гимназии Иван Иванович Лажечников начал борьбу за дисциплину. Сперва он завел дежурных учителей для наблюдения за учениками во время уроков. А через два года разослал родителям

¹ Игнатов Сергей, в 1995 г. студент исторического факультета Тверского государственного университета.

учеников заявление, начинавшееся словами: “Некоторые ученики гимназии почти не посещают классов, не радеют об обучении и занимаются шалостями...” Предлагал далее им справляться каждый месяц у учителей об успехах их детей, а в случае отсутствия оных принимать совместные меры к наказанию. Родители полностью поддержали эту инициативу, а один из них даже предоставил директору право наказывать его детей розгами.

Но не всегда родители оказывались столь суровыми, встречались и доверчивые. В 1833 году в гимназии имел место случай. Когда учитель географии господин Евланов вошел в пятый класс с намерением провести урок, ученик Арсений Сахаров “шумел и топал ногами”. На замечание учителя о том, что “такое невежество свойственно не благовоспитанному юноше, а негодяю”, Арсений стал грубо отвечать, а потом “разгорячившись, не свойственно токмо ученику, но и служащему чиновнику, сказал: ”Я покажу вам, милостивый государь, что я с вами сделаю”. За такую дерзость директор приказал ему на коленях, “с истинным раскаянием”, извиниться перед учителем, пригрозив исключением. В ответ на это Сахаров сам покинул гимназию. А через несколько дней Лажечников получил письмо от его отца, советника губернского правления, в котором любящий папаша писал, что он до предела возмущен несправедливостью, царящей в гимназии, ибо Арсений ”со своей детской откровенностью“ сам ему все рассказал. Оказывается, некто Евланов, будучи в плохом настроении, обругал его сына самыми непотребными словами, на что тот “со всей вежливостью и учтивостью” ответил, что будет жаловаться директору. Тогда этот Евланов, еще более осердясь, выслал его вон из класса. В конце разгневанный отец требовал, чтобы учитель сам извинился перед его сыном, ибо прощение просит обидчик, а не обиженный. Вся эта история кончилась тем, что Арсению все же пришлось извиняться и ”господин Евланов с охотой простил ученика Сахарова” <...>».

1996

53. *Ульянов Андрей*. Право на поединок // Тверская Жизнь. 1996. 17 января. С. 3; 18 января. С. 3

О дуэльных историях XIX в., связанных с Тверским краем.

54. Коноплино // Тверская усадьба: Указатель архивных документов, книг и статей (1900–1995): В 3 ч. / Сост. О.Н. Овен (отв. сост.); Редкол.: Е.И. Березкина (гл. ред.) и др. Тверь: [Б.и.], 1996. Ч. С. 153–156.

То же: Тверская усадьба: CD-ROM. Электронный ресурс. Тверь, 1996.

55. Чернышов В. «В оковах службы царской» // ДОМовой (Тверь). 1996. № 3. С.4–5.

Служба писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина на посту тверского вице-губернатора с апр. 1860 г. Упоминаются воен. губернатор Твери и губернатор Твер. губ. П. Т. Баранов (1857–1862 гг.) и литераторы, служившие вице-губернаторами в городе.

56. Мазурин Николай. Имение «русского Вальтер Скотта» // ДОМовой (Тверь). 1997. № 7. С. 5.

Писатель И. И. Лажечников в имении Твери и Коноплине Старицкого уезда (1835–1853).

57. Фролова Е. Золотая вязь // Сельская новь. 1996. № 7. С.17–19.

Золотошвейное искусство Торжка. Описание праздничного девичьего наряда из романа Лажечникова «Ледяной дом».

58. Саенко В. «Тверь – просто красавица...» // Вече Твери. 1996. 22 августа. С. 6.

Описание Твери середины. XVIII в., оставленное тверским обывателем М. Тюльпиным; о начале каменного строительства в городе после пожара 1763 г. Фрагменты двух писем И. И. Лажечникова А. К. Жизневскому (1853, 1863) о Твери.

1997

59. Цветков Д. А. Лажечников Иван Иванович // Имена в истории края. Тверь, 1997. С. 71–74.

60. Шитков Александр¹. Лажечников в Старице // Тверская жизнь. 1997. 18 апреля. С. 4.

¹ В публикации ошибка в фамилии: Шитиков. Александр Шитков – преподаватель Старицкого педагогического училища, член Старицкого районного клуба «Краевед», автор статей в сборниках «И. И. Лажечников и Тверской край».

Из истории Старицкого уездного училища (открыто 6 ноября 1834 г.), в организации которого принимал участие директор народных училищ Тверской губернии, писатель И. И. Лажечников. Упоминается пребывание писателя в Коноплине Старицкого уезда (1837–1842)

61. Дроздова Н. Пушкин и Лажечников // Я ехал к вам...: Сб. статей о пребывании А.С. Пушкина на старицкой земле. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1997. С. 186–187.

62. Мазурин Н. Имение русского «Вальтера Скотта» // ДОМовой (Тверь). 1997. № 7. С. 20.

Пребывание И.И. Лажечникова в имении Коноплино Старицкого уезда (1837-1842 гг.).

63. Андреев Ю. Сдается барский дом с парком...: Дворянские усадьбы Пушкинского кольца переходят к новым хозяевам // Тверские ведомости. 1997. № 76. С. 5.

О современном состоянии бывших дворянских усадеб, в том числе усадьбы Коноплино.

1998

64. Соколов В. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером: В 2 ч. М.: Тверская 13, 1998. Ч. 1. С. 32-34, 112-115, 122-124, 161-169, 176, 193-195, 429, 433-434, 469-471, 518-520; Ч. 2. С. 29, 35-37, 53, 55, 122-124, 163, 190-192, 217, 343, 342-344, 432-434.

Художественные очерки о А. М. Бакуanine, И. Е. Великопольском, А. Г. Венецианове, А. Н. Вульфе, А. И. Вульф, Ан. Н. Вульф, Г. Г. Гагарине, Ф. Н. Глинке, П. В. Киреевском, Н. М. Коншине, А. А. Корнилове, И. И. Лажечникове, М. И. Муравьеве-Апостоле, П. А. Осиповой, Д. Е. Пожарской, В. Л. Пушкине, В. А. Соллогубе, Н. И. Уткине включают сведения об их связях с Тверской губернией.

65. Ильин Марк. Мы – тверитяне! // Афанасий–биржа. 1998. № 18 (277). 1–7 мая. С. 11.

Об именовании жителей Твери

Из содерж.: «Тверитянами Карамзин называет жителей Твери в «Истории государства Российского», вслед за ним В. Даль, А. Островский, И. Лажечников, знаток тверской истории, называет нас тверитянами».

66. *Смирнов Дмитрий*. Искренняя дружба без личных встреч // Старицкий вестник. 1998. 18 марта. С. 3.

1999

67. *Уханов Н. И.¹*. Шесть вечеров с Поэтом: Пушкин знакомый и незнакомый. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 148,[1] с.

Из содерж.: краткие воспоминания тверских знакомых поэта, в том числе *И. И. Лажечникова*; о несостоявшейся дуэли Пушкина с Денисевичем (по воспоминаниям *И. И. Лажечникова* (1819) и др.

68. *Смирнов Александр*. Рядом с Пушкиным // Тверь / худож. В. Веселов. Тверь : Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1999. № 4–5.

О твер. пушкиниане. И. И. Лажечников.

69. *Исаков Владимир*. Первая тверская газета: 7(19) января 1839 года вышел первый номер газеты «Тверские губернские ведомости» // Тверские ведомости. 1999. № 5. С. 1.

История газеты, в т.ч. периодичность выхода «Тверских губернских ведомостей» с 1839 по 1866 гг.; главными редакторами официальной части газеты были вице-губернаторы И. И. Лажечников (1843-1853) и М. Е. Салтыков-Щедрин (1860–1862).

70. *Руденко Виктор*. Тверское парадное трёхлучие // Вечерняя Тверь. 1999. № 10 (291). 2–3 февраля. С. 8.

О планировке и застройке центральной части Твери.

Из содерж.: «<...>В 1767 году по проектам Квасова и Никитина² были построены <на Советской, бывшей Полуциркуль-

¹ Н. И. Уханов – инженер-вагоностроитель, краевед.

² *Квасов* Андрей Васильевич (1720 – после 1770) и *Никитин* Петр Романович (1726–1784), архитекторы.

После пожара 1763 г., уничтожившего центральную часть Твери, и более позднего пожара в Заволжской стороне по повелению Екатерины II была создана целая «архитекторская команда» под руководством П. Р. Никитина (в нее также входили архитекторы М. Ф. Казаков, А. В. Квасов, В. Обухов), которые перестраивали Тверь в камне согласно регулярной планировке. Был возведен Путевой дворец, ансамбли Восьмиугольной площади, набережной реки Волги, Вознесенской и других центральных улиц. Главными особенностями этой планировки

ной. Полукруглой, а затем Почтовой площади Твери> одинаковые двухэтажные здания – народное училище (современный дом учителя) и почтовый дом (сейчас Дом техники). Здание дома культуры работников народного образования, известного как Дом учителя, за долгие годы своего существования неоднократно перестраивалось. До 1804 года в нем помещалось Главное народное училище, а с 1804 г. по 1859-й – Тверская губернская мужская гимназия. Ее директором, а затем также инспектором народных училищ в 1831–1837 гг. был хороший знакомый А. С. Пушкина, известный писатель И. И. Лажечников, автор исторических романов ”Ледяной дом” и “Последний Новик” <...>».

71. *Моторина Вера*. Тверские современники великого поэта – кто они? // Вечерняя Тверь. 1999. № 52 (333). 21–24 мая. С. 5.

О выставке в Государственном архиве Тверской области «Тверское окружение Пушкина».

Из содерж.: «<...>На одной из витрин вы увидите паспорт, выданный Ивану Ивановичу Лажечникову о назначении его директором народных училищ и гимназии Тверской губернии, подписанный Николаем I, а также рукопись его драмы «Опричник». Лажечников познакомился с Пушкиным в 1814 году в Петербурге, позднее из Твери посылал ему для ознакомления свой роман «Ледяной дом <...>».

72. *Гуров Борис*. Встречи с чертями – издержки работы реставратора // Караван-Люция (Тверь). Режим доступа: <http://www.karavan.tver.ru/html/n360/article10.php3>

О камнетесе из Старицы Михаиле Белове.

Из содерж.: «<...>Белов, выполняя фрагменты церковной архитектуры в своей мастерской, выезжает на место. Недавно он участвовал в реставрации старинных построек в старицкой деревне Конопдино. Необычность этого объекта в том, что коноплинское дворянское имение в древние годы трансформирова-

стали длинная осевая Миллионная улица (ныне Советская), а также «версальский трезубец», трёхлучевая композиция улиц, сходящихся в одной точке, созданная по образцу аналогичного градостроительного приёма в Петербурге.

лось в Марфо-Марьянский монастырь¹. Коноплянский Троицкий собор был украшен образами, вырезанными из морских раковин² <...>».

2000

73. *Галашевич А. А., Зачесова Н. Г.* Усадьба Чукавино (История, исследования, реставрация) // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6 (22) / Колл. авторов. Ред.-сост. М. В. Нащокина. – М.: Издательство «Жираф», 2000. 638 с.: илл. С. 276–298.

В т. ч. о Владимирской церкви (1746).

74. *Низовский А. Ю.* Самые знаменитые усадьбы России. М.: Вече, 2000.

Из содерж.: Конопляно. С. 259–260.

75. *Волкова Н. Е.* Тверской Императорский дворец // Записки тверских краеведов / ред. кол. Н. М. Бодашков. Тверь: Русская провинция, 2000. Вып. 2. С. 20–29.

Из истории Твер. императорского дворца, упом. И. И. Лажечников.

76. *Смирнов Дмитрий.* Очарованный гением Пушкина // ДОМовой (Тверь). 2000. № 4. С. 41–42.

¹ См. о нем: *Ромодановский С.* Старицкий Мариинский женский монастырь. Старица, 1916.

² См.: Описание мозаичных картин XVI–XVII вв. немецких мастеров с евангелическими и светскими сюжетами, из бывшей усадьбы И. И. Лажечникова. [нач. XX в.] // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 235. 6 л.; Картины на цветных стеклах из с. Конопляно Старицкого уезда бывшей усадьбы Лажечникова И. И. Описание картин // Тверской музей и его приобретения в 1902, 1903 и 1904 годах. Тверь, 1907. С. 76–82 (№ 10323–10336); Семь картин на цветных стеклах. Из бывшей усадьбы Лажечникова // Колосов В. Краткое описание Тверского музея: Третья комната музея. Тверь, 1912. С. 141–144 (№ 10330, 10328, 10332, 10334, 10327, 10331, 10329). См. также: Вид моря с парусным кораблем, писанный масляными красками. Из усадьбы Конопляно, принадлежащей прежде И. И. Лажечникову. От настоятельницы женской общины в с. Конопляне // Тверской музей и его приобретения в 1898, 1899, 1900 и 1901 годах. Тверь, 1903. С. 72 (№ 9687).

О И. И. Лажечникове, около тридцати лет прожившем в Твери и Старицком уезде Тверской губернии, истории знакомства писателя с А. С. Пушкиным.

77. Касьянова Валентина. «Кассовый аппарат в старицких пещерах – дело будущего» // Караван+Я (Тверь). <http://www.karavan.tver.ru/html/n388/article4.php3>.

Интервью главы администрации Старицкого района С. Ю. Журавлева.

Из содерж.: «Рядом поместье писателя Ивана Лажечникова, это в Конопдино. К сожалению, здание усадьбы полуразрушено. Раньше оно принадлежало акционерному обществу “Старицкий маслосырзавод”. Трудные времена для них миновали, но восстановление барского дома им пока не по силам».

2001

78. Поляков Г. А. и др. Особенности флоры тверских усадебных парков // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 7(23) / Колл. авторов. Редактор-составитель М. В. Нащокина. – М.: Издательство «Жираф», 2001. С. 108–121.

79. Прямухино. Усадьба Бакуниных: Буклет / Авт. текста В. И. Сысоев. Тверь, 2001.

Портретная галерея гостей усадьбы, среди которых – И. И. Лажечников.

2002

80. Сорочан А. Ю. Мотивировка в русском историческом романе 1830-1840-х годов: Учеб. пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 71, 94–110.

Из содерж.: Образ Афанасия Никитина и тверского князя Бориса Михайловича в романе И. И. Лажечникова «Басурман».

81. Сысоев Владимир. Бакунины. Тверь: Издательство «Созвездие», 2002. 464 с., илл.

Из содерж.: О знакомстве И. И. Лажечникова с членами семьи Бакуниных и посещении им Прямухина. С. 81, 119, 123, 124, 187, 347, 338, 341–342.

82. Гевелинг А.Ф. Нам 40 лет // Тверь / сост. Е. И. Борисов; редкол. Т. И. Бойцова; В. М. Веселов. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 2002. № 6–7. С. 5–8.

О Тверской писательской организации, упом. И.И. Лажечников.

83. *Дмитриева г. Серета В.* Материалы об Отечественной войне 1812 года в Государственном архиве Тверской области // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года: Сб. материалов ист.-краевед. конф. (Тверь, 24 сент. 2002 г.) / Твер. отделение Рос. о-ва историков-архивистов и др. Тверь: Лилия Принт, 2002. С. 148–161.

Перечень документов по теме Отечественной войны 1812 г. фонда Государственного архива Тверской области.

84. *Батасова Марина.* Из жизни монументов: Тверской период Ивана Лажечникова // Тверская жизнь. 2002. 9 ноября. С. 8. <http://www.tverlife.ru/news/12501.html>

Из содерж.: «Социальный бум прошел по городам России. В Вологде поставлен памятник поэту Батюшкову, в Радонеже - преподобному игумену Сергию, в селе Даровом, что в Зарайске, – Федору Михайловичу Достоевскому. Тверь своих именитых сограждан тоже припомнила – за последние годы установлен памятник Головинскому, спасшему город от наводнений, открыта мемориальная доска на доме, где служил вице-губернатор Салтыков-Щедрин.

Но есть в истории Твери еще одно имя, и его редко вспоминают, – это Иван Иванович Лажечников. Писатель был прочно связан с Тверью. Он прожил здесь 22 года <Далее приводятся сведения из биографии И. И. Лажечникова, информация о его служебной деятельности в Твери, романах «Последний Новик», «Басурман», «Ледяной дом», цитируется письмо писателя А. К. Жизневскому> И вот прошло без малого 150 лет, как покинул Лажечников наш город и появился проект памятника. Автор его, московский скульптор Владимир Потлов¹, родился в Коломне, где провел свою юность сам Лажечников и откуда он удрал на войну с Наполеоном. За плечами Владимира Потлова

¹ Потлов Владимир Александрович (р. 1949), скульптор, окончил Абрамцевское художественно-промышленное училище, Московское высшее художественно-промышленное училище, заслуженный работник культуры РФ, заведующий отделом скульптуры XX века Государственной Третьяковской галереи.

полвека. Он участвовал во многих выставках, его работы разошлись по государственным и частным коллекциям России, Италии, Бельгии, США. Но главный его замысел – памятник писателю Ивану Лажечникову. Он увиделся Потлову юным – на садовой скамейке сидит «новобранец 1812 года». Все впереди – и литературная слава, и Тверь...

Проект памятника получился не парадный, скорее провинциальный, в лучшем смысле этого слова – искренний, задушевный. Это ощущение камерности усиливается невысоким пьедесталом и небольшими, в 1,1/4 человеческого роста, размерами. Его легко представить в любом тихом скверике, он будет там замечательно смотреться. И сбудется мечта Лажечникова – он навсегда останется в милой сердцу Твери...»¹.

85. <Ред.> Поздравляем «Тверские ведомости»! // Тверская жизнь. 2002. 24 января. С. 1. <http://www.tverlife.ru/news/19755.html>

Из содерж.: «Эта еженедельная газета издавалась при Тверском губернском правлении и включала официальную часть, главными редакторами которой были И. И. Лажечников и М. Е. Салтыков-Щедрин, и неофициальную часть».

2003

86. *Шишкова М. П.* Тверской край – Музыка – Санкт-Петербург. Тверь: Издательство “Фактор”, 2003. 144 с.

О вкладе деятелей твер. края в культуру Санкт-Петербурга и петербуржцев в культуру Верхневолжья, конец XVIII - начало XX вв., в том числе И. И. Лажечникова. С. 51–62.

87. *Владимирова А.* Гимн может вернуться из девятнадцатого века / Владимирова Арина // Тверская Жизнь. 2003. 18 сентября. С. 1.

Краткая информация о выборе гимна для г. Осташкова.

¹ Идея установки памятника И. И. Лажечникову обсуждается не только в Твери, но и, что естественно, на его родине – в Коломне, см.: *Клочкова Е., Левкоева К.* и др. Увековечить память И. И. Лажечникова // Коломенская правда. 1988. 2 ноября. С. 3 [письмо о необходимости установить в Коломне памятник Лажечникову к 200-летию юбилею писателя]; *Викторович В.* По силам ли будет ноша // Коломенская правда. 1988. 22 ноября. С. 3.

2004

88. *Безотосный В. М.* Лажечников Иван Иванович / В. М. Бокова // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 396: ил.

И. И. Лажечников, писатель, исторический романист, статский советник (1858). В 1831–1837 гг. – директор училищ Тверской губернии, в 1837–1843 гг. после отставки жил в имении Конопдино Старицкого уезда. В 1843–1853 гг. – тверской вице-губернатор.

89. *Строганов М. В.* Биографические и творческие документы И. И. Лажечникова в Тверском архиве // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Вып. I. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2004. С. 143—154.

90. *Данилевская Елена.* Прямой потомок Бакуниных живет в Твери // Караван+Я (Тверь). 2004. 11 августа.

О И.И. Лажечникове, госте усадьбы Прямухино.

2005

91. Лажечников и Тверской край: статьи и материалы / ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2005. 272 с.

Из содерж.: *Строганов М. В. Лажечников и Тверь (по материалам Тверского архива). С. 9—34; Лажечников И. И. Опричник / Подготовка текста и публикация М. В. Строганова. С. 48—185; Михайлова А. К., Строганов М. В., Хитрово Л. К. А. С. Пушкин и Бакунины. С. 232—252 и др.*

92. *Ершов Б. А., Финкельштейн В. Б.* Тверь и тверитяне. Тверь: Издательство Студия-С, 2005. [Кн. 1]. С. 68–76.

Политико-административный статус и историческое описание Твери в 1247– 2003 гг.

93. *Скамейкин Владимир.* Прямухинский рай // Вече Твери. 2005. 8 июля. <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=3007>

Об усадьбе Бакуниных Прямухино Новоторжского уезда Тверской области.

Упомянут Лажечников и отрывки из его произведений: «В одном из уездов Тверской губернии есть уголок, на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие могла только собрать в стране семимесячных снегов. Кажется, на этой живописной

местности река течет игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях. Да и семейство, жившее в этом уголке, как-то особенно награждено душевными дарами” <...> О творце его (А. М. Бакунине, создатели «прямухинского рая». – Е. П.) писатель Иван Лажечников рассказывал: “Как хорош был этот величавый, слишком семидесятилетний старец, с не покидающей его улыбкой, с белыми, падающими на плечи волосами, с голубыми глазами, не видящими, как у Гомера, но с душою, глубоко зрящею, среди молодых людей, в кругу которых он особенно любил находиться...”¹.

94. *Зими́на Наталья*. Возвращение к теме запланировано // Тверская Жизнь. 2005. 24 дек. С. 7

О сборниках статей (изд-во "Марина»), подготовленных учеными Твер. гос. ун-та: "Лажечников и Тверской край" и "Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны".

Из содерж.: «Сборник статей «Лажечников и Тверской край» подготовили ученые филологического факультета ТвГУ. Он посвящен литературной и административной деятельности Ивана Лажечникова, жившего в Твери с 1831 по 1953 годы, а также тверскому окружению писателя, который общался с такими людьми, как Бакунины, Гагарины, Венецианов. В сборнике впервые опубликован тверской список трагедии Лажечникова «Опричник», републикуются многие малодоступные тексты. В их числе – воспоминания Августа Казимировича Жизневского и письма к нему Лажечникова, опубликованные сначала в газете «Тверские губернские ведомости», а в 1895 году вышедшие отдельной книгой. С тех пор в России они не издавались <...> тема пребывания автора «Ледяного дома» в Твери не исчерпана. Ждут публикации немногочисленные деловые бумаги

¹ Автор цитирует, но не называет «Заметки для биографии Белинского» И. И. Лажечникова; после слов «есть уголок» пропущена фраза (у Лажечникова в скобках): «Пушкин некоторое время жил близ этих мест, у помещика Вульфа» (*Лажечников И. И.* Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М.: Издательство «Советская Россия», 1989. С. 440).

и письма тверского вице-губернатора, материалы газеты «Тверские губернские ведомости». Ждут своих исследователей многочисленные родственные и дружеские связи Ивана Лажечникова не только в Твери, но и на территории Тверской области».

2006

95. Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции: Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2006. 186 с.

Из содерж.: *Сорочан А. Ю.* Тверская общественная жизнь в 1840–начале 1850-х гг. (из материалов «Тверских губернских ведомостей». С. 5–18; *Шитков А. В.* Коноплино: история поместья. С. 19–28; *Васильева С. А.* К биографии И. И. Лажечникова: из материалов тверской ученой архивной комиссии. С. 29–38; *Строганов М. В.* Измайлов в Твери. С. 39–77; Ф. Н. Глинка: из неопубликованного. Записная книжка 1840–1850-х годов / Подготовка текста и комм. Т. В. Тарасенковой и М. В. Строганова. С. 78–95; *Кашиарнова С. Г.* «Ловители»: история одного стихотворения Ф. Н. Глинки. С. 96–99; *Конишин Н. М.* Две статьи из «Тверских губернских ведомостей» / Вступ. зам., подгот. текста и примеч. А. Ю. Сорочана. С. 100–109; *Строганов М. В.* П. Ф. Вистенгоф в Твери: Забытые и неучтенные материалы. С. 110–121; *Строганова Е. Н.* К истории семьи Великопольских. С. 122–131; *Строганова Е. Н.* Тверские отголоски в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 132–150; Тверское окружение Лажечникова: материалы к указателю имен / Сост. А. Ю. Сорочан. С. 151–173; *Сорочан А. Ю.* И. И. Лажечников: литератор и администратор. С. 174–182.

96. *Ершов Борис.* «Иван Лажечников – тверской Вальтер Скотт» // Караван+Я (Тверь). 2006. № 4 (516). 24 января.

О раннем творчестве Лажечникова.

97. *Ершов Борис.* Вице-губернатор Лажечников // Караван+Я (Тверь). 2006. № 8 (520). 22 февраля.

О биографии Лажечникова.

98. *Зими́на Наталья.* «Чу» – покатушки // Тверская Жизнь. 2006. 21 марта. С. 3. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/26368.html>

Упо́мин. Тверской вице-губернатор Лажечников и его усадьба Коноплино.

99. *Петрочинина Ольга*. Проблемы заброшенных усадеб // Градсовет. 2006. № 4. С. 53–59.

Об усадьбах Старицкого р-на Твер. обл. Коноплино.

100. *Зими́на Наталья*. Уходящая натура // Тверская Жизнь. 2006. 6 сентября. С. 7. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/23837.html>

О празднике День российской усадьбы в Знаменском-Райке Старицкого района Тверской области; упомин. усадьба Коноплино.

101. *Орлова Мария*. Первый за век светский раут в старинном Райке // Караван+Я (Тверь). 2006. 13 сентября.

О празднике День российской усадьбы в Знаменском-Райке Старицкого района Тверской области; упомин. тверской помещик И. И. Лажечников.

102. *Петренко Евгений*. Литератор у власти // Тверская Жизнь. 2006. 29 декабря. С. 7. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/24092.html>

О втором выпуске сборника «Лажечников и Тверской край».
2007

103. *Сорочан А. Ю.* Иван Иванович Лажечников // Русские писатели и Тверской край: Учебное пособие по литературному краеведению для учеников старших классов средней общеобразовательной школы. Тверь: Научная книга, 2007.

104. *Безотосный В. М.* Казаки в Париже в 1814 году = Les cosaques a Paris, en 1814 / худож. Георг Эммануэль Опиц; Е.И. Иткина, Государственный исторический музей. М.: Кучково поле, 2007. 111 с.: цв. ил. На рус., фр. яз.

О казаках в Париже из воспоминаний И.И. Лажечникова («Походные записки русского офицера») и др. – с. 66–67.

105. *Банников А.* Собрание купца Федора Плюшкина // Русское искусство. 2007. № 1. С. 107.

В коллекции потомственного почетного гражданина города Пскова Ф.М. Плюшкина (1837–1911) хранился маленький акварельный портрет И. И. Лажечникова кисти А. В. Тыранова.

106. *Петренко Евгений*. Конкретный вид конкретного имения // Тверская Жизнь. 2007. 2 февраля. С. 3. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/24185.html>

О выставке графических работ художника В. Варламова, посвященных Пушкинским местам Верхневолжья; упомин. усадьба Коноплино.

107. *Зими́на Наталья.* День независимости // Тверская Жизнь. 2007. 16 февраля. С. 7. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/24236.html>

О 140-летию со дня создания Тверского музея и выставке в Тверской областной картинной галерее «У истоков коллекции».

Из содерж.: «Сложнее всего выявлять в собрании предметы декоративно-прикладного искусства. По счастью, в книгах учета поступлений иногда встречаются описания чуть более подробные, нежели «чашка с голубыми цветочками». Так удалось опознать фарфоровый молочник Севрской мануфактуры начала XIX века. Оказалось, что он поступил из усадьбы Коноплино, и его когда-то держал в руках писатель Лажечников¹».

108. *Ершов Борис.* Доброхотная копейка Авдотьи Глинки // Тверская газета. 2007. 9 марта. Режим доступа: <http://gazeta.tver.ru/articles.php?id=2661&day=9&month=3&year=2007>

Упомин. о дружбе Ф. Н. и А. П. Глинок с И. И. Лажечниковым.

109. *Ручников Петр.* Со своей колокольни. Новинки тверской краеведческой литературы // Тверская Жизнь. 2007. 17 марта. С. 7. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/24326.html>

Обзор кн.: «Русские писатели и Тверской край» с главой о Лажечникове, «Тверской край – душа России», «И. И. Лажечников и Тверской край», «Часы свободы в молодости».

¹ См.: Фарфоровая большая чашка... Фарфоровый молочник... Поступили из усадьбы Лажечникова; Кружка из матового стекла... Поступила из усадьбы Лажечникова // *Колосов В.* Краткое описание Тверского музея: Третья комната музея. Тверь, 1912. С. 50 (№ 11889, 11888); С. 71 (№ 11890); Фарфоровый молочник в виде вазы оливкового цвета... По словам продавца из усадьбы Лажечникова; Фарфоровая большая чашка... По словам продавца из усадьбы Лажечникова // Тверской музей и его приобретения в 1908 и 1909 годах. Тверь, 1911. С. 32. (№№ 11888, 11889), а также: О передаче совету музея И. А. Ивановым картины из усадьбы Коноплино // Журнал 1-го заседания совета Тверского музея. [Б. м.], [Б. г.] С. 8–9 (п. 13).

110. *Мангазеев Игорь*. Профессор Строганов выпустил первый учебник литературного краеведения // Вече Твери. 2007. 22 марта. № 40 (4010). С. 5.

О краеведческих книгах, в том числе: «Русские писатели и Тверской край» и главе, посвященной И. И. Лажечникову.

111. *Петренко Евгений*. По дороге с Пушкиным. Часть 1. Интервью проф. М. В. Строганова // Тверская Жизнь. 5 сентября 2007. № 162 (26.253). С. 6. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/15023.html>.

Интервью проф. М. В. Строганова. О понятии пушкинское «Пушкинское кольцо Верхневолжье», о маршрутах Пушкина на Тверской земле.

Из содерж.: «...Поэтому современный житель Твери и экскурсант уверен, что он повторяет пушкинский путь, когда на автобусе выезжает из Твери в Берново и проезжает мимо села Иванищи со старинной Успенской церковью XVI века, мимо поместья пушкинского знакомого Ивана Великопольского села Чукавино, мимо сельца Коноплино, которое уже в послепушкинские времена Великопольский продал известному историческому романисту и директору тверских училищ Ивану Лажечникову. Все это входит в Пушкинское кольцо, все это воспето в многочисленных путеводителях!...»

112. *Ручников Петр*. Виртуальное путешествие по литературным местам. На сайте Тверской областной библиотеки имени А.М. Горького появился новый раздел «Литературная карта Тверской области» // Тверская жизнь. 2007. 2 февраля. С. 7. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/24184.html>

И. И. Лажечников и Тверской край

113. *Шитков Александр*. На спасение души своей и на пользу ближним // Тверская Жизнь. 2007. 19 октября. С. 5. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/24717.html>.

Об археологических раскопках Троицкого собора в бывшей усадьбе Коноплино Старицкого района Тверской области в 2007 году.

114. *Гершкович Евгения*. Прицелимся к прошлому // Ведомости-Пятница. 2007. 14 декабря. Режим доступа: <http://friday.vedomosti.ru/article.shtml?2007/12/14/11245>.

О приватизации исторических памятников.

Из содерж.: «Под губернаторскую резиденцию сейчас реконструируется усадьба “Коноплино” в Твери, в которой некогда жил писатель Лажечников. В резиденции обещают устроить и небольшой музей, доступный для туристов».

2008

115. *Ершов Б. А., Финкельштейн В. Б.* Тверия и тверитяне. Книга третья. Тверь: Тверская областная типография, 2008. 360 с: ил. (Моя малая Родина).

116. *Чусова М. А.* «Благородный, прекрасный Вадим» // Московский журнал, 2008. № 4. С. 14–23: ил.; портр.

О русском историке Вадиме Васильевиче Пассеке (1808–1842) и его жене, авторе мемуарной книги «Из дальних лет» Татьяне Петровне Пассек (урожденной Кучиной, 1810–1889). Знакомство супругов с писателем И. И. Лажечниковым состоялось в Твери, где они жили зимой 1833–1834 гг. у родных.

117. *Бойников Александр.* «Белые пятна» тверского краеведения // Вече Твери. 2008. 23 мая.

Упомянут о серии книг «Лажечников и Тверской край».

118. *Павлова Полина.* Тверской адрес немецкого композитора // Тверская жизнь. 2008. 6 июня. С. 8. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/22787.html>

О пребывании композитора Р. Шумана и его жены К. Шуман в Твери.

Из содерж.: Среди тех, кто подолгу жил и останавливался в Твери, названы: А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, **И. И. Лажечников**, М. Е. Салтыков-Щедрин, Федор Глинка, Муравьев-Апостол.

119. *Кузьмин Владимир.* О себе и о других. Диалоги Андрея Дементьева / Тверская Жизнь. 2008. 18 июля. С. 1. Режим доступа: <http://www.tverlife.ru/news/25112.html>

Интервью поэта А. Д. Дементьева.

Из содерж.: «<...> тогда я понял, насколько глубоко тверская земля связана с культурой России. Через нее прошли все – Пушкин, Лермонтов, Толстой, Островский, Щедрин, **Лажечников**, потом – Гумилев, Ахматова, Ермолова. Куда ни поедешь, кажется, сам воздух навеян подлинной русской культурой».

120. *Васильчук Елена*. Дворянское гнездо: pro и contra // Тверская газета. 2008. 19 сентября. Режим доступа: <http://gazeta.tver.ru/articles.php?id=4396&day=19&month=9&year=2008>

О третьем празднике День русской усадьбы в селе Прямухи-не Кувишиновского района Тверской области

Из содерж.: На круглом столе «обсуждалось несколько путей привлечения капитала для восстановления и дальнейшего использования усадеб в качестве культурных и туристических объектов <...> есть и удачные примеры. В Тверской области это прежде всего возрождение усадьбы Знаменское-Раёк, переданной группе компаний «КОНКОР», где активно ведутся восстановительные работы. И усадьба Старицкого района Конопино, которую реставрирует фирма «Авто-Т».

2009

121. Лажечников и Тверской край. Вып. 3: Лажечников и усадебная культура: Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. – 192 с.

Из содерж.: *Строганов М. В.* Лажечниковы в Тверской губернии. С. 8–18; *Сорочан А. Ю.* Усадебная культура в произведениях Лажечникова. С. 19–45; *Шитков А. В.* Соседи Лажечникова: дворянские усадьбы Старицкого уезда. С. 46–70; Н. П. Вульф. Из истории дворянской усадьбы середины XIX века / Вступительная статья М. В. Строганова, подготовка текстов Е.В. Кирилловой и М. В. Строганова. С. 71–102; Стихотворения Н. П. Вульфа. С. 103–127; *Ильина Т. А.* Два архивных документа: И. И. Лажечников – директор гимназии. С. 129–141; *Строганова Е. Н.* «Лучший человек» Дмитрий Семенович Ржевский. С. 142–160; *Назарьян Р. Г.* «Но трудный путь любви служенья Измучил, силы подкосив...» (Иван Лажечников-младший в Самарканде). С. 161–170; Проза и стихи И. И. Лажечникова-младшего. С. 171–182; *Сорочан А. Ю.* Тверской писатель Лажечников. С. 183.

122. [*Сорочан А. Ю.*] Иван Иванович Лажечников // Русские писатели и Тверской край: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов университетов. Под ред. М. В. Строганова и И. А. Трифаженковой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. С. 79–87.

123. *Сысоев В.* «Неистовый Виссарион» и «русский Вальтер Скотт» против «Дормедона Прутикова» // Тверская старина. 2009. № 28. С. 73–79.

О дружбе В. Г. Белинского (неистовый Виссарион), И. И. Лажечникова («русский Вальтер Скотт») и А. М. Полторацкого (Дормедон Прутиков).

124. <Ред.> «Тверским ведомостям» – 170 лет // Тверские ведомости. 2009. 12 января. С. 1.

О дне рождения газеты «Тверские ведомости».

Из содерж.: «Она называлась “Тверские губернские ведомости” и была форматом в четверть современных “Ведомостей”. Редакция и типография газеты помещались в здании губернского правления (ныне ул. Советская, 9).

Какое значение в России придавалось газете, видно из того, что создателем и редактором первой русской газеты “Ведомости” был Петр I, редактором “Санкт-Петербургских ведомостей” – М. В. Ломоносов, а редакторами “Тверских губернских ведомостей” – вице-губернаторы (более известные как писатели) И. И. Лажечников (в 1843–1853 гг.) и М.Е. Салтыков-Щедрин (в 1860–1862 гг.)».

125. Усадьба Коноплино и его обитатели / подгот. Н. Чарухчева// Так Живем (Тверь). 2009. № 5. С. 8–9.

О владельцах усадьбы Коноплино Старицкого р-на Тверской обл.

126. *Скамейкин Владимир.* Дворянские гнезда Бакуниных // Тверская газета. 2009. 24 июня.

Из содерж.: приводятся слова И. И. Лажечникова о А. М. Бакунине из «Заметок для биографии Белинского».

127. *Скамейкин Владимир.* Памятные даты. 24 июля // Тверская газета. 2009. 24 июля.

Из содерж.: «1812. В боях за Витебск прославились умелым руководством генералы А.И. Остерман-Толстой (у него в адъютантах И.И. Лажечников)» и др.

128. *Скамейкин Владимир.* Памятные даты. 25 сентября // Тверская газета. 2009. 25 сентября.

Из содерж.: «1792. В Коломне, под Москвой, родился Иван Иванович Лажечников. Его называли «русским Вальтер Скоттом». Писатель-романист Лажечников родился в Твери, испол-

няя обязанности директора Тверской гимназии с 5.03.1831 г. Его первый роман «Последний Новик» был принят с восторгом «всею читающей публикой». Далее последовали «Ледяной дом», «Басурман», «Опричник». Творчеством Лажечникова охвачены целые эпохи – от зарождения Новгородской республики до Смутного времени. Не прекращал писательскую деятельность Иван Иванович и в годы тверского вице-губернаторства (1843–1853).

Тверь переживала «золотой литературный век»: Великопольский, Дмитриев, Измайлов, Коншин, Крылов, Плетнев, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Соллогуб...»

129. *Скамейкин Владимир*. Родословная династии Романовых // Тверская газета. 2009. 28 ноября.

Из содерж.: «6.02.1740. Широко известна потешная свадьба шутов, устроенная Анной Иоанновной на Неве в доме, сложенном из льда. Стоял мороз минус 30 градусов. Анна согнала на лед народ, чтобы он “тоже потешался”. Шута князя М. Голицына (в наказание за первую женитьбу на итальянке-католичке и за принятие веры жены) женили на камчадалке Бужениновой (ей дали фамилию по названию любимого блюда императрицы).

По команде Артемия Вольнского оркестр смолк. Третьяковский прочел приветствие: “Здравствуйте, женившись, дурак и дура”...

“Молодых везли в клетке на спине слона; приглашенные ехали за ними в санях, запряженных быками, собаками, козлами и свиньями. Были устроены пир и бал... Затем молодых ввели в ледяной дом, где они были заперты на всю ночь ... У Евдокии Бужениновой спустя положенный срок родился сын Андрей...”

Через 95 лет И.И. Лажечников, директор Тверской гимназии, писатель, «русский Вальтер Скотт», друг Пушкина, в Твери напишет роман “Ледяной дом”»

130. *Березин Антон*. В Твери проходит Неделя тверского краеведения // Тверские ведомости. 2009. 4 декабря.

О круглом столе «И. И. Лажечников и усадебная культура в Тверской губернии», который состоится 8 декабря 2009 г. в Городской библиотеке имени А. И. Герцена (Тверь).

131. *Сорочан А.* «Родные мне по сердцу...»: Тверские знакомцы Лажечникова // Коломенский альманах: Литературный ежегодник / Гл. ред. В. С. Мельников. М.: Изд-во журнала «Москва», 2010. Вып. 14. С. 185–196.

132. *Строганов М.* Тверские дворяне Лажечниковы // Коломенский альманах: Литературный ежегодник / гл. ред. В. С. Мельников. М.: Изд-во журнала «Москва», 2010. Вып. 14. С. 175–184.

133. Грибков-Майский В. Тверские вице-губернаторы: плеяда литераторов: (Литературно-историческая миниатюра) // Ренессанс. Тверской регион. 2010. № 3. С. 44–45.

О русских писателях вице-губернаторах Твери А. Е. Измайлове, И. И. Лажечникове и М. Е. Салтыкове-Щедрине.

134. Они известны во всем мире // Тверская Жизнь. 2010. 1 апр. С. 4

О знаменитых россиянах, связанных с Тверским краем, упом. И. И. Лажечников.

135. *Грибков-Майский Виктор.* Пиши на двери, публикуй в Твери // НГ Ex Libris. 2010. 13 мая. Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/tendenc/2010-05-13/5_tver.html.

О тверских вице-губернаторах-литераторах: А. Е. Измайлове, И. И. Лажечникове, М. Е. Салтыкове-Щедрине.

136. *Иванченко Татьяна.* Он Путевой, он – Императорский // Тверская Жизнь. 2010. 27 мая. С. 3. <http://www.tverlife.ru/news/10710.html>

О реставрации и истории Тверского Императорского Путевого дворца; интервью А. Каспржака¹.

Из содерж.: «Императорский дворец посещают историк Николай Карамзин, художник Орест Кипренский, баснописец Александр Измайлов, писатель Иван Лажечников, поэты Василий Жуковский и Федор Глинка».

¹ Каспржак Алексей Анатольевич, в 2010 г. заместитель губернатора Тверской области, начальник департамента финансов Тверской области, председатель рабочей группы по реставрации Тверского императорского дворца; в тексте статьи должности не названы.

137. *Петренко Евгений*. Тверские тайны русского Вальтера Скотта. О книге «Лажечников и усадебная культура» // Тверская жизнь. 2010. 7 июля. С. 7. <http://www.tverlife.ru/news/30172.html>

О кн.: Лажечников и Тверской край: Вып. 3. Лажечников и усадебная культура / Ред. А. Ю. Сорочан. Тверь, 2009.

138. *Бойцов С.* Наш коломенский земляк // Тверская Жизнь. 2010. 12 октября. С. 7. фот.

О научных чтениях в честь 200-летия со дня рождения И.И. Лажечникова (Тверь, октябрь 2010 г.).

139. *Сорочан А. Ю.* Тверская история в прозе И.И. Лажечникова // Сорочан А. Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. С. 87-97.

139. *Петренко Евгений*. Взгляд изнутри и со стороны // Тверская Жизнь. 2010. 19 окт. С. 7.

О книге: Сорочан А. Ю. Тверской край в литературе: Образ региона и региональные образы (Тверь, 2010).

140. *Петренко Евгений*. Здесь был Пушкин... и мы // Тверская Жизнь. 2010. 2 нояб. С. 7.

О результатах конкурса «Виртуальная экскурсия по литературным местам Тверской области». Коноплино Старицкого р-на Тверской обл.

141. *Бойников Александр*. Тверь в зеркале России и мира // Тверские ведомости. 2010. № 50 (17–23 дек.). С. 13.

О книге «Тверь в художественной литературе и публицистике» (Тверь, 2010).

2011

142. *Славин Михаил*. Потомок Лажечникова – профессор Тверского пединститута // Тверская Жизнь. 2011. 19 марта. С. 7.

Об историке древнерусской литературы А. С. Орлове.

143. *Грибков-Майский Виктор*. Удивительный штабс-капитан // Реноме. Тверской регион. 2011. № 7 (70). С. 44–45.

Из истории тверского дворянского рода Шишимаревы; И. И. Лажечников.

2012

144. *Суменкова-Дроздова Н. К.* «Русский Вальтер Скотт»: (к 220-летию со дня рождения Ивана Ивановича Лажечникова). Старица: Старицкая типография, 2012. 103, [1] с.: ил.

И. И. Лажечников, о нем.

145. *Лебедев Н. М.* Отечественная война 1812 года в произведениях писателей нашего края // Родник (Тверь). 2012. № 1 (январь-февраль). С. 4.

Из произведений тверских писателей о войне 1812 г.; И. И. Лажечников и его « Походные записки русского офицера» (1817–1818; отдельное издание – 1820 г.).

146. *Благодеров Анатолий.* О, молодые генералы своих судеб // Тверская Жизнь. 2012. 2 февр. (№ 17). С. 2.

О тверских героях Отечественной войны 1812 г.: И. И. Лажечников, доброволец Московского гренадерского полка.

147. *Лебедев Николай.* Война 1812 года в произведениях писателей нашего края // Тверская Жизнь. 2012. 17 февр. (№ 29). С. 4.

Об участниках Отечественной войны 1812 г.: И. И. Лажечников.

148. Счастлив, что на долю мою пришлось совершить такое... / подгот. О. Иванова // Тверская Жизнь. 2012. 22 мая (№ 92). С. 7.

О знакомстве И. И. Лажечникова с А.С. Пушкиным.

149. *Лебедев Н.* Вы помните: текла за ратью рать // Тверская Жизнь. 2012. 2 авг. (№ 142). С. 20.

Автор о своей книге «Отечественная война 1812 года в литературе и публицистике Тверского края».

Лажечников и Тверской край.

Выпуск 4.

Статьи и материалы

Ответственный редактор А. Ю. Сорочан

Дизайн обложки Игоря Васильева

На обложке – И. И. Лажечников (фото 1850-х гг.);
усадебный дом в имении Коноплино после реставрации
(фото А. Ю. Сорочана, 22 сентября 2010 г.),

Подписано в печать 25.08.12. Формат 60x84 1/16.

Бумага типографская. Объем 9, 4 п. л.

Тираж 200 экз.

Издательство М. Батасовой

(4822) 450–459, 8 920 684 6879

